

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

На правах рукописи

Филипцев Константин Николаевич
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК
ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Специальность 09.00.11 – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор С. И. Рудаков

Воронеж-2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Социально-философские аспекты исследования политической культуры: концептуализация понятий.....	26
1.1. Политическая культура как объект философского исследования	26
1.2. Политическое сознание, политическая культура и политическое поведение: соотношение и взаимосвязь.....	58
Глава II. Значение политической культуры в политической жизни общества.....	80
2.1. Интегративный потенциал политической культуры в системе политических отношений	80
2.2. Политическая культура и социальные изменения	106
2.3. Генотип российской политической культуры.....	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	167
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	173
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	192

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Размеры, глубина и многомерность политического мира затрудняют процессы научной обработки информации по систематизации и интерпретации. Признавая догматизированность канонов институционального анализа, традиционного для политического дискурса¹, научное сообщество не занимает консолидированную позицию относительно параметров иного приемлемого подхода, способного дать объективную картину политической действительности. Феноменологический и психологический подходы частично преодолевают недостатки институционального анализа, но не решают указанной проблемы. Социокультурный анализ наряду с другими подходами обладает собственными преимуществами.

Человеческое познание обусловлено и ограничено социально-и-культурно-историческими условиями. По мере движения человечества в историческом пространстве и времени мы констатируем постоянные трансформации в типах общества, знаниях и в человеческой культуре в целом, включая представления о глубинных основах бытия мира и человека. Социально-историческая и культурно-историческая обусловленность мышления и познания изменяет представления человека о значении разума в развитии социума. В современной науке западноевропейский рационализм утратил лидирующее положение, актуализировав другие основания человеческого бытия, способные стать посредниками между сознанием и бытием. Одним из таких посредников является культура, которая во взаимодействии с политическим фактором в наши дни влияет на мировое развитие, вызывая проявление многочисленных национально-культурных идентичностей и создавая ценностно-нормативные расколы. Данные процессы и многообразие феноменов политического мира дают основание использовать культурно-ориентированный анализ политической реальности.

В XXI веке мы наблюдаем два важных общественных процесса, выдвигающих понятие политической культуры в центр политического дискурса. Во-первых,

¹ Дискурс мы понимаем как совокупность типичных для определённого социального сообщества практик коммуникативного взаимодействия, которые имеют фиксированные вербальные и невербальные выражения.

возрастание роли человека как субъекта, включенного в систему политических отношений ввиду формирования новых информационных практик (приоритет знаний, владение информацией, управление общественным мнением и обратная связь), которые делают политическое сознание не меньшей реальностью, чем политическое бытие; во-вторых, трансформация содержания понятия «глобализация», символизовавшего в XX веке источник единства мира, линейно развивающегося по пути прогресса. Модернизовавшиеся государства использовали романо-германскую модель в качестве образца общественных преобразований ввиду значительных экономических достижений западноевропейской цивилизации, которые обеспечивали ее мировое лидерство. Однако успехи стран Южной и Юго-Восточной Азии в социально-экономическом развитии были достигнуты на основе использования западного опыта при сохранении цивилизационных особенностей. В результате в глобализации была обозначена противоположная тенденция, переводящая модернизацию на локальный уровень и продемонстрировавшая важность фактора культуры в процессе трансформации социальной системы. Данное обстоятельство ориентирует исследователя на восприятие глобального мира во множестве разнообразия оттенков и смыслов, что позволяет преодолеть эпистемологию типа «или – или» и развить иной способ мышления, основанный на признании культурного плюрализма устойчивой особенностью человеческого сообщества. Исследование феномена политической культуры приобретает **актуальность**, так как ставит 1) проблему соотношения объективного и субъективного факторов в процессе общественного развития и 2) проблему взаимодействия традиций и инноваций в политической культуре, игнорирование которой превращает антитезу «традиция – инновация» из источника в препятствие развития социума.

Глобализация характеризуется универсализацией мировой хозяйственной жизни, образованием всемирного рынка товаров, финансов и услуг, формированием транснациональных корпораций, становлением глобального информационного и телекоммуникационного пространства, доминированием либерально-демократических ценностей и западной массовой культуры. Как социальное явление глобализация означает распространение капиталистической экономической системы в мировом масштабе и унификацию политических процессов по западному образцу. Как политическая концепция глобализация основана на идее утверждения

единой мировой капиталистической системы, «ядро» которой составляют развитые страны с населением около одного миллиарда человек, «периферию» – остальные государства мирового сообщества. «Золотой миллиард», обладая финансовыми и научно-технологическими рычагами мировой экономики, обеспечивает собственное благополучие за счёт вывоза сырья, интеллекта и рабочей силы из «периферии» и определяет векторы развития народов. Очевидно, что «периферия», испытывая воздействие негативных последствий глобализации (нищеты, безработицы, роста заболеваний и сокращения продолжительности жизни), неспособна экономически противостоять насильственной гегемонии Запада. Однако она совместными усилиями в состоянии инициировать альтернативный путь мирового развития, ориентированный на становление многополюсного и многообразного сообщества государств, народов и культур, которые станут равноправными партнёрами на международной арене.

Впервые Н.Я. Данилевский, А. Тойнби и О. Шпенглер изобразили развитие мировой истории как развитие культур отдельных народов. В частности, О. Шпенглер, раскрывая понимание культур, писал, что «всё это отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории ...»², ни одна культура не должна претендовать на приоритетное положение, ибо все они вместе представляют собой выражения и изменяющиеся проявления единой жизни, находящейся в центре Вселенной. Уподобляя общественное развитие развитию культур, они сравнивали культуры с жизненными циклами человека, неизменной сущности которого соответствовали неподдающиеся изменению константы культуры, сохраняющиеся до момента исчезновения культуры. Процессы глобализации, создающие возможности для использования достижений других цивилизаций, чтобы преодолеть отставание в развитии, породили наряду с всемирной интеграцией глобальные кризисы и социокультурную дезинтеграцию, сепаратизм и международный терроризм, что свидетельствует о разложении постиндустриального капитализма и зарождении нового типа цивилизации. Преодоление кризисного состояния

² Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Минск: Поппури, 2009. Т. 1. Образ и действительность. С. 23.

требует изменения стратегии развития человечества и основных ценностей мироустройства, что обуславливает выдвижение на передний план фактора культуры в теоретическом и практическом значении.

Теоретики социокультурного анализа (А. С. Ахиезер, В. С. Библер, М. С. Каган, Н. И. Лапин, В. М. Межуев, П. А. Сорокин и др.), обосновав тезис о влиянии культурного контекста на социальные объекты, предложили разные варианты осмысления сущности и потенциала социокультурного подхода. Но предложенные варианты не дают возможности создать общепризнанный методологический комплекс. Развитие гуманитарного знания в последние десятилетия и рост значения культурного фактора в социальной инженерии обусловили активное использование культурно-ориентированного подхода при анализе социальной действительности философами, историками, социологами и политологами. Кроме того, было установлено, что уровень культуры взаимосвязан с демократическими процессами, ибо попытки воспроизвести западноевропейскую модель демократии в латиноамериканских и африканских странах не увенчались успехом, несмотря на экономическую помощь Запада по программе «Союз ради спасения». Немногие страны (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг) перешли в разряд стран «первого мира». Но подавляющее большинство государств не стали демократическими и экономически развитыми (из шести миллиардов человек, населяющих земной шар, четыре миллиарда имеют доходы ниже среднего уровня и низкие доходы)³. Встал вопрос о влиянии культуры в целом и политической культуры в частности на реформы политической системы общества.

Предпринятые дальнейшие исследования по изучению объектов социально-гуманитарного знания выдвинули новаторские теоретические положения. П. Бергман и Т. Лукман, синтезируя абстрактные теории и эмпирические знания, дали философский анализ социологических категорий и характеристики структур и институтов, составляющих социальную реальность. Они раскрыли дуалистичность социума как объективной и субъективной реальности, которая создается человеком, оказывая обратное воздействие на человека⁴. Р Инглхарт пришел к выводу, что

³ Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 16.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 41, 210.

культуры довольно самостоятельны, поэтому, с одной стороны, в процессе развития индустриального общества осуществляются культурные сдвиги, расшатывающие традиционные ценности, с другой стороны, самобытные культурные зоны оказывают влияние на важнейшие сферы жизни общества. Экономический прогресс сопровождается постепенным переходом от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения». При переходе от модернизации к постмодернизации траектория перемен сдвигается от приоритета экономического роста к повышению качества жизни, что означает переформатирование культуры, которая в обратном порядке оказывает влияние на изменение политической и экономической жизни⁵. С. Ф. Хантингтон объяснял успехи экономического развития стран Южной и Юго-Восточной Азии параллельными процессами использования и преобразования стандартов западной цивилизации при условии согласованности с азиатскими ценностями. Он подчеркивал возрастающую роль цивилизационных противоречий в мировой политике, которые опосредствуют межгосударственные и внутрисистемные коллизии и составляют линию разлома между цивилизациями, создавая потенциальную возможность столкновения между ними⁶. П. Штомка в курсе социологии вводит понятие культурной травмы как результата социальных изменений, прослеживая генеалогию травмы и определяя три ее уровня⁷. Р. Инглхарт и К. Вельцель показали на основе данных массовых опросов многолетнего социологического проекта World Values Surveys, что в последние десятилетия XX в. у разных стран мира культурная динамика эволюционировала от ценностей самовыживания к ценностям самовыражения, что способствовало продвижению традиционных обществ к демократии⁸.

Отечественные ученые также проявили научный интерес к социокультурному направлению, что было связано главным образом с разрушительными процессами, ставшими итогом модернизации российского общества по западной нео-

⁵ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. №4. С. 6-32.

⁶ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ ; СПб.: Terra fantastica, 2003 ; Он же. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс – Традиция, 2004 ; Он же. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

⁷ Штомка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

⁸ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

либеральной модели. Переосмыслению были подвергнуты объекты, которые традиционно игнорировало советское обществознание (политика, власть, элиты, цивилизация, политическая культура, гражданское общество, ценности, идеологии)⁹ и даны оценки процессам модернизации в России¹⁰. Авторы коллективного исследования «Социальные знания и социальные изменения» верно отмечали, что историческое развитие России открыто многим влияниям и не имеет законченной телеологической направленности и что наилучшим способом модернизации может стать возвращение к истокам исторической альтернативы, которая породила современные социальные проблемы, чтобы переоценить заново исторический выбор и двинуться вперед на основе нового выбора¹¹.

Следует отметить весомый вклад в теоретическую разработку феномена культуры во взаимосвязи с модернизационными проектами В.Г. Федотовой, автора книги «Модернизация и культура»¹². В.Г. Федотова на основе анализа культурного развития ведущих государств мира рассматривает модернизацию в единстве материальной и духовной жизни, что дает возможность народам двигаться по вертикали. Выделяя два этапа в глобализации, она считает мегатрендом второго этапа

⁹ Ачкасов В. А. «Взрывающаяся архаичность»: Традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1997; Соловьёв А. Культура власти российской элиты: Испытание конституционализмом? // Полис. 1999. № 2. С. 65-80; Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. д.ф.н. В. Г. Федотова; Ин-т философии РАН. М.: ИФ РАН, 2001; Шестопап Е.Б. Личность и власть: Попытка микрополитического анализа перспектив демократизации в постсоветской России // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М.: РОССПЭН, 2004. С. 338-364; Элиты в современных политических процессах (опыт сравнительного исследования) / ГОУ ВПО «ВГУ»; А.В. Глухова [и др.]. Воронеж: Научная книга, 2009; Романович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009; Фан И.Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. 2010. № 6. С. 149-161; Давыдов А.П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России: подведение итогов первого заседания «круглого стола» Ахиезеровских чтений // Философские науки. 2010. № 2. С. 68-79; Гуторов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, 2011; Пальцев А.И. Системообразующие ценности евразийской (русской) цивилизации // Власть. 2011. № 4. С. 42-46; Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социс. 2012. № 2. С. 63-73; Шестопап Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. 2014. № 2. С. 61-74; Идеи и ценности в политике / Российская ассоциация политической науки; [редколл.: А.И. Соловьёв (гл. ред.) [и др.]]. М.: РОССПЭН, 2015.

¹⁰ Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006; Пантин В.И. Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы, тенденции, перспективы // Полис. 2007. № 5. С. 105-107; Сиденко О.А. Российская модернизация: тайна за семью печатями // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 1. С. 93-98; Кива А.В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 42-51; Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2014; Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015.

¹¹ Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. д.ф.н. В. Г. Федотова; Ин-т философии РАН. М.: ИФ РАН, 2001. С. 201.

¹² Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016.

актуализацию культурного многообразия в мировом развитии. Автор рассматривает культуру нации с позиции прецедентных феноменов (символов достижения культуры) и долговременных феноменов (архетипов), определяющих способность страны развиваться в определенном направлении или вписываться в другие культуры по мере возрастания глобальных связей. Она подчеркивает, что причины неудач преобразований в России взаимосвязаны с игнорированием социокультурного фактора.

Современная российская действительность подтверждает противоречие между неолиберальной моделью преобразований в российском обществе и социокультурной идентичностью россиян, которые не отвергают капиталистический путь развития, но одновременно ностальгируют по советскому образу жизни. Реформаторские нововведения инициируются исключительно политическими элитами, которые не учитывают сложившиеся механизмы взаимодействия в системе государственного управления и этноконфессионального общения, а также образы власти, социокультурные ценности и особенности политической культуры общества, что в итоге породило кливаж «элита – народ». Чтобы предотвратить потенциальные социальные конфликты, необходимо философское осмысление политико-культурных процессов в российском обществе и феномена политической культуры, выдвигающей на передний план человека, когнитивные, эмоциональные и оценочные ориентации которого, реализуемые в процессе политической деятельности, оказывают влияние на стабильность политической жизни, создавая перспективу для движения общества по спирали исторического развития.

Степень научной разработанности проблемы. Зарубежные исследователи уделяют достойное внимание теоретическому осмыслению понятия «политическая культура». Впервые теория политической культуры была представлена в работах Г. Алмонда и С. Верба «Сравнительные политические системы» (1956 г.) и «Гражданская культура» (1963 г.), а продолжили развивать данное направление такие известные зарубежные учёные, как С. Чилтон, М. Бринт, Дж. Джонсон, Д. Скотт, Л. Дитмер, Д. Лейтин, Л. Пай, К. Гирц, У. Розенбаум, Р. Патнэм, Е. Вятр и другие¹³.

¹³ Chilton S. Defining Political Culture // World politics. 1988. Vol. 27. № 2. P. 419-445 ; Almond G. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // *The Civic Culture Revisited* / Ed. by Almond G., Verba S. L.: Sage, 1989. P. 1-36 ; Verba S. On Revisiting The Civic Culture: a Personal Postscript // *The Civic Culture Revisited* / Ed. by Almond G., Verba S. L.: Sage,

Некоторые исследования были опубликованы на русском языке¹⁴. По признанию большинства ученых, вышедшие издания акцентировали внимание на аспектах, которые заслуживали внимание, но по сравнению с компаративным исследованием Г. Алмонда и С. Верба они не показали качественно новых результатов в постижении феномена политической культуры. Поэтому применительно к теории политической культуры Г. Алмонда и С. Верба применяется термин «концепт», что, с одной стороны, подчёркивает идею творчества, присущую данной теории, с другой стороны, – субъектность феномена (в осмыслении Г. Алмонда и С. Верба).

Авторы коллективного исследования «Культура имеет значение» предложили собственное видение проблемы о взаимодействии культуры и общественного прогресса и в частности интерпретировали культурный фактор в политическом развитии¹⁵. Р. Инглхарт подчеркнул наличие взаимосвязи между культурными ценностями и политическим развитием. Ф. Фукуяма отметил, что социальный капитал (свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы и позволяющих им осуществлять интеракции) открывает широкие возможности в управлении демократическими институциональными процессами. Д. Ландес высказал уверенность, что почти всё в экономике объясняется культурой. Он проиллюстрировал данный тезис реформами Ф.Э. Кардозо в Аргентине и японской реставрацией Мэйдзи. М. Портер отмечал трансформацию культурной составляющей в глобализации, стирающей различия между культурами. Д. Сакс настаивал, что культура имеет второстепенное значение по сравнению с климатом и географией. К.А. Монтанер показал, каким образом латиноамериканская культура влияет на поведение

1989. P. 394-410 ; Brint M. Genealogy of Political Culture. Boulder (CO): Perseus Books, 1991; Welch S. The Concept of Political Culture. L.: St. Martin's press, 1993 ; Almond G. Foreword: the Return to Political Culture // *Political Culture & Democracy in Developing Countries* / Ed. by Diamond L. Boulder (CO), etc.: Lynne Rienner Publ., 1994. P. IX-XII ; Gendzel G. Political Culture: Genealogy of a Concept // *Journal of Interdisciplinary History*. 1997. Vol. 28. P. 225-250 ; Laitin D. Political Culture and Political Preferences // *American Political Science Review*. 1998. Vol. 82. № 3. P. 589-593 ; Johnson J. Conceptual Problems as Obstacles to Progress in Political Science. Four Decades of Political Culture Research // *Journal of Theoretical Politics*. 2001. Vol. 15. № 1. P. 87-115 ; Scott D. Culture in Political Theory // *Political theory*. 2003. Vol. 31. № 1. P. 92-115 ; Welch S.. Political Culture, Post-Communism and Disciplinary Normalization: Towards a Theoretical Reconstruction // *Political Culture and Post-Communism* / Ed. by Whitefield S. Oxford: Palgrave Macmillan, 2005. P. 113-116.

¹⁴ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996 ; Формизано Р. Л. Понятие политической культуры // *Pro et contra*. 2002. Т. 7. № 3. С. 111-146 ; Гирц К. Интерпретация культуры. М.: РОССПЭН, 2004.

¹⁵ Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л.Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 38, 75, 94, 106, 129, 168, 186, 237, 290.

политической элиты. Р. Шведер раскрыл значение культурного плюрализма в развитии человечества, Р. Эджертон отстаивал мнение о несоразмерности культур, ибо некоторые культуры содержат представления, верования и практики, имеющие разрушительные последствия. Ту Вэмин сравнил западный и конфуцианский подходы к модернизации. Л. Харрисон выделил десять ценностей, которые отличают прогрессивные культуры от статичных культур. Обозначив противоречивую природу культуры и различия в толковании её влияния, авторы единодушно определили культурные ценности в качестве важнейшего фактора социального прогресса.

Равенство и разнообразие в глобальную эпоху стоит в центре исследовательского интереса американского философа Сейлы Бенхабиб, поддерживающей тезис «культура имеет значение», так как культурные оценки на глубинном уровне всегда увязаны с нашими потребностями и интересами, представлениями и мечтами¹⁶. Каждая культура создает собственный образ бытия, который находит отражение в сознании и поведении человека, принадлежащего к культурному сообществу. С. Бенхабиб фиксирует параллельный глобализации процесс – «обратную глобализацию», когда люди перемещаются из отсталых регионов мира в передовые демократические страны, т.е. из «периферии» в «центр». Создавая анклавные национальных меньшинств, они требуют признать их право на особость, стремясь внедрить свои религиозно-культурные обычаи в правовое и культурное пространство государств либеральной демократии. Мультикультурализм во множестве своих проявлений ставит под вопрос ключевые послышки либеральной политической мысли. Чтобы разрядить конфликтный потенциал мультикультурализма, автор предлагает реализовать двухуровневую концепцию совещательной демократии, ориентированной на межкультурный диалог.

В 1990-е годы российская научная общественность активно включилась в исследование проблематики политической культуры. Обзор изданных работ российских авторов дан в ряде исследований¹⁷. В сфере научных интересов ученых име-

¹⁶ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М.: Логос, 2003. С. 155.

¹⁷ Пивоваров Ю. С. Концепция политической культуры в современной науке // Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 6-46 ; Политическая культура России: История, современное состояние, тенденции, перспективы. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2001 ; Малинова О.Ю. Исследования политической культуры. М.: МГИЭТ (ТУ), 2002 ; Шатилов А.Б. Постсоветские подходы к изу-

ются различные аспекты политической культуры. Часть работ акцентирует внимание на политической культуре как неизменной составляющей мира политического¹⁸, другие описывают своеобразие политических культур различных стран¹⁹, третьи показывают особенности политической культуры на региональном уровне или политическую культуру отдельной социальной группы²⁰. Онтологические основы и структурные элементы концепта «политическая культура» не обойдены вниманием научного сообщества²¹. Значительный корпус книг и статей исследуют феномен российской политической культуры²². Они представляют как разные

чению политической культуры // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 183-194 ; Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публицистическом дискурсе // Полис. 2006. № 5. С. 106-128 ; Трансформация политической культуры: состояние и перспективы: сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции по теме «Перспективы трансформации политического сознания и политической культуры в условиях глобализирующегося мира» / под общ. ред. О.С. Городниной. Орёл: ООО Полиграфическая фирма «Картуш» ; Изд-во ОГУ, 2010.

¹⁸ Ачария Б., Чаморро С.М. Особенности воздействия политической культуры на политическую систему общества. М.: Наука, 1998 ; Арутюнян Л.Н. Политическая культура: процессы формирования и изменения (о некоторых гипотетических основаниях одной теоретической модели) // Образы власти в политической культуре России. М.: МОНФ, 2000. С. 17-27 ; Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. М.: Центр гуманитарных ин-тов ; СПб.: Универсальная книга, 2014 ; Федотова В.Г. Различия политических культур и международные конфликты // Полис. 2015. № 1. С. 44-54.

¹⁹ Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990 ; Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление: попытка этноисторического анализа политических культур государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992 ; Политическая культура: теория и национальные модели / К.С. Гаджиев (ред.). М.: Интерпракс, 1994 ; Политические системы и политические культуры Востока / Моск. гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД РФ ; под ред. А.Д. Воскресенского. М.: АСТ, 2007 ; Механизмы власти: трансформация политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв.: материалы международной конференции, Москва, 15-18 мая 2007 г. / [под общ. ред. Е.И. Пивовара]. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2009.

²⁰ Морозова Е. В. Современная политическая культура Юга России // Полис. 1998. № 6. С. 113-131 ; Ширинянц А.А. Вне власти и народа: Политическая культура интеллигенции России XIX – XX века. М.: РОССПЭН, 2002 ; Псковская политическая культура: традиции и современность / А.И. Лобачев (ред.). Псков: Псковское возрождение, 2004 ; Фадеева Л.А. Интеллектуалы, интеллигенция: самоидентификация и политическая культура // Человек, общество, управление. 2006. № 4. С. 112-123 ; Мирошниченко И.В. Формирование политической субкультуры: социальные механизмы и уровни субъектности социально-профессиональных групп в политике // Человек, общество, управление. 2006. № 4. С. 148-161.

²¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985 ; Арутюнян Л. Н. Концепция политической культуры: состояние и перспективы // Политическая наука современной России: тенденции развития. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 33-46 ; Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 19-30 ; Завершинский К.Ф. Концепт легитимности как дискурсивная основа анализа политической культуры // Принципы и практика политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002. С. 119-125 ; Пикалов Г.А. Теория политической культуры. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2004 ; Денисов В.В. Политическая культура. Теория и практика // Философия и общество. 2006. № 1. С. 19-30.

²² Верченев Л. Н. Политическая культура: российские пути и перепутья // Политическая наука современной России: тенденции развития. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 5-32 ; Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 51-76 ; Соловьёв А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М.: РОССПЭН, 2004. С. 313-337 ; Патрушев С.В. Российская политическая культура как система диспозиционных ориентаций: что нового // Политическая наука: Исследования политической культуры: Современное состояние. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 75-94 ; Седов Л.А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 67-74 ; Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. 2006. №1. С. 33-43 ; Зевина О.Г., Макаренко Б.И. Об особенностях политической культуры современной России // Полис. 2010. № 3. С. 114-131 ; Корниенко Т.А.

взгляды, так и единые позиции по содержанию и типам политической культуры; по факторам, влияющим на генезис данного феномена; по общему и особенному в политической культуре разных народов. Они выявляют субъектно-объектные связи в политических отношениях как способе существования политической культуры, исследуют историческое и современное состояние мира политического, в контексте которого формируется политическая культура, и устанавливают взаимосвязь политической культуры с социальными изменениями и культурными процессами, проводя сравнительные анализы политико-культурных характеристик стран Западной Европы и России. По сравнению с исследованиями в области политической социологии, политологии и политической истории очень ограничен круг работ, анализирующих политические культуры с позиции философии.

Главным предметом исследования коллективного труда научных сотрудников Института философии РАН является анализ процессов глобализации в исторической перспективе при учете глобальных вызовов, перед которыми оказалось человечество и на которые оно может адекватно ответить только объединенными усилиями²³. Авторы рассматривают философские, исторические, этические и методологические основы диалога культур, механизмы и трудности межкультурного общения. Концептуальная основа исследования изложена академиком В.С. Стёпиным, отрицающим концепцию линейного развития и прогресса, высшим достижением которого западные теоретики объявляют постиндустриальный капитализм. Преодоление глобальных кризисов, по мнению автора, требует не только технологической революции, но и духовной реформации, поэтому постиндустриальная цивилизация может стать началом перехода к новому типу цивилизации, которая не будет являться особой стадией технико-технологического развития. В.И. Толстых отмечает парадигмальный характер кризиса мировой цивилизации, ибо он затронул базовые ценности современного мироустройства. Чтобы разрешить противоречия, необходимо принять альтернативный проект цивилизационного развития, ориентированный на становление многополюсного и многоликого сообщества народов на основе совпадения и взаимопроникновения гуманистических ценностей

Модернизационные вызовы и трансформация политической культуры: к вопросу о социально-культурных факторах модернизации // Человек, сообщество, управление. 2012. № 3. С. 31-41.

²³ Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Институт философии РАН ; [отв. ред. В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов]. М.: Наука, 2005. С. 5-18, 151-169, 170-186.

традиционного и техногенного обществ. А.А. Гусейнов справедливо отмечает, что те, кто выступает за диалог культур, противопоставляя культурный плюрализм духовному монизму Запада, тоже используют язык западной культуры. Они делают акцент на ускоренном развитии и модернизации, чтобы не допустить доминирования западноевропейской цивилизации. Но задача ученого заключается в определении смысложизненной перспективы глобального мира, который переживает угасание индустриальной цивилизации. В.Г. Федотова, А.В. Дмитриев, Л.А. Беляева и Н.И. Лапин анализируют последствия модернизации в посткоммунистической России через модели модернизации, ценности и миграцию населения.

Философские проблемы политики, культуры и глобализации находятся в центре научного интереса И.А. Гобозова, подразделяющего интеграционные процессы в мире на эпоху объективной интернационализации и эпоху субъективной глобализации, начавшейся после распада СССР. Последняя, по мнению автора, представляет собой навязывание государствам западной модели развития общества, формирование культа индивида и установление правил взаимоотношений между государствами, изменить которые имеют право только страны «золотого миллиарда». И.А. Гобозов, раскрывая противоречия современного капиталистического мира, указывает на системный кризис культуры, одним из аспектов которого является деинтеллектуализация общества, несмотря на наличие широкого спектра возможностей для духовного развития человека. Поэтому преодоление кризиса возможно только на пути деглобализации.

Осмысление политической жизни в единстве объективных и субъективных сторон требует учёта фактора политической культуры, содержащей почти неподдающуюся изменению константу, именуемую генотипом. Генотип политической культуры выражает устойчивые представления и наиболее типичные формы взаимоотношений власти и общества, власти и человека, государства и общества, политические ценности, общепризнанные нормы и традиции, регулирующие взаимодействие внутри политики; стереотипы политического сознания и поведения, воплощающие эмоциональное-оценочное восприятие системных характеристик полити-

ческой сферы. Генотип в закодированной форме сохраняется в исторической памяти народа и оказывает влияние на сознание и поведение человека, социальной группы или нации в целом. Модернизация общества неизбежно приводит к столкновению традиций (способов бытия и воспроизводства элементов социокультурного наследия, что закрепляет стабильность и преемственность политического опыта поколений) и инноваций (нововведений). Но проблема взаимосвязи между ними в политической культуре и влияния данного взаимодействия на политическое состояние общества остаётся нерешённой, ибо указанная проблема требует философского осмысления сущности и структуры политической культуры и, следовательно, проведения комплексного исследования на междисциплинарном уровне, чтобы через призму концепта «политическая культура» показать процессы развития и преобразования в обществе. Отчасти предмет нашего исследования фрагментарно разработан в трудах отечественных ученых²⁴.

Особенно следует отметить вклад воронежских ученых в разработку концепта политической культуры. Авторский коллектив под руководством А.В. Глухой исследовал несколько сторон концепта, и несмотря на издание в 2005 г., книга сохраняет актуальность, ибо, используя выражение авторов, «культурное землетрясение», породившее пробуждение многочисленных культурных идентичностей, обозначило противоречие между универсалистскими принципами либеральной демократии и стремлением наций сохранить автономность собственного образа жизни и системы ценностей. Вопросы, которые рассматривают ученые, многообразны: необходимость диалога между культурами ради предотвращения конфликтов, демократические процессы в современной России, традиция раскола

²⁴ Баталов Э.Я. Советская политическая культура // *Общественные науки и современность*. 1994. № 6. С. 32-41 ; Он же. Советская политическая культура // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 60-70 ; Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // *Полис*. 1997. № 5. С. 127-139 ; Рукавишников В.О. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения / В.О. Рукавишников, Лук Халман, Питер Эстер. М.: Совпадение, 1998 ; Кертман Г.Л. Катастрофизм в контексте российской политической культуры // *Полис*. 2000. № 4. С. 6-18 ; Пивоваров Ю. С. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006 ; Седов Л. А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3. С. 67-74 ; Орлов И.Б. Политическая культура России XX века. М.: Аспект Пресс, 2008 ; Модернизация и политика: традиции и перспективы России / Российская ассоциация пол. науки ; редколл.: А.И. Соловьёв (гл. ред.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2011 ; Селезнева А.В. Политические представления и ценности россиян. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2012 ; Шестопап Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // *Полис*. 2014. № 2. С. 61-74 ; Идеи и ценности в политике / Российская ассоциация политической науки ; [редколл.: А.И. Соловьёв (гл. ред.) [и др.]]. М.: РОССПЭН, 2015 ; Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать: постсоветская политическая культура и отечественная история. М.: Весь мир, 2015.

между элитами и массами, особенности российской политической культуры. Заслуживают внимания тезисы о гетерогенности современной политической культуры, о существовании преемственности в политической культуре как наиболее консервативном элементе политической системы и о проявлении преемственности в политической практике и ценностных установках²⁵.

Предметом изучения Н.П. Поливаевой стал феномен политического сознания, который она исследует во взаимосвязи с политической культурой, разграничивая данные понятия. Автор выявляет механизм формирования политического сознания, наиболее значимые детерминанты политических представлений, предпочтений и ориентаций россиян в результате реформ 1990-х гг.²⁶. Н.П. Поливаева признаёт, что принцип преемственности и эволюционного движения от одного состояния к другому является основным условием нормального функционирования политической культуры.

Изучение политической культуры взаимосвязано с проблемами социальной интеграции, которая нашла отражение в трудах классиков социологии (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, В. Парето, П. А. Сорокин, Т. Парсонс). Г. Спенсер рассматривал социальную динамику как переход от однородности к дифференциации, что не должно привести к расколу общества, наоборот, создать основу для эффективного эволюционного приспособления к изменившимся общественным условиям и в итоге для установления равновесия. Э. Дюркгейм обосновал идею общественной солидарности, механической и органической, в качестве двух взаимосвязанных процессов в единой эволюции общества. Более того, он отождествлял солидарность с моральным принципом, способным преодолеть аномию. В. Парето подчёркивал, что антагонистические интересы классов и слоев поддерживают общественное равновесие. П. А. Сорокин представлял социум как социокультурную реальность. В результате развития осуществляется смена социокультурных суперсистем (чувственной, умозрительной и идеалистической), обладающих собственными представлениями о природе реальности, потребностях человека, способах удовле-

²⁵ Конфликты и диалог политических культур в современной России / под ред. А.В. Глуховой. Воронеж: ВГУ, 2005.

²⁶ Поливаева Н.П. Политическое сознание россиян на рубеже XX – XXI вв.: политологический анализ. Воронеж: Научная книга, 2015.

ния потребностей и методах познания, что оказывает влияние на формируемые социальные институты и образцы поведения. Главные типы нормативных моделей поведения П.А. Сорокин размещает в континууме «антагонизм – солидарность». Т. Парсонс рассматривал каждое общественное явление с точки зрения его роли в поддержании стабильности. Он считал, что в обществе экономическая подсистема выполняет функцию адаптации, политическая подсистема – функцию целедостижения, правовые институты – функцию консолидации, культура – функцию воспроизводства и интеграции.

Современные ученые исследуют различные стороны и механизмы интеграции социума. Многие авторы отмечают в консолидирующих процессах значение ценностей, традиций, установок и идей, которые способствуют процессам со-организации в обществе, созданию кооперации и объединению членов сообщества с целью придания коллективному человеческому бытию устойчивости. Указанные понятия объединяют поле изучения социальной интеграции и политической культуры. Кроме того, объединительные процессы в обществе неразрывно связаны с понятием идентичности, становление которой происходит в результате социальной деятельности, поэтому проблема идентичности, рассматриваемая в контексте политического, неизбежно соединена с политической культурой, что и подчеркивают авторы²⁷.

Несмотря на то, что интегративная функция политической культуры выступала в качестве предмета теоретического анализа, вопросы о том, какая (или какие) из сущностных сторон политической культуры составляет(ют) основу данной функции и каким образом эти элементы закрепляются в политическом знании и политической практике, остаются открытыми. Наиболее подробно интегративный

²⁷ Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб.: Изд-во СПб. философского общ-ва, 1997; Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43-53; Мчедлова М.М. Новые грани идентичности современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 3. С. 72-81; Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 135-142; Савинов Л.В. Формула российской гражданской нации // Федерализм: Теория. Практика. История. 2009. № 1 (53). С. 161-174; Ачкасов В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 63-67; Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. 2011. № 1. С. 134-139; Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. 2011. № 3. С. 141-163; Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017; Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. 2018. С. 100-115.

потенциал политической культуры раскрыт в диссертациях²⁸, а также в статьях Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева, К.Ф. Завершинского и А.А. Рухтина²⁹. Достоинство исследования Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева заключается в том, что авторы не только представили абстрактное обоснование модели интеграции в рамках политической культуры, но и провели эмпирическое изучение влияния предложенной модели на примере политического институционального порядка в России.

Итак, большинство исследований, посвященных политической культуре, как иностранных, так и отечественных, содержит значительный пласт идей, обобщений и выводов, однако многие теоретические и методологические вопросы остаются нерешёнными. Параметры политической культуры редко используются как инструмент теоретического анализа, объясняющий особенности активности субъектов политики, деятельности политических структур, динамики политических процессов и социальных преобразований, позволяющий тем самым воссоздать в мышлении политическую жизнь в единстве и многообразии объективных и субъективных сторон политического мира. Взаимодействие традиций и инноваций является лакуной в теоретическом осмыслении аспектов политической культуры. Но для политической философии особенно важен подобный опыт комплексного исследования политического мира, поскольку он позволяет раскрыть значение политической культуры в политической жизни современного общества.

Характеристика степени научной разработанности проблем, которые возникают при попытке усовершенствовать методологию целостного анализа политиче-

²⁸ Варакин С.В: Политическая культура как фактор социальной стабилизации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Варакин Сергей Володарьевич. Волгоград, 1994. 131 с. ; Борисенков А.А. Политическая жизнь: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Борисенков Александр Александрович. М., 2005. 313 с. ; Рухтин А.А. Политическая культура как интегративная характеристика политической жизни общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Рухтин Александр Анатольевич. Волгоград, 2011. 29 с.

²⁹ Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Парламентская деятельность и политическая культура // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 66-75 ; Они же. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы интеграции в современном обществе) // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4. С. 61-74 ; Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // *Полис*. 2002. № 3. С. 19-30 ; Он же. Концепт легитимности как дискурсивная основа анализа политической культуры // *Принципы и практика политических исследований*. М.: РОССПЭН, 2002. С. 119-125 ; Рухтин А.А. Гражданская идентичность и политическая культура: возможности социальной интеграции // *Молодой ученый*. 2010. Т. I. № 12 (23). С. 131-138 ; Он же. Интегративный потенциал политической культуры // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2010. № 2 (12). С. 147-151.

ской жизни общества, свидетельствует, что в политической философии, социологии, политической истории и политологии накоплен огромный потенциал концептуально-теоретического и прикладного анализа политической действительности. Тем не менее изучение политической жизни, социально-политической интеграции, политической культуры в целом осуществляется в рамках отдельной науки, а также при отсутствии должной связи с разработкой философской методологии социокультурного анализа. Настоящее исследование является попыткой преодолеть указанную разобщённость, используя в качестве инструмента теоретического осмысления концепт политической культуры с позиции взаимодействия традиций и инноваций в процессе исторического развития страны, чтобы продолжить поиск целостного варианта описания политической реальности.

Объект исследования – политическая сфера жизни общества.

Предмет исследования – характер взаимосвязи политической культуры с процессами социальной эволюции и социальной трансформации.

Основная цель диссертации – раскрыть значение политической культуры как фактора социального развития на основе анализа процессов преемственности и изменчивости в российской политической культуре.

Реализация поставленной цели требует решения следующих задач:

1. Определить содержание и сущность политической культуры на основе компаративистского анализа основных современных концепций (отечественных и зарубежных) политической культуры;
2. Изучить взаимосвязь политического поведения и политического сознания и установить внутреннюю структуру политической культуры;
3. Раскрыть интегративные потенциалы политической культуры как фактора политической стабильности в обществе;
4. Выявить эвристические возможности применения понятий «социальная идентичность», «гражданская идентичность» и «политическая культура» для описания политической жизни общества;
5. Показать место и роль политической культуры в процессе социальных изменений;

6. Раскрыть сущность понятия «генотип политической культуры» и определить значение генотипа политической культуры в развитии общества;
7. Исследовать взаимодействие традиций и инноваций в политической культуре и их влияние на политическое состояние общества на основе анализа политических отношений в российском обществе.

Теоретико-методологическая основа. Социально-философский анализ концепта политической культуры основан на комплексном подходе, который, во-первых, предполагает изучение объекта на междисциплинарном уровне, во-вторых, позволяет использовать совокупность методов научного исследования, что дает возможность рассмотреть различные стороны феномена и подчинить полученные знания поставленной в диссертации цели. Политическая культура как система, входящая в качестве подсистемы в политическую сферу жизни общества (как подсистемы социума, выступающего в качестве суперсистемы), обнаруживает интегративную природу, объяснение которой позволяет найти системный метод, основанный на принципах целостности и межсистемного взаимодействия. Политическая культура существует в конкретном общественно-историческом пространстве и времени, поэтому она претерпевает изменения в соответствии с требованиями эпохи. Цивилизационный и формационный методы фиксируют политическую культуру целостно на определенном этапе исторического развития и при помощи методов диалектики и сравнения анализируются процессы общего и особенного, преемственности и изменчивости, т.е. феномен изучается в статике и динамике. Социокультурный метод включает в исследование аксиологическое измерение, выдвигая на первый план человека как носителя политической культуры, составными элементами которой являются ценности и нормы, определяющие мировосприятие и миропонимание, закрепляющиеся в социокультурной идентичности народа.

Научная новизна исследования.

1. Обосновано, что содержание и сущность политической культуры, состоят в единстве политической деятельности (поведения) и политического сознания. Политическая культура не есть нечто рядоположенное или пересекающееся с политическим поведением и политическим сознанием, а есть единство политического поведения и политического сознания, единство практического и

духовного, что обуславливает интегративную природу политической культуры.

2. Установлено, что в системе политической культуры определяющая роль принадлежит политическому поведению, через которое раскрывается содержание политического сознания, оказывающего активное обратное воздействие на политическое поведение. Условия современного информационного общества делают политическое сознание не меньшей реальностью, чем политическое бытие, что свидетельствует о возрастании роли человека как активного субъекта, включенного в систему политических отношений, и о значимости политической культуры, носителем которой является человек. Поэтому концепт «политическая культура» предоставляет возможность описать политическое состояние общества в единстве аксиологического, символического и рационально-идеологического аспектов.
3. Эксплицировано, что диалектика практического поведения и духовного отражения в политическом процессе проявляется на уровне традиций и инноваций в политической культуре. Политическая культура в контексте взаимодействия традиций и инноваций является важным фактором развития и преобразования социума. Непрерывность традиций, взаимосвязанных с ценностями, обеспечивает эволюционное развитие общества. Диалектическое единство традиций и инноваций разрешает противоречие антитезы «традиция – инновация», обновляя или изменяя традиции.
4. Генотип, аккумулирующий наиболее устойчивые элементы политической культуры, в том числе традиции и ценности, является феноменом долговременного существования, который определяет характерные черты политической культуры, обеспечивает преемственность при изменении типа политической культуры и устанавливает предел инновациям при реформировании политической системы общества.

Положения, выносимые на защиту. В результате проведённого анализа автор пришёл к следующим основным выводам, имеющим в значительной степени новаторский характер:

1. Содержание и сущность политической культуры состоят в единстве политической деятельности (поведения) и политического сознания. Политическая культура не есть нечто рядоположенное или пересекающееся с политическим поведением и политическим сознанием, а есть единство политического поведения (деятельности) и сознания, единство практического и духовного. Политическое поведение и политическое сознание являются системными явлениями, обладающими относительной самостоятельностью. Взятые в единстве, они выступают в качестве подсистем политической культуры, задающей границы новой системе, которую она образует. Политическая культура как системное понятие, или целое, представляет собой взаимозависимую, многоуровневую и динамичную совокупность элементов, которые отражают субъектно-объектные политические отношения, присущие социуму.
2. Взаимосвязь политической культуры и политической структуры проявляется на уровне политической системы в целом, процессов на «входе» и «выходе», на индивидуальном уровне, где актер соотносится с элементами политической структуры различного уровня. Субъектно-объектные отношения, которые развиваются или отсутствуют на каждом из указанных уровней, формируют типы политической культуры, служащие инструментом описания политического состояния общества в единстве аксиологического, символического и рационально-идеологического аспектов.
3. Характер взаимосвязи политической культуры и политической системы общества не обладает детерминированностью, но степень корреляции между ними определяется как очень высокая. Выявление внутренней структуры политической культуры как системы способов организации политической деятельности дает возможность раскрыть особенности политической жизни, охарактеризовать рациональные и иррациональные сто-

роны политической действительности, установить характер взаимодействия политической культуры и политической структуры в периоды формирования, развития и модернизации политической сферы общества.

4. «Ядро» политической культуры содержит субъективные символические структуры как общепринятые схемы мышления и поведения, которые создают единое поле смыслов и значений, интерпретирующих политические процессы на уровне индивидуального и общественного сознания. Хабитусные, нормативно-процедурные и ценностные когнитивные схемы оперируют онтологическими категориями, которые типологизируют политические ситуации в индивидуальном сознании и проявляются на социетальном уровне, обеспечивая воспроизводство политической жизни на принципе преемственности. Политическое сознание, обладающее способностью конструировать смысловую взаимосвязь между политической реальностью и общепринятыми символическими структурами, обнаруживает интегративную природу политической культуры, которая содействует объединительным процессам на микро-и-макроуровнях общества.
5. Генотип, носителем которого является «ядро» политической культуры, сохраняет в исторической памяти народа устойчивые представления, стереотипы поведения и наиболее типичные формы политических отношений, ориентирующие человека на поведение в соответствии с общепринятыми когнитивными схемами. При реформировании институционального порядка возникают ситуации, которые не могут быть интерпретированы при помощи нерелексивных когнитивных схем, что дает возможность человеку свободно мыслить и противодействовать реконструкции. Генотип как феномен политического бытия определяет направление политических преобразований и условия восприятия инноваций, является константой, которая не изменяется на протяжении длительного времени существования нации.
6. Ведущая роль в политической культуре принадлежит традициям и ценностям, которые в единстве представляют инструментальный вектор легитимации институционального порядка и политической интеграции, а

также глубинный критерий преобразования общества, что разрешает противоречие антитезы «традиция-инновация» возможностью создать социально-политический проект на основе широкого общественного согласия и обеспечить реалистичность и устойчивость целей модернизации.

7. Политическая культура в контексте диалектического взаимодействия традиций и инноваций является важным фактором развития социума. Ценностно-нормативный фундамент, сохраняющийся в семиотических образованиях генотипа политической культуры и ориентированный на стабильность политического сообщества, коррелирует инновационные процессы (препятствуя или содействуя изменению) и осуществляет легитимацию нового институционального порядка при условии согласованности между генотипом и нововведениями. Согласованность превращает традицию в равноправного участника общественных преобразований и способствует обновлению или изменению традиций.
8. Выявленные свойства и качества дореволюционной и советской политических культур подтверждают наличие преемственности в развитии российской политической культуры в результате неоднократных социальных преобразований и доказывают определение генотипа политической культуры как феномена долговременного существования, задающего предел инновациям.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическое значение представленного исследования обосновывается тем, что, во-первых, оно рассматривает сущность политической культуры через единство политического сознания и политического поведения, через единство духовного и практического; во-вторых, устанавливает диалектический характер единства традиций и инноваций, определяя статус генотипа политической культуры в качестве предела нововведений и константы, которая коррелирует вектор политических преобразований и условия восприятия инноваций.

Теоретические положения и выводы диссертации имеют практическое значение, ибо указывают на тесную взаимосвязь между политической культурой и социальными изменениями, что дает основание учитывать особенности политической культуры в процессе общественных преобразований.

Апробация работы. Результаты диссертации, отдельные, полученные в процессе исследования, теоретические положения и выводы были изложены и обсуждались на всероссийских (Всероссийских научно-практических конференциях – 2015 и 2016 гг. «Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС») и региональной (V межвузовской конференции студентов и аспирантов «Актуальные проблемы экономики и управления» – 2014 г.) конференциях, на международной конференции (V International scientific conference on May 13-14, 2018 «The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect»), а также на заседаниях и научно-практических семинарах кафедры истории философии и культуры, на научных сессиях факультета философии и психологии ВГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух Глав, пяти Параграфов, Заключения и Списка литературы.

Глава I. Социально-философские аспекты исследования политической культуры: концептуализация понятий

1.1. Политическая культура как объект философского исследования

Общество отличается разнообразием социальных структур, систем и подсистем, и само в целом рассматривается как сверхсистема. Оно имеет сверхсложный и иерархический характер, ибо составные элементы общества связаны соподчиненными и подчиненными отношениями. В то же время каждая из подсистем социума обладает определенной степенью самостоятельности. Общество включает не только индивидов, но и вне-и-надындивидуальные формы, связи и отношения, создаваемые людьми в процессе деятельности. Многообразные общественные связи, на основе которых формируются общественные отношения, позволяют рассматривать социум как целостную систему, развивающуюся по собственным законам и обладающую направленностью развития.

Главными сферами жизни общества как определенными областями деятельности являются экономическая, политическая, социальная и духовная, каждая из которых имеет собственную внутреннюю структуру и функции. Все сферы общественной жизни, равноправные, равноценные и равнозначные по отношению к друг другу, находятся в состоянии диалектического взаимодействия, которое реализуется посредством, во-первых, присутствия элементов одной сферы в структуре других сфер (процесс производства и социальные страты, нравственные ценности в политике), во-вторых, сменяемости приоритетов, что выражается в выдвигании на первый план той или иной сферы в определенные периоды исторического развития (политической сферы во время революции).

В центре внимания политической философии находится политическая сфера, образуемая вокруг феномена власти, основным инструментом реализации которого выступает государство, обеспечивающее управление обществом. Деятельность государственных органов власти, местного самоуправления, политических акто-

ров, политических партий и общественных союзов порождает политические отношения, побуждающие граждан принимать участие в делах государственного управления, чтобы защитить собственные интересы. Вовлеченный в политические отношения человек как представитель семьи, профессионального коллектива, сословия, класса и нации имеет социальные статусы и выполняет соответствующие социальные роли. Он создает «вторую природу» (культуру) в процессе предметно-практической деятельности и самостоятельно моделирует политическое поведение на основе норм и ценностей, принятых в данной общественной системе. Иными словами, диалектическое взаимодействие между главными общественными сферами расширяет и усложняет предмет исследования в политической философии, конкретизирующей положения социальной философии, которая изучает предельные основания социального бытия, мыслящей структурной единицей которого является человек. Чтобы определить сущностные основания политических процессов и явлений, необходимо учитывать историческое, социально-экономическое, конфессиональное, культурное и национальное измерения политического мира.

В качестве объединяющего начала названной многомерности выступают мировоззренческие категории (универсалии), посредством которых человек оценивает и осмысливает окружающий мир, сводит в целостность все явления социальной действительности. Человек постигает политический мир с определенной позиции, в каком-то смысле, где соединяются опыт, знание и представление об идеальном. Средством осмысления политического бытия выступают идеи как теоретические представления о политической реальности, о пути и цели общественного развития. Понятия и категории выражают различные аспекты идеи, которая связана с прорывами в иное, или опытом трансценденции, о которой писал И. Кант. Мыслитель рассматривает пространство, время и разум в качестве трансцендентальных (априорных) форм чувственности, которые не зависят от постоянно изменяющихся условий жизнедеятельности человека³⁰. Идеи символизируют взаимосвязь эмпирического и духовного мира, и проблема возникновения и развития идей предстает

³⁰ Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2013. С. 297-298.

как метод извлечения из опыта знания, которого в данном опыте до настоящего времени обнаружено не было. Развитие осмысленного знания реализовывается «внутриконцептуально» (погружение в смысловую структуру познаваемого предмета, чтобы проследить внутреннюю логику его развития), «надконцептуально» (реконструкция смысловой структуры, исходя из позиции внешнего наблюдателя) и «межконцептуально» (прослеживание связей разных смысловых структур) при взаимодействии смысловых структур. Новые идеи разрушают и пересоздают привычные смысловые структуры или ряды, приумножая объем человеческого знания и одновременно развивая или изменяя миропонимание.

Если классическая философия (Г. Фихте, И. Кант, Г. Гегель) понимает политическое бытие как целостность, включающую абсолютного субъекта, обладающего абсолютным знанием и придающего политическому бытию трансцендентальный смысл, который реализуется в результате достижения идеального общественного устройства³¹, то сторонники структурализма, лингвистического анализа и постструктурализма поставили трансцендентальный принцип под сомнение. Они не рассматривают границы эмпирического и трансцендентного как определенные и статичные. Они не приемлют традиционных для философии проблемных полей, понятийно-категориального аппарата и классических семантико-аксиологических приоритетов, выработав собственную модель видения реальности. Так, герменевтика стремится к объективному пониманию текста, выделяя смыслы в тексте в зависимости от различных культурно-исторических эпох и разными субъектами; постмодернизм акцентирует внимание на понимании текста отдельным субъектом и субъективных ассоциациях, возникающих при чтении текста. Язык, заняв место абсолютного духа, в качестве фундаментального метаязыка конституируется в пространство бесконечного саморефлексивного движения. Поэтому постмодернисты рассматривают действительность по преимуществу как языковую реальность, в которой субъект имеет право свободно интерпретировать текст, чтобы постичь зна-

³¹ Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792-1801 гг. М.: Ладомир, 1995 ; Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2013.; Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Академический проект, 2008.

чение внесистемных элементов и выразить алогичную сущность мира. Язык символизирует любые формы власти, обладающей всепроникающей способностью и воздействующей на социальные структуры, что дало основание Ж. Делёзу определить власть как древоподобную структуру.

В центре исследований постмодернистов ставится не «структура», а области «до-структуры» и «после-структуры», т.е. они противопоставляют структуре как устойчивой целостности области хаотичной фрагментарности (внесистемные элементы), которые предшествуют становлению структуры или образуются после разрушения структуры. Объективный мир структурируется при помощи определенных языковых средств. Знак представляет собой единство означающего и означаемого, т.е. единство материальной формы знака, предметного и смыслового значений знака. И начало обозначения есть начало бытия, которое осмысливает человек. Будучи формой и системой различий, язык в состоянии описать любую реальность (Ф. де Соссюр, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер)³². Ж. Делёз, Ф. Гваттари и Ж. Деррида приравнивали означающее к означаемому, которое означающие способны породить, и таким образом они констатировали «смерть субъекта», осуществляющего осмысление³³. Отсюда взгляд на субъекта как на одну из позиций в системе смыслов, ускользающих от постоянного значения, и практика подобного ускользания получила название деконструкции, ибо структура, закрепляющая различия, задается внешними контекстами. Поэтому они рассматривали власть как борьбу за гегемонию в установлении устойчивой связи между означающими и означаемыми, между элементами политической структуры. На основе изложенного логически объяснимо, что философский политический дискурс задается в определенной точке субъективности, где он оказывается дискурсом субъекта, выступающего в качестве «господствующего означающего» Ж. Лакана или «гегемона» А. Грамши³⁴.

³² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977 ; Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005 ; Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический Проект, 2015.

³³ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, 1998 ; Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007 ; Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000.

³⁴ Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис : Логос, 1998. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) ; Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980.

Правомерность существования модернистского взгляда на политические процессы подтверждает социальная практика постиндустриального общества, где иногда теряется различие между политической действительностью и измышлениями, так как средства массовой информации получили возможность создавать виртуальную политическую реальность, вбрасывать в информационное пространство фальшивки (fakes) и творить политические мифы, воздействуя на индивидуальное и массовое сознание (например, неоднократные попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны и выдать желаемое за истину). На политический дискурс оказывает влияние образ отправителя информации (лидер общественного мнения или аутсайдер, профессионал или блогер). Важно понимать, что любое политическое действие обладает коммуникативным характером, т.е. направлено на передачу информации и получение обратной связи в виде понимания или взаимопонимания, солидарности или действия. Таким образом, акторы политического взаимодействия в оппозиции «субъект – объект» временно меняются местами, что демонстрирует значение не истинности знаний или убедительности аргументов, а важность чувств, эмоций и воли, которые формируют мотивации субъектов, участвующих в коммуникации (политического партнёра и оппонента). Содержащиеся в информации идеи и аргументы мотивированы потребностями и интересами отправителя информации (президента, правительства, оппозиционера). Вопрос в том, насколько посланный message (послание) соответствует интересам и стремлениям адресата (избирателя). Зависимость политического дискурса от коммуникативного канала передачи информации (устное или письменное сообщение, телевидение, радио или сети Интернета) добавляет варианты для интерпретации полученного послания. Но структурирование действительности языковыми средствами в то же время актуализирует потребность не сводить философский дискурс к языковым основам политической реальности и использовать методы герменевтического анализа политического пространства в целях достижения истины.

Взаимосвязь политической сферы общества и культуры, отличающей человеческое бытие от животного существования, а также значение субъективного фактора в политической жизни общества обуславливают введение в научный оборот

термина «политическая культура». Понятие культуры развивалось исторически от отождествления культуры с результатами деятельности человека до анализа надприродной сферы человеческого бытия, образованной благодаря человеческой активности. Аккумулируя развивающийся социальный опыт, культура закрепляет и транслирует накопленный массив в семиотических образованиях, которые немецкий философ Э. Кассирер (1874-1945) называл символическим принципом, объединяющим различные формы культуры³⁵. Поэтому допустимо рассматривать культуру как совокупность социокодов, обладающих смыслами и значениями, которые воспроизводят социальную жизнь, регулируют деятельность, поведение и общение человека, изменяют социальную реальность. Культура посредством социокодов (знаний, норм, идеалов, ценностей, образцов и стереотипов поведения, религиозных верований) оказывает влияние на все сферы социума, в том числе и на политическую сферу.

Мыслители исследовали культуру с позиции, во-первых, развития человеческого разума по пути прогресса, во-вторых, самостоятельных систем ценностей и идей, которые порождают различные типы общества, отличающиеся своеобразием внутреннего устройства и внешнего взаимодействия. Впервые привычный взгляд на историю как эволюционно-стадиальное развитие человечества пересмотрел русский философ Н.Я. Данилевский (1822-1885), противопоставив данному представлению историю как развитие культурно-исторических типов, развивающихся обособленно и сменяющих друг друга. Культурная эволюция, по логике философа, осуществляется в направлении от этнического состояния к государственному и цивилизационному. Каждый из названных этапов символизирует периоды зарождения, расцвета и упадка культурно-исторического типа. Циклическая парадигма истории, основанная на культуре в качестве главного фактора развития, была продолжена в трудах английского социолога А. Тойнби (1889-1975) и немецкого философа О. Шпенглера (1880-1936).

³⁵ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998.

А. Тойнби расширил понятие цивилизации до уровня группы стран, имеющих общее духовное наследие (Западная Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия). Метафора циркулярной пилы, которую использует мыслитель, олицетворяет возникновение, расцвет и гибель цивилизаций. Но круговые движения исчезающих цивилизаций означают постижение духовной истины, приобретенной ценой гибели, и передачу откровения наследникам (гибель Римской империи и создание на территории Западной Европы варварских королевств, основой культуры которых стало христианство).

О. Шпенглер, основоположник философии культуры, представлял всемирную историю как феномен восьми великих культур: китайской, вавилонской, египетской, индийской, античной, арабской, западной и культуры майя, – равнозначных в общей картине истории. Русская культура, по мнению О. Шпенглера, находилась в состоянии зарождения. Завершение возможностей, заложенных великой душой в каждую культуру, превращает ее в цивилизацию, называемую мыслителем «климактерическим периодом культуры» (перелом, увядание), так как заканчивается живое развитие культуры, исчерпавшей последние возможности осмысленного существования³⁶. Внутренняя структура культур одинакова: формы религии, искусства, политики, хозяйства и наук. Различие между культурами определяет прафеномен (термин заимствован у И. Гёте), содержащий идею становления культуры в противостоянии с внешними силами хаоса и внутренней бессознательности. Пробуждающаяся культура вкладывает в жизнь собственный смысл, создавая неповторимый образ (*habitus cultura*) в мировой истории. Отсюда и особый язык мироощущения у каждой культуры, понять который в состоянии только душа, принадлежащая к данной культуре.

О. Шпенглер иллюстрирует теоретические положения на примере западной культуры, мыслители которой не осознают исторически относительного характера достигнутых результатов западноевропейской культурой, утверждая абсолютность и вечность истин, которые установлены в ее аспекте мира, и отказывая другим

³⁶ Шпенглер О. Указ. соч. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. С. 61, 113.

культурам в праве формулировать собственные истины, построенные на иных категориях и смыслах. «Подлинная и неизменная структура всего фаустовского бытия есть то неопишное, что проявляется как сила, воля, бесконечное пространство, стремление, даль в западноевропейском существовании, притом только в нём одном. Все положения и формулы отдельных мыслителей, церквей, течений и систем суть только вариации на данную тему»³⁷ – писал О. Шпенглер. Человек является центром бытия. Физические и духовные способности, которыми он обладает, должны воплотиться в действии, чтобы самоутвердиться через преодоление трудностей и подавление внешнего сопротивления. Постоянное движение вперёд не имеет предела, ибо человек убеждён в непререкаемости истин, на которых строится его миропонимание. Недаром категорический императив И. Канта строится на тезисе действующего человека.

Концепции Н.Я. Данилевского, А. Тойнби и О. Шпенглера поставили вопрос о важности в жизни социума культуры, создаваемой в процессе жизнедеятельности человека. Несмотря на выделение в деятельности двух направлений: материального и духовного, – мы отмечаем взаимосвязанность и взаимодействие духовного и материального производства. Все, что делает человек в материальном производстве, предварительно проходит через его сознание, поэтому в материальном производстве сочетается физический и умственный труд. Духовная деятельность требует не только умственного труда, но и физических усилий (труд скульптора и балерины). Она влияет на изменение сознания человека. Духовное производство выступает в форме научных трудов и литературных творений, кинофильмов и телевизионных передач, произведений скульптуры и архитектуры, музыки и живописи, – все они являются носителями идей, взглядов, чувств и представлений авторов. Духовное производство взаимосвязано с материальным производством, так как бумага, краски, приборы и музыкальные инструменты являются условиями данного производства; некоторые продукты духовной деятельности предстают в качестве элементов материального производства (например, технические идеи, изменяющие

³⁷ Шпенглер О. Указ. соч. Т. 1. Образ и действительность. С. 486.

технологии производства). Социально-преобразовательная деятельность как разновидность материальной деятельности изменяет социальную реальность, включая и самого человека.

В соответствии с двумя типами деятельности можно выделить две основные сферы существования и развития культуры – материальную и духовную. Материальная культура связана с производством и освоением предметов и явлений материального мира, с изменениями природы и бытия человека. Она включает материально-технические средства труда, коммуникации, культурно-бытовые сооружения, обработанные природные объекты, украшения, самолеты и танки. Духовная культура представляет собой духовную человеческую деятельность и ее результаты, а именно: познание, духовные ценности, просвещение, нравы, обычаи, мифы, религии, искусство, поэзия, философские концепции. Разнообразие видов духовной культуры соответствует многообразию сущностных сил и способностей человека, который, руководствуясь потребностями и интересами, создает культурные артефакты.

Разумеется, деление культуры на материальную и духовную достаточно условно, так как провести четкую грань между ними очень сложно. С одной стороны, материальная культура обязательно включает в себя элементы духовной, ибо человеческая деятельность отличается от жизнедеятельности животных именно осмысленностью. Рефлексируя по отношению к собственной деятельности, человек проявляет критичность, расчет, взвешивание альтернатив и творчество. При создании предметов культуры, мы первоначально имеем только идею (смысл), которую впоследствии опредмечиваем в процессе материального производства. Истоки личностных смыслов сосредоточены в концептосфере общества, включающей знания, язык, правовые и моральные нормы, ценности и смыслы культурных артефактов. Отсюда общественно значимая природа смыслов, окружающая человека в обществе. С другой стороны, духовная культура, аккумулирующая и транслирующая смыслы, использует материальные элементы в процессе духовного творчества (краски, бумагу, гранит). Она существует, сохраняется и передается в материаль-

ной форме зданий, книг, костюмов, картин, рукописей и партитур. Духовное и материальное в культуре не статичны и не рядоположены, они постоянно опосредствуют друг друга в процессе социальной деятельности.

Мы исследуем феномен политической культуры, объединяющей одновременно политическую и культурную сферы социума, что значительно усложняет понимание данного общественного явления. В отечественной литературе политическая культура рассматривается, во-первых, как идеологическое понятие; во-вторых, как степень политической зрелости и инициативности членов сообщества по отношению к политической системе; в-третьих, как элемент духовной жизни общества. Последнее не следует игнорировать, но некорректно и отождествлять понятия «политическая культура» и «духовная культура». Мы рассматриваем политическую культуру в качестве части целостного понятия «культура», выступающей по отношению к политической культуре как род к виду, который обладает относительной самостоятельностью и отличительными чертами. Отсюда и трудности в определении понятия «политическая культура», ибо термин «культура» имеет около трёхсот определений (как установили американские культурологи А. Кребер и К. Клакхон). Политическая культура развивается на основе общих закономерностей культуры, но относительно к миру политического и политике. Следовательно, политическая культура обладает самобытностью, являющейся одним из источников многообразия политического развития.

Как и культура в целом, политическая культура содержит мировоззренческие универсалии, являющиеся системообразующим фактором в совокупности элементов политической культуры. Мировоззренческие универсалии имеют особые смыслы и значения, присущие культуре народа. Эти смыслы и значения, которые А.С. Кравец называет «экстракты мысли, существующие в бытийности человеческого сознания»³⁸, характеризуют свойственное данному народу понимание окружающего мира, истины, государства и власти. Преломляясь в сознании человека,

³⁸ Кравец А.С. Понимание смысла социальной деятельности. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 239.

мировоззренческие универсалии приобретают личностный смысл и варьируются в зависимости от жизненного опыта. Мировоззренческие универсалии включают категории, которые закрепляют атрибуты политических объектов (государство, власть, политическая система) или характеризуют статус субъекта в политике и политические взаимодействия (царь, оппозиционер, революционер или Земские соборы, Государственная дума, восстание). Именно в системе названных категорий человек любого типа культуры воспринимает, познает и оценивает мир политического, т.е. они определяют worldviews человека, используя термин Р. Инглхарта. Общественно-политический опыт передается от поколения к поколению в виде многообразных знаковых и символических структур (язык, позы, жесты, образцы и стереотипы политического поведения, объекты подражания в политической деятельности, гербы и флаги, политические нормы и религиозные идеи, стереотипы политического сознания), которые аккумулируются в ядре политической культуры и выражаются на уровне индивидуального и общественного сознания, а также на уровне бессознательного (архетипы К. Юнга как бессознательные коллективные переживания³⁹).

Разные подходы к исследованию политической культуры дали множество толкований данного феномена, которые фиксируют способ существования и формы проявления, общее и особенное, функции и указание на элементы, образующие понятие. Политическая культура как синтез политики, политического и культуры не означает их механического соединения, но образует качественно новое общественное явление. Понятие политической культуры может быть раскрыто через осмысление соотношений между политикой, политической системой и политической жизнью. Политика, включающая многообразие взаимоотношений по поводу власти, государственного управления и достижения общих целей, обеспечивает целостность социума и реализуется в политической структуре общества, утверждающей институциональный порядок. Первая ступень конкретизации поли-

³⁹ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

тики отражает сущностный уровень политики, который проявляется в политической реальности. Помимо объективного мира политика включает субъективный мир представлений, символов, идей и смыслов, ориентирующих акторов в политическом взаимодействии и поведении, что выражается в политической жизни как другой ступени конкретизации политики. Политическая культура объединяет обе ступени конкретизации и отражает особенности политического бытия.

Чтобы составить полное представление о политической культуре, следует проанализировать политические отношения в обществе, являющиеся способом существования и формой проявления политической культуры. Политическая культура выражается в конкретных, возникающих, развивающихся и изменяющихся политических отношениях между деятельными субъектами. Субъектно-объектные отношения формируются в ходе политического процесса. Баталов Э. Я. в рамках политического процесса выделяет четыре группы субъектно-объектных отношений, закрепляющих содержание политической культуры данного общества и составляющих онтологическую основу политической культуры⁴⁰.

Первая группа субъектно-объектных отношений состоит из отношений неинституционального субъекта политического процесса и институционального объекта (к политическим институтам, к политической системе в целом, к международному сообществу, отдельным странам или блокам стран). В качестве неинституционального субъекта выступает индивид, социальный слой (класс), социальная группа, нация. Каждый из субъектов может братья в более и менее развернутой, конкретизированной форме. Например, отношение индивида к политической системе общества или отношение интеллигенции к форме правления в данном обществе или отношение нации к США, инициировавших принятие санкций против РФ. Следует учитывать действие неинституционального субъекта одного государства на трех уровнях: общегосударственном, региональном и муниципальном, – каждый из которых обуславливает особенности политического процесса и, следова-

⁴⁰ Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. С. 30-37.

тельно, накладывает отпечаток на политическую культуру. Так, расстановка политических сил на региональных выборах в РФ часто отражает статус партий на федеральном уровне, что обуславливает предсказуемость выборов и порождает абсентеизм избирателей.

При анализе необходимо учитывать отношения неинституционального субъекта к институциональному объекту как к целому, так и к составным частям данного целого, например, исследовать отношение избирателей к президенту, правительству, партиям и профсоюзам. В свою очередь органы государственной власти возможно рассматривать на общегосударственном, региональном и муниципальном уровне. Следует принять во внимание, что субъект политического процесса занимает определенные позиции в отношении не только отдельных элементов политической системы, но и устойчивых связей, формирующихся между этими элементами. Так, граждане России требуют смены правительства и одновременно оказывают высокую степень поддержки президенту, формирующему состав правительства и положительно оценивающему работу министров. Рассматривая идеальный аспект отношений неинституционального субъекта к институциональному объекту, мы получаем возможность в конечном счете выявить важнейшие элементы политической культуры: когнитивные, эмоциональные и оценочные ориентации, переплетенные друг с другом в реальной политической жизни так, что выделение каждой из них вызывает затруднение.

Очевидно, что неинституциональный субъект воспринимает институциональный объект не только в форме целостного, но и дискретного образования. Например, отношение вождя крестьянского восстания к государству имеет одновременно несколько измерений: отношение как к институту, необходимому или излишнему в общественной жизни; как отношение к функционированию данного института; как отношение к лидерам, которые принадлежат к правящей элите (к монарху, премьер-министру, депутатам парламента), и это отношение может не совпадать с отношением к государству как к институту. Учет данного обстоятельства позволит получить дополнительную информацию о связях, закрепляющих инсти-

туциональные ориентации субъекта, выражающиеся в представлениях, убеждениях и установках, которые проявляются в моделях поведения (участие или неучастие в выборах, политических партиях и движениях).

Вторая группа отношений включает отношения неинституционального субъекта политического процесса к самому себе, а также отношение одних неинституциональных субъектов к другим, что позволяет изучать индивидуальное, классовое (сословное), групповое и национальное самосознание. Анализ подобных отношений вскрывает принципы политических взаимоотношений, характеризующих политическую культуру общества: отсутствие или наличие сословных привилегий, уровень политической свободы, моно-или полицентрическая структура власти, избирательные системы и системы представительства и др. В рамках этой группы отношений выкристаллизовываются и те элементы политической культуры, которые связаны с особенностями национального характера, ибо в процессе политического взаимодействия неинституциональных групп обнаруживаются устойчивые реакции в поведении.

Третья группа отношений включает отношения между институтами политической системы общества, которые в этом случае выступают как институциональные субъекты, вступающие во взаимодействие друг с другом и с международным сообществом. В частности, взаимоотношения правящей партии с партиями оппозиции; взаимоотношения между законодательной, исполнительной и судебными ветвями государственной власти; взаимоотношения парламента с органами ОБСЕ. В процессе подобных отношений между государственными учреждениями, партиями, общественно-политическими организациями и международными институтами формируются устойчивые модели выработки, принятия и реализации решений, а также принципы регулирования взаимоотношений. Анализируя данную систему отношений, исследователь в состоянии выявить наличие или отсутствие института оппозиции, способы урегулирования конфликтов и достижения компромисса, пути перехода власти от одной правящей элиты к другой, ориентации политической партии в отношении внешнеполитической стратегии. Анализ взаимоотношений институциональных субъектов позволяет исследователю определить

нормы и правила на институциональном уровне и образцы деятельности институтов политической системы.

Четвертая группа отношений включает отношения институционального субъекта к неинституциональному объекту, которые характеризуют поведение политической системы в плане отношения к индивидам, социальным слоям (классам), социальным группам и нациям, что позволяет выявить традиционные способы воздействия противоборствующих партий на избирателей в целом, на отдельных индивидов и на различные социальные группы; определить типичность ориентации государства или государственных органов на использование различных методов урегулирования социальных конфликтов и типичность реакции на возникновение общественных движений и протестных митингов.

Итак, феномен политической культуры, возникая как синтез политики, политического и культуры, не означает их механического соединения, но образует качественно новое общественное явление. Политическая культура по отношению к общей культуре соотносится как вид с родом. Политические отношения в обществе являются способом существования и формой проявления политической культуры, носителем которой выступает человек. Последнее постулирует взаимосвязь политической культуры, политического сознания и политического поведения человека.

В зарубежной и российской политической философии имеются разные толкования термина «политическая культура», который впервые был употреблён в XVIII в. немецким философом и просветителем И. Г. Гердером (1744-1803) в книге «Идеи к философии истории человечества (1784). В современной западной политической науке впервые термин появился в работе Х. Файера «Системы правления великих европейских государств» (1956). Но действительно фундаментальное осмысление данное понятие получило после опубликования монографии «Сравнительные политические системы» американского исследователя Г. Алмонда

(1956)⁴¹. В дальнейшем термин приобрел огромную популярность, но следует отметить, что феномен политической культуры анализируется в социально-гуманитарном знании в рамках различных исследовательских парадигм.

Основные концепции политической культуры допустимо разделить на две группы. Сторонники первой группы (С. Хантингтон, Д. Элазар, Х. Доменигер, А. Браун), включая основоположников концепта Габриэля Алмонда и Сиднея Верба, рассматривают политическую культуру с точки зрения психологического подхода, ибо они понимают данное общественное явление как политическую систему, интернализованную (познанную и принятую в качестве обязательной ценности и нормы политического поведения) в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках членов политики⁴². Интернализованные аспекты объектов и зависимостей Г. Алмонд и С. Верба называют «ориентациями». Политические ориентации включают когнитивные ориентации (знания и убеждения членов политики относительно политических институтов и политической структуры в целом, политических субъектов и исполняемых ими ролей), эмоциональные ориентации (чувства и ощущения по отношению к политической системе, бюрократии и качеству деятельности институтов), оценочные ориентации (суждения и мнения о политических объектах и субъектах, которые в типических вариантах представляют собой сочетание ценностных стандартов, знаний и чувств). Политическая культура становится достоянием членов общества в процессе политической социализации. Приобщение одного народа к политической культуре другого народа сопровождается противодействующими, фузионными и инкорпорирующими тенденциями, которые характеризуют процессы культурных изменений в целом⁴³.

Изложенное толкование политической культуры делает акцент на субъективной стороне феномена, взаимосвязанной с политическим сознанием, и игнорирует объективированные элементы, создаваемые в процессе политической деятельно-

⁴¹ Almond G. A. Comparative political systems // Political behavior: A reader in Theory research. Clencoe, III, 1956. 150 p.

⁴² Internacional Enciclopedia of the Socisl Scinces. N. Y., 1962. № 4. Vol. 14. P. 112-116.

⁴³ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. С. 29-30.

сти. Н. М. Кейзеров справедливо утверждал, что недопустимо исключать из политической культуры общественно-политический опыт, приобретенный народами на протяжении веков и отложившийся в семиотических образованиях, а также выводить за рамки собственно политическую систему как объективированную реальность, в рамках которой формируются и развиваются политические взаимодействия⁴⁴. Но не следует и абсолютизировать мнение Н. М. Кейзера, чтобы не подвергать сомнению наличие субъективного аспекта в политической культуре. Недаром опросы общественного мнения по отношению членов общества к политической системе в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике инициировали изучение политической культуры как фактора социального развития.

Если рассматривать совокупность политических объектов относительно проявляемых социальными агентами когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций, то сторонники психологического подхода выделяют простую матрицу 3×4, где политические ориентации они соотносят, во-первых, с политической системой в целом, во-вторых, объектами на «входе» политической системы (поток требований, поступающих от общества во властные структуры и преобразование запросов общества в правительственные программы), в-третьих, объектами на «выходе» (административный процесс реализации принятых программ развития общества) и, в-четвертых, индивидуально с каждым членом сообщества как политическим актором. В реальности они выделяют четыре уровня политических отношений как способов проявления политической культуры, что дает представление о лояльности, безразличии или отчуждении между политической культурой подданных (граждан) и политической структурой общества в целом.

Представители второй группы (Л. Пай, У. Розенбаум, Р. Таккер) расширили содержание понятия политической культуры. Так, Люсьен Пай толковал политическую культуру как ценности, которые во взаимосвязи образуют определённую форму и оказывают влияние на политику⁴⁵. Уолтер Розенбаум трактовал политиче-

⁴⁴ Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура: Методологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1983. С. 65-66.

⁴⁵ Pye L. Political Culture // *Internacional Enciclopedia of the Social Sciences*. N. Y., 1961. № 4. Vol. 12.

скую культуру в качестве концептуального обозначения мыслей, чувств и поведения, которые проявляются в повседневности⁴⁶. Роберт Таккер признавал составной частью политической культуры типичные образцы политического поведения, потому что традиционный образ жизни формируется из единства моделей поведения, существующего склада мышления и общей веры⁴⁷. Роберт Таккер рассматривал изменения в советской политической культуре через призму анализа намерений и действий высших руководителей страны.

И первая, и вторая группы отмечали наличие в политической культуре когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций социальных агентов по отношению к политической структуре, но сторонники второй группы (1) включали в концепт образцы политического поведения, раскрывавшие содержание политических ориентаций, и (2) выявляли зависимость между социально-психологическими свойствами человека и приобретённым общественно-политическим опытом. Последнее предполагает взаимосвязь политической культуры с цивилизационными особенностями развития народа. Л. Пай справедливо писал, что «традиции общества, дух его общественно-публичных институтов, эмоции и коллективный разум его членов, равно как и действующие кодексы поведения его лидеров, – все это не случайные продукты истории, а взаимосвязанные части единого целого, образующие реальную цепь взаимоотношений»⁴⁸. Следовательно, в концепте политической культуры заложена проблема механизмов, определяющих многовариантность общественного развития.

В качестве альтернативы концептуализации политической культуры на индивидуальном уровне выступает анализ феномена как свойства сообщества, выявляемого исключительно на социетальном уровне. Сторонники социетального подхода исследуют политическую культуру с позиции изучения влияния общественно-исторических условий на институциональный порядок и содержание социальных

⁴⁶ Rosenbaum W. Political Culture. N.Y.: Praeger, 1975. P. 137.

⁴⁷ Tucker R. C. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev. N.Y.: Norton, 1987. P. 207-208.

⁴⁸ Pye L., Verba S. Introduction: Political Culture and Political Development. Princeton, 1965. P. 7.

практик, содержащих совокупность смыслов и значений, которые передаются через политическую культуру. К. Джоуитт полагал, что политическая культура возникает в качестве ответа на формальные политические, институциональные и идеологические организации государства и существует в виде набора неформальных адаптивных состояний (установочных и поведенческих), находящихся во взаимодействии с формальными установлениями⁴⁹. Л. Диттмер и К. Гирц рассматривали политическую культуру в качестве семиологической системы. К. Гирц, обосновывая видение политической культуры как совокупности символических структур, пояснял, что человек осуществляет деятельность в определённой системе смысловых значений, формирующихся исторически и образующих культурное поле, поэтому между текущими политическими событиями и приобретённым культурным опытом существует взаимосвязь⁵⁰. Приведенные высказывания представляют содержание политической культуры через совокупность символических структур и подтверждают значение политической культуры в развитии социума.

90-е гг. XX в., положившие начало трансформации посткоммунистического пространства и изменению геополитической ситуации в мире, возродили интерес к исследованию феномена политической культуры. Концепция Г. Алмонда и С. Верба, несмотря на то, что проведённые исследования не подтвердили строгого деления политических культур на парохильные, подданнические и участнические и обусловили введение учёными дополнительной категории «гражданская политическая культура», вновь переместилась в центр внимания учёных. Наиболее известной стала книга Р. Патнэма, которая на примере Италии демонстрировала значение культурных традиций в демократических преобразованиях⁵¹. Л. Даймонд отрицал, что политическая культура является независимой переменной в демократических процессах. Он рассматривал феномен как один из множества факторов, влияющих

⁴⁹ Jowitt K. An Organizational Approach to the Study of Political Culture in Marxist-Leninist Systems // American Political Science Review. 1974. Vol. 68. № 3. P. 173.

⁵⁰ Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. 1977. Vol. 29. № 4. P. 583 ; Geertz C. The Interpretations of Cultures. L., 1993. P. 311.

⁵¹ Putnam R. Making Democracy Work Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.

на становление демократических институтов⁵². Заслуживает внимания и работа М. Маколи, анализирующая российские реформы. Автор не допускает, что причиной неудачи демократических реформ в России является несоответствие институционального выбора и политической культуры, ибо оба находятся в состоянии взаимовлияния. По мнению М. Маколи, создаваемые политические институты формируют собственную культуру, содержащую элементы, обусловленные структурой и регламентами данных институтов, а также средой их функционирования; и в этом смысле говорить об институтах или культуре сообщества – значит обращаться к устоявшимся практикам⁵³.

Однако рост исследовательского интереса к теме и создание благоприятных условий для испытания прогностического потенциала выработанных теоретических построений в странах Запада не принесли весомых результатов. Анализируя ситуацию, доктор философских наук О.Ю. Малинова указывает следующие причины отсутствия сдвигов в концептуализации политической культуры зарубежными учёными. Во-первых, ракурс понимания политической культуры в концепции Г. Алмонда и С. Верба дает возможность провести статистический анализ количественных измерений феномена, осуществив репрезентативные опросы в ходе сравнительных межгосударственных и кросс-темпоральных исследований. Однако далеко не все аспекты политической культуры поддаются изучению количественными методами, так как абстрактные понятия трудно заменить набором эмпирических показателей. Во-вторых, появление в 1970-е – 1980-е гг. работ Р. Даля, Д. Растоу и А. Лейпхарта, делавших акцент на институциональных условиях стабильности демократии, отодвинули на периферию политологического мейнстрима концепт политической культуры. Созданные в этот период теории политической культуры не обладали теоретической ясностью, что затруднило разработку исследовательских программ, нуждающихся в эмпирическом подтверждении. В-третьих, эмпирические исследования как источник дальнейшего развития теоретической

⁵² Diamond L. Introduction: Political Culture and Democracy / Diamond L. (ed.) // Political Culture and Democracy in Developing Countries. Boulder, 1994. P. 9.

⁵³ MacAuley M. Bringing Culture into Political Analysis: The Reform of the Russian Judiciary // Whilefield S. (ed.) Political Culture and Post-Communism. Oxford, 2005. P. 87.

мысли относительно политической культуры на социетальном уровне отсутствуют, потому что социетальный анализ, где превалируют преимущественно интерпретативные методы, почти не поддается операционализации⁵⁴.

В отечественной социально-философской литературе, как и в западной, отсутствует единство исследователей по вопросу содержания понятия. Однако преобладает деятельностный подход к изучению феномена. Кроме того, российский академический дискурс обусловлен не столько общей проблемой модернизации и демократизации государств в современном мире, сколько неудачами неолиберального модернизационного проекта в России. Поэтому вопросы, которые ставят перед собой отечественные исследователи в рамках названной проблемы, отличаются от вопросов зарубежного дискурса. Сравним вопросы, представленные в таблице 1:

Таблица 1.

Вопросы академического дискурса

Зарубежный академический дискурс	Российский академический дискурс
1. Каковы политико-культурные условия стабильной демократии?	1. Каким образом неудачи демократизации взаимосвязаны с особенностями политической культуры?
2. Каким образом создать эти условия при проведении демократических реформ?	2. Каковы возможности и пределы в преобразовании политической культуры?

В российском академическом дискурсе постановка вопросов свидетельствует об убежденности большинства исследователей в приоритетном влиянии на политические процессы социокультурных факторов по сравнению с нормативно-правовыми и институциональными установлениями. Объяснение этому явлению дано в работе Ю.С. Пивоварова, где интерес к культуре рассматривается как ответная реакция на универсализм и экономический детерминизм исторического материализма, утратившего позиции государственной идеологии. Освободившееся место

⁵⁴ Малинова О. Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006. № 5. С. 106-112.

занял концепт «политическая культура» в качестве суррогата утерянной целостности и слаженности мира ввиду отсутствия равноценной замены⁵⁵. Осознание значения политической культуры в развитии и преобразовании общества соответствовало национальной интеллектуальной традиции. Современные российские исследователи действительно используют цитаты из трудов мыслителей XIX – начала XX вв. П. Чаадаева, славянофилов и западников, Ф. Достоевского, Н. Данилевского, В. Ключевского, К. Леонтьева, И. Ильина и Н. Бердяева, анализировавших особенности русской истории и культуры. Действительно, интеллектуальное наследие, содержащее глубокие идеи относительно национального характера, менталитета и культуры русского народа, является важнейшим теоретическим и методологическим источником при изучении феноменов политической культуры и политического сознания. Однако следует отметить, что интеллектуальное наследие в условиях XXI в. требует преодоления недостатков и творческого развития.

В результате исследований не выработано общепринятое понятие политической культуры, отражающее её качественную определённую как целостного феномена. Так, С.А. Егоров писал, что политическая культура является совокупностью относительно устойчивых социально-психологических установок, ценностей и образцов поведения, взаимосвязанных с политической властью и обусловленных историческим опытом, приобретённым в процессе политического развития⁵⁶. Н.М. Кейзеров рассматривал политическую культуру в качестве единства политических знаний, норм и методов деятельности, которые отражают коренные общественные интересы⁵⁷. Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин понимали под политической культурой институализированный и неинституализированный социально-исторический опыт нации или наднациональной общности, который оказывает воздействие на формирование политических ориентаций и в конечном счете политического поведения

⁵⁵ Пивоваров Ю. С. Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Pro et contra. 2002. № 3. С. 27.

⁵⁶ Егоров С. А. Политическая система, политическое развитие, право: критика немарксистских политических концепций. М.: Юридический мир, 1983. С. 119.

⁵⁷ Кейзеров Н. М. О соотношении категорий «власть» и «политическая культура» // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 78.

индивидов и социальных групп⁵⁸. Если обобщить представленные определения политической культуры, разработанные в 1980-е гг., то они включали в структуру феномена устойчивые социально-психологические установки, ценности, образцы политического поведения (деятельности) и политические знания, а также указывали на зависимость элементов политической культуры от общественно-исторического опыта.

Достоинство дефиниции, предложенной Э.Я. Баталовым, состоит в том, что она (1) называет элементы политической культуры (установки, убеждения, представления и модели поведения); (2) указывает на системность элементов политической культуры, которые исторически сложились и являются относительно устойчивыми; (3) перечисляет формы проявления политической культуры (во взаимодействии субъектов политического процесса во вне и внутри политической системы); (4) отмечает значение политической культуры (воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности)⁵⁹. Определения политической культуры И.А. Василенко и А.И. Соловьёва не раскрывают в осмыслении феномена новых аспектов⁶⁰, закрепляя тем самым в академическом дискурсе понимание политической культуры как системы исторически сложившихся политических знаний, убеждений, установок и образцов политического поведения, которые отражают ценности и традиции общества и обеспечивают воспроизводство политической жизни на основе преемственности.

Дефиниция политической культуры дает представление о структурных элементах, обладающих неодинаковой степенью устойчивости и функциональной значимости, и находящихся в переменном соподчинении. Выявить полный спектр элементов не представляется возможным. Однако основные элементы, составляющие содержание политической культуры, следует распределить на три группы: *позна-*

⁵⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. С. 197-198.

⁵⁹ Баталов Э. Я. Указ. соч. С. 25.

⁶⁰ Василенко И. А. Культура политическая // Новая философская энциклопедия в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. 2. Е – М. С. 348 ; Соловьёв А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М. : Аспект-Пресс, 2012. С. 383.

вательные (знания граждан о политической сфере общества, функциях и деятельности государственных учреждений, формах и способах участия граждан в политической жизни, политических правах и свободах), *нравственно-оценочные* (отношение к политическому режиму или политической ситуации, моральная оценка политических процессов и конкретной деятельности в политической сфере, политическая самооценка) и *поведенческие* (политическое поведение и политическая деятельность субъектов, участие граждан в жизни политии).

В политической культуре различаются рациональный, эмоционально-волевой и деятельностный уровни. Рациональный уровень формируется на основе социально-экономических и политических интересов, социального статуса граждан, их ориентаций и установок. Эмоционально-волевой уровень вырабатывается на основе разнообразных рассудочных, чувственных и иррациональных элементов, которые определяются социально-культурными и психологическими факторами. На деятельностном уровне, который взаимосвязан с общественно-историческими условиями развития народа, реализуются общепринятые представления членов общества о целях, средствах и содержании политической деятельности. Политическая культура структурируется на относительно постоянный «субстрат», определяющий социально-политическое содержание феномена и придающий политической культуре определённую идейно-политическую направленность (политические и мировоззренческие ценности), и на «переменные» элементы, способные к трансформации под воздействием изменений в общественной жизни. Иными словами, структура политической культуры включает ядро и периферийные элементы.

В науке существуют три основных теоретико-методологических подхода к типологизации политических культур⁶¹. Первый подход называется традиционным. Он рассматривает изучаемый феномен с позиции роли и места политической культуры в обществе во взаимосвязи с характером власти, властных отношений и политической системы в целом, что дает возможность классифицировать полити-

⁶¹ Ирхин Ю. В. Культура политическая // Социологическая энциклопедия: в 2-х т. М.: Мысль, 2001. Т. 1 А – М. С. 534.

ческую культуру как *демократическую* (характерные черты: демократические ценности и идеалы, правовое государство и гражданское общество, приоритет прав человека, политический, идеологический и экономический плюрализм), *авторитарную* (характерные черты: определяющая роль государства и одной партии в обществе, приоритет интересов государства и определённой социальной группы, контроль политической элиты за политической жизнью общества, стремление к политическому единству в обществе), *тоталитарную* (характерные черты: отсутствие политического, идеологического и экономического плюрализма, монополю направляемые и контролируемые властной элитой формы участия граждан в политике, единая идеология в обществе, полный контроль за деятельностью средств массовой коммуникации, формализованный и идеологически жестко определенный политический язык) или *переходную между ними*.

Второй подход к анализу политической культуры определяется характером и степенью участия людей в политике в соответствии с их политическими ориентациями и установками. Он разработан Г. Алмондом и С. Верба, которые различали три типа политической культуры: *парохиальная, подданническая и участническая*⁶². Согласно Г. Алмонду и С. Верба, политическая культура предстает в виде сочетания различных видов когнитивных и эмоционально-оценочных ориентаций по отношению к политической системе в целом, к ее аспектам на «входе» и на «выходе», а также к себе как политическому актору (Таблица 2).

Таблица 2.

Типы политической культуры

№	Название типов	Система как объект в целом	Объекты на «входе»	Объекты на «выходе»	«Я» как активный участник
1	Парохиальная	0	0	0	0
2	Подданническая	1	0	1	0
3	Участническая	1	1	1	1

⁶² Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. С. 33.

В парохиальной (parochial – местническая, провинциальная) политической культуре частота ориентаций на указанные в таблице 2 политические объекты равна нулю. Примером служит культура африканских родоплеменных обществ, где отсутствуют специализированные политические роли и политические ориентации членов общества не отделены от религиозных и социальных ориентаций; парохиял не ожидает от политической системы каких-либо политических перемен и в центр взаимоотношений в сообществе он ставит род или клан. В отличие от парохияла подданный осознает существование государственной власти и взаимодействует с властью через «нисходящий поток», или «выход», являющийся административной стороной политической системы, которая не обладает дифференцированными структурами на «входе», представляющем собой «восходящий поток», который аккумулирует требования подданных к власти. Поэтому подданническая политическая культура характеризуется высокой частотой ориентаций на политическую систему в целом и на «выход». В то время как вероятность ориентаций на себя как активного участника политических отношений и на объекты «восходящего потока» равна нулю. Подданный проявляет эмоциональные и оценочные ориентации по отношению к власти, признавая законность или незаконность, поддерживая или порицая.

Если политическая система обладает развитыми демократическими институтами, и члены общества проявляют активную роль в политике, т.е. частота ориентаций на указанные в таблице 2 политические объекты равна единице, то данная политическая культура должна быть классифицирована как участническая. Носители данного типа культуры ориентированы на систему в целом и на оба ее аспекта («вход» и «выход»), хотя ориентация индивидов на классы объектов может отличаться друг от друга⁶³. Например, во время Великой французской буржуазной революции сторонники короля не признавали легитимными созданные демократические институты, якобинцы и жирондисты имели разные взгляды на конституционный порядок, утвердившийся в стране. Все сословия приняли активное участие в

⁶³ Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. С. 34-36.

революции, но чувства и оценки санкюлотов, жирондистов, якобинцев и термидорианцев по поводу политических событий варьировались.

Указанные типы политической культуры, по мысли Г. Алмонда и С. Верба, не существуют в чистом виде, поэтому они выделяют дополнительно три типа системно смешанных политических культур: парохияльно-подданническую, подданническо-участническую и парохияльно-участническую⁶⁴, что соответствует общепринятой схеме развития общества от древнего к традиционному и впоследствии к индустриальному. Переход от одного типа общества к другому не осуществляется одновременно. Отдельные черты древности и традиции продолжают сохраняться на протяжении длительного времени. Политическая культура, которая формируется на основе общественно-исторического опыта, также характеризуется теми или иными архаичными и традиционными чертами. Изменение политической культуры от одного типа к другому стабилизируется в целом ряде точек некоего континуума и порождает совершенно разные политические, психологические и культурные смешения, имеющие значения для стабильности функционирования политической системы. Сосуществование культур внутри смешанного типа не обозначает их равнозначности: одна занимает лидирующее положение, другие – подчинённое, ибо последние являются отклонением от главного пути развития политической культуры. Поэтому Г. Алмонд и С. Верба рассматривают смешанный тип политической культуры как единство субкультур (частей) единого целого. В рамках субкультур действуют разные представления и приоритеты, и субкультуры вступают в достаточно сложные и противоречивые взаимодействия с доминирующей субкультурой. *В единстве* субкультуры задают присущие политическому сообществу векторы и границы осмысления политического мира.

Парохияльно-подданническая культура характеризуется лояльностью значительной части населения к централизованному правлению со специализированными институтами и отторжением притязаний диффузно размытых, деревенских или феодальных властей на исключительность. Примером данного смешанного

⁶⁴ Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. С. 41.

типа политической культуры являются Османская империя, Пруссия и Англия XVIII века. В Османской империи преобладала парохильная политическая культура, однако подданническая политическая культура выступала в форме смутно осознаваемого набора политических объектов, олицетворяющих центральную власть, которая осуществляла в первую очередь экспроприационную деятельность (грабительское налогообложение). Политическая культура прусского абсолютизма, значительно подавившего парохильные традиции, занимает противоположную крайнюю точку данного континуума относительно турецкой политической культуры. В Англии парохильный и подданнический слои были более гармонизированными. Символом прусской власти являлось рабское повиновение, символом британской власти – самоуважение и почтение к власти.

Путь перехода от парохильной к подданнической культуре определяет, каким образом будет осуществляться переход от подданнической к участнической культуре. При сохранении парохильной автономии и самоуправляющихся местных сообществ демократическая инфраструктура развивается более успешно, что иллюстрирует историческое развитие Великобритании, где местное самоуправление, купеческие союзы и религиозные общины соединили население с правительственной властью. Государственность Пруссии ассимилировала или превратила местные сообщества в административные ресурсы правительства, что обусловило отсутствие единства между частной и публичной сферами.

Подданническо-участническая политическая культура характеризует политическую нестабильность в государстве, так как продуцирует чередование авторитарных и демократических политических режимов. Небольшая часть населения ориентирована на активную роль в политике и использование структур на «входе». Значительная часть населения проявляет пассивность и ориентируется на политическую систему в целом и на «выход», что обеспечивает приоритет подданнической субкультуры и ставит под сомнение законность активистских ориентаций. Поэтому подданные, ориентированные на «восходящий поток», не в состоянии приобрести политическую компетентность и проявляют тенденцию к отчуждению.

Длительное существование подданническо-участнической политической культуры оказывает влияние на характер подданнической субкультуры, ибо в периоды промежуточных демократических правлений авторитарный политический режим вынужден развивать собственную инфраструктуру, чтобы сохранить власть (данный тип политической культуры отмечен во Франции, Германии и Италии в XIX – XX вв.). Недаром Г. Алмонд и С. Верба называют подданническо-участническую политическую культуру разновидностью тупиковой ситуации в политической культуре, когда одновременно сосуществуют идеалистические стремления членов политики реконструировать политический порядок и отчуждение общества от политической системы, включающей демократическую инфраструктуру (прессу, партии, общественные движения)⁶⁵.

Парохиально-участническая политическая культура наблюдается в странах, освободившихся от колониального ига, и взаимосвязана с проблемой культурного развития. Господство парохиальной культуры гармонируется с внедренными структурными нормами участнической культуры. Главная задача заключается в согласовании парохиальных структур на «выходе» с демократическими институтами на «входе» во избежание парохиальной фрагментации. Поэтому большинство политических систем, обладающих парохиально-участнической политической культурой, являются неустойчивыми, и в зависимости от условий они развиваются по пути авторитаризма или демократии.

Третий подход при исследовании политической культуры акцентирует внимание на цивилизационных, макрорегиональных и религиозных характеристиках, что дает основание выделить *западную, евразийскую, восточную, африканскую и латиноамериканскую* культуры. Западные политологи предпочитают выстраивать иерархию мировых культур, отводя западной модели первое место в качестве мирового эталона. Но внутри западной модели они различают *англо-американскую* (характерные черты: светский, прагматический характер, понимание политики как

⁶⁵ Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. С. 45-46.

процесса столкновения интересов, которые всегда можно согласовать; общенациональный консенсус в отношении главных ценностей, что придает политической культуре гомогенность; тяготение населения к политическому центру; линейный характер политического времени) и *континентально-европейскую* (характерные черты: поляризованный политический спектр, ценностно-ориентированное население, циклический, прерывистый характер политического времени, сочетание гетерогенных начал в политике) культуры. Однако признание иерархичности политических культур отрицает самоценность политического разнообразия мира. Экономические успехи стран Восточной и Юго-Восточной Азии подтверждают, что модернизация может принимать различные культурные формы как альтернативы романо-германской модели, и, следовательно, западная политическая культура не является мировым стандартом, на который должны ориентироваться другие государства. В разных политических культурах требуемый результат достигается разными способами, соответствующими особенностям цивилизационного развития.

Помимо названных подходов ученые используют и другие критерии классификации политической культуры. Уровень общественного развития позволил Ф.М. Бурлацкому и А.А. Галкину выделить архаическую, элитарную, представительскую политические культуры и политическую культуру высокой гражданственности. Каждое общество представляет собой спектр смешанных политических культур, объединяющих в разных пропорциях элементы двух основных культур, а именно: элитарной и представительской, – и соотношение этих элементов в решающей степени зависит от удельного веса субкультур, отражающих позиции социальных групп, противостоящих в обществе⁶⁶.

А.И. Соловьёв, характеризуя российское общество, выделяет следующие типы политических субкультур: тоталитарно-авторитарную, адаптационную, активно-демократическую, радикальную (экстремистскую)⁶⁷. Тоталитарно-авторитарная субкультура основана на единой идеологии, господствующей в обществе, и

⁶⁶ Бурлацкий Ф.М., А.А. Галкин. Указ. соч. С. 212-213.

⁶⁷ Соловьёв А. И. Культура власти на политическом перекрестке эпох // Власть. 1998. № 2. С. 19.

убежденности, что решение проблем общественного развития в состоянии обеспечить государственное регулирование. Между верховной властью, олицетворяемой партией или политическим лидером, существуют отношения солидарности и доверия. Адаптационная субкультура отличается нейтральными отношениями между государственной властью и народом, пассивность которого проявляется в игнорировании как обязанностей, так и прав гражданина ради сохранения личного благополучия. Активно-демократическая субкультура характеризуется развитыми демократическими формами осуществления государственной власти, что дает возможность гражданам проявить инициативу и творчество. Противодействие официальной власти со стороны части общества порождает радикальный тип политической субкультуры (контркультуру), направленный на ликвидацию институционального порядка и коренное переустройство политической системы общества.

С позиции субъектов политической культуры исследователи выделяют господствующую (официальную) и оппозиционную разновидности политической культуры, общую и региональные субкультуры, политическую культуру общества, класса, социальной группы, лидера и гражданина. Политическая культура может выступать как относительно единая, или консенсусная, так и в качестве поляризованных сегментов (субкультур). Консенсусная политическая культура характеризуется лояльностью граждан к политическому режиму, высокой сплочённостью населения на основе ценностей и целей, содержащихся в стратегии развития общества. Поляризованная политическая культура отличается несовпадением базовых ценностей, которыми руководствуются участники политической деятельности, и отсутствием согласия относительно целей общественного развития. Политические субкультуры обладают вертикальными и горизонтальными срезами. Первые основаны на социально-классовых различиях (элитарная и массовая субкультуры), вторые – на этнических, региональных и религиозных различиях. Например, дворянская культура и народный эпос, официальное православие и старообрядчество в царской России.

Интересный вариант классификации политической культуры предложил Э.Я. Баталов. Исходя из двух основных механизмов социального регулирования в капиталистическом обществе: рынка и государства, – он предложил обозначить политическую культуру как рыночную и этатистскую⁶⁸. Оба типа он рассматривает как идеальные, содержащие массовидные и повторяющиеся явления политической культуры. Рыночная политическая культура воспринимает политические процессы и проблемы через призму отношений купли и продажи, свободного обмена товарами и достижения выгоды как высшей цели политической деятельности. Поэтому данный тип культуры ориентирован на конкурентную борьбу как универсальный принцип развития и деятельности социума, который образуют индивиды, чьи интересы ставятся выше интересов общества и государства. Политические акторы действуют как бизнесмены, заключающие стихийно и спонтанно политические сделки ради партикулярных интересов в противовес тотальным политическим структурам – государству и обществу. Этатистская политическая культура ставит интересы целого выше партикулярных (по отношению к данной целостности) интересов и стремится к ограничению конкурентной борьбы, к подавлению политических конфликтов, поэтому она ориентирована на организованность и упорядоченность, или на бюрократизированность управления. Э.Я. Баталов представляет эволюцию политической культуры капиталистического общества в виде континуума, на одном полюсе которого рынок, на противоположном полюсе – государство, в пределах данного континуума на разных этапах рынок и государство играли неодинаковую роль как механизмы конструирования социально-политической жизни.

Таким образом, многоуровневые политические отношения в обществе являются способом существования и формой проявления политической культуры, носителем которой выступает человек, что постулирует взаимосвязь, во-первых, политической культуры, политического сознания и политического поведения; во-вторых, микро-и-макроуровней общества через политическую культуру. В концепте

⁶⁸ Баталов Э. Я. Указ. соч. С. 51-53.

политической культуры заложена проблема механизмов, определяющих направленность развития социума, так как социальные и институциональные практики вырабатываются в результате воздействия общественно-исторических условий, которые формируют особые значения и смыслы, сохраняющиеся в политической культуре. Структура феномена, образуемого в результате синтеза политики, политического и культуры, включает ядро и периферийные элементы, обладающие неодинаковой степенью устойчивости и функциональной значимости, а также находящиеся в отношении соподчинения. В политической культуре различаются рациональный, эмоционально-волевой и деятельностный уровни. Следовательно, она является системным понятием, когда целое – политическая культура – понимается как взаимосвязанная, взаимозависимая, многоуровневая и динамичная совокупность элементов. Взятые в системе элементы политической культуры обнаруживают не только взаимосвязь, но и новое содержание. Именно системный характер этой категории и обозначаемого ею объекта делает оправданным и необходимым введение самой категории в научный оборот и вычленение политико-культурной сферы как самостоятельного предмета исследования в рамках политической сферы общества.

1.2. Политическое сознание, политическая культура и политическое поведение: соотношение и взаимосвязь

Углубление понимания феномена политической культуры ставит перед исследователем два важных вопроса: 1) каковы содержание и сущность политической культуры и 2) как обозначить границы данного феномена? Поставленные вопросы требуют подвергнуть анализу вопрос о соотношении понятий «политическая культура», «политическое сознание» и «политическое поведение». Содержат ли политическое сознание и политическое поведение то, чего нет в политической культуре (и наоборот)?

Как мы установили, политическая культура представляет собой субъективное измерение политической жизни общества, или проявляющуюся в политическом поведении совокупность политически релевантных позиций и мнений, взглядов и ценностей субъектов и членов определенного политического организма. Содержание политической культуры включает 1) познавательные ориентации (сведения о политических институтах, ролях и статусах, которые могут быть верными или ложными); 2) эмоциональные ориентации (чувства, которые политические акторы испытывают к политической структуре и субъектам политики); 3) оценочные ориентации (суждения и мнения о политических объектах, основанные на знаниях, ценностях и эмоциях); 4) политическое поведение акторов, которые руководствуются названными ориентациями. Парадокс заключается в том, что политическая культура реализуется на личностном уровне, но является общественным феноменом, который в состоянии оказать влияние на политические процессы социального уровня.

Политическая культура возникает и развивается одновременно с политическими отношениями и наряду с ними испытывает влияние общественно-исторического опыта, приобретаемого народом. Поэтому в политической культуре выражается самобытность политического развития стран, на что указывают отличительные черты политических культур разных народов. Пронизывая тотальную ткань политического пространства, политическая культура охватывает институциональные и внеинституциональные политические отношения, закрепляя устойчивые и повторяющиеся связи между элементами политических процессов, превращая данные связи в типические, которые характеризуют отношения и взаимодействия членов политического сообщества и институтов политической системы. Отсюда очевидна взаимосвязь политического сознания, политического поведения и политической культуры, которая реализуется через политическое сознание в политическом поведении акторов и деятельности политических институтов.

Политическое поведение характеризует состояние субъекта во время политической деятельности, поэтому поведение соотносится с любыми политическими

действиями. Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин понимали под политическим поведением *любую форму* участия в осуществлении власти (участие в массовых движениях и работе органов государственной власти, членство в партии и публичная демонстрация политической позиции, чтобы воздействовать на властные структуры и общественное мнение) или противодействия осуществлению власти (осознанная отстраненность от политики, участие в протестных митингах, неучастие в избирательных кампаниях)⁶⁹. Э.Я. Баталов исходил из понимания политического поведения как «практического взаимодействия социального субъекта с политической средой, или, конкретнее, как практического отношения субъектов политического процесса к политической системе, к самому этому процессу и друг к другу»⁷⁰. Е.Б. Шестопап определяет политическое поведение как отдельные действия акторов политических процессов (включая неявку на выборы), массовые выступления, активность организованных субъектов властных отношений (правительства, мафии), стихийные действия толпы, акции в поддержку и против политической системы⁷¹. А.И. Соловьёв рассматривает политическое поведение как совокупность субъективно мотивированных действий разнообразных акторов, реализующих свои статусные позиции и внутренние установки⁷². Е.Ю. Мелешкина характеризует политическое сознание в качестве «внутреннего» политического поведения, которое влияет на «внешнее» поведение человека, т.е. на его активность и деятельность⁷³. Два последних автора считают политическое поведение реализованным политическим сознанием, которое раскрывает содержание в деятельности.

По нашему мнению, напротив, политическое поведение играет определяющую роль в концептуальной паре «политическое поведение – политическое сознание». Вместе с тем политическое сознание оказывает активное обратное воздействие на политическое поведение. В политическом поведении проявляется отноше-

⁶⁹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Указ. соч. С. 214.

⁷⁰ Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 187-188.

⁷¹ Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х: теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. С. 123.

⁷² Соловьёв А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 376.

⁷³ Мелешкина Е.Ю. Политическое сознание // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сб. учеб. материалов ; под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М. : Кнорус, 2001. С. 130-151.

ние социальных агентов к миру политического и осознание ими собственного места и роли в обществе. Структура политического поведения включает субъект и объект действия, условия осуществления действия, целевые установки, средства и результаты действия, что позволяет установить взаимосвязи между элементами структуры. В зависимости от критерия политическое поведение дифференцируется на разные виды и формы. На основании взаимодействия субъекта с миром политического выделяют виды политического поведения: открытый, или политическое действие, и закрытый, или политическая иммобильность, например, политическая апатия или бойкот. На основании структуры – прямое (направленное непосредственно на объект) и опосредованное (что достигается делегированием полномочий во время выборов) политическое поведение. Критерий количества участников классифицирует политическое поведение на индивидуальное, групповое (коллективное) и массовое. На основании мотивации субъекта – социально-осмысленное, ценностно-ориентированное, аффективное и традиционалистски-обусловленное политическое поведение. По степени активности субъекта политическое поведение, по мнению Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина, принимает следующие формы: реакция (позитивная или негативная), не требующая активности; участие в периодических политических действиях; деятельность в политических и общественных организациях; выполнение политических функций в формальных и неформальных политических институтах; прямое действие; активная деятельность во внеинституциональных политических движениях, которые являются оппозицией по отношению к существующему политическому режиму⁷⁴. Взяв за критерий направление политических действий, политическое поведение допустимо разделить на вертикальное (действия, направленные по вертикали иерархически выстроенной политической системы сверху вниз или снизу вверх) и горизонтальное (действия, осуществляемые в границах одного уровня политической системы). В целом полити-

⁷⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Указ. соч. С. 216.

ческое поведение есть система действий членов социума, выражающая взаимосвязь общества и государства, и центральным звеном взаимосвязи является вопрос о власти.

Политическое поведение определяется субъективно-психическими (потребностями и интересами субъекта, жизненным опытом) и внешними факторами, которые обусловлены социально-экономическими, политическими и культурными условиями жизни общества, членом которого является субъект. Поэтому политическое поведение, подверженное влиянию извне, в любом случае не следует рассматривать в качестве *прямого* результата сознания. Кроме того, существуют формы политического поведения, осуществляемого при минимальном участии сознания или на бессознательном уровне, а именно: неосознанные реакции ориентировочного порядка и импульсивные поведенческие акты в ситуации стресса, аффекта и паники. Среди детерминирующих политическое поведение факторов, присутствует и политическая культура, ибо она проявляется в политическом поведении, которое может быть объяснено при учете типа политической культуры, господствующей в обществе; виды и формы политического поведения характеризуют содержание и структуру политической культуры.

Определяя соотношение политического поведения и политической культуры, Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин считали политическую культуру более узким понятием, чем политическое поведение. Э.Я Баталов отмечал, что, с одной стороны, политическая культура 'уже политического поведения в том смысле, что она описывает его частный момент, но, с другой стороны, – шире, поскольку политическая культура распространяется и на сферу политического сознания⁷⁵. Аналогичную позицию занимает Н.П. Поливаева, утверждая, что политическая культура включает не всё политическое поведение, но только те образцы и нормы, повторяющиеся и относительно устойчивые, которые способствуют воспроизводству исторически

⁷⁵ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Указ. соч. С. 199 ; Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 22.

сложившейся модели политической жизни в стране⁷⁶. Следуя логике вышеназванных авторов, мы должны признать, что и политическое сознание не полностью включено в сферу политической культуры, а именно: вне сферы находится та часть политического сознания, которая инициирует нетипичные образцы и нормы политического поведения. Иначе, политическое сознание лиц, которые руководствуются новыми ценностными установками и демонстрируют новые модели поведения, приобретает дихотомическую форму, одна часть которой соответствует политической культуре общества, другая оказывается вне политической культуры. На практике подобное расщепление сознания парализует человеческие действия, так как сознание в отличие от психики всегда целостно.

Политическое сознание М.Г. Горбачева и Б.Н. Ельцина в эпоху перестройки не приняло дихотомической формы, несмотря на то, что оно воплощалось в образцах политического поведения, с одной стороны, соответствовавшего свойствам и качествам советской политической культуры; с другой стороны, противоречившего её доминантам. Оба представляли партийную номенклатуру, были авторитарными харизматическими лидерами, что обеспечивало им поддержку общества, оба декларировали идеи свободы, равенства и блага народа, проявляли непримиримость к противнику в политическом противостоянии, и одновременно в результате ряда политических действий они предали коммунистические идеалы и признали превосходство западной демократии над советской демократией, что привело к распаду российской государственности. Переориентировавшись на иные ценности, они по-прежнему были носителями советской политической культуры и действовали в соответствии с её императивами, перестраивая политическую структуру общества по западному образцу. В частности, президентские полномочия Б.Н. Ельцина по Конституции 1993 г. были сопоставимы со статусом Генерального секретаря ЦК КПСС. Во время избирательных кампаний активно использовался административный ресурс и фальсификации бюллетеней. Либеральная политическая

⁷⁶ Поливаева Н.П. Политическое сознание россиян на рубеже XX – XXI вв.: политологический анализ. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. С. 72.

элита (правлящая и управляющая), пришедшая к власти, создала партию власти (неоднократно менявшую название) и приобрела более значительные привилегии, несравнимые со льготами советской номенклатуры.

Закономерно возникает вопрос: если политическая культура, политическое сознание и политическое поведение частично перекрывают друг друга (полностью не совпадают), то где проходит линия границы между ними? Поставленный вопрос иллюстрирует Рисунок 1.

Рис. 1. Предполагаемое соотношение политической культуры, политического поведения и политического сознания

В российском обществознании существуют три основных подхода к проблеме политического сознания: (1) философский, (2) социолого-политологический и (3) психологический. Политические философы видят в политическом сознании вид общественного сознания, соотносящегося с общественным бытием. Социологи и политологи выделяют в политическом сознании такие сферы, как политическая теория (теории, доктрины и гипотезы), политическая идеология (концепции, идеалы и программы) и политическая психология (политические стремления, чувства, чаяния, настроения, мнения и предрассудки). Политическая психология, изучающая политическое сознание, стремится соединить анализ общественного содержания феномена с рассмотрением индивидуальных и групповых механизмов его функционирования, т.е. исследовать политическое сознание со стороны личности или группы. Политическая идеология и политическая психология как относительно

самостоятельные сферы политического сознания, отличаются друг от друга по способу отражения политической реальности (рационально-логический и эмоционально-чувственный), по способу формирования (рационально-теоретический и социально-практический), по структуре (система взглядов, идей, доктрин и совокупность установок, мнений и настроений) и, следовательно, по значению в политической деятельности.

Политическое сознание как отражение и выражение общественного бытия является постоянной и относительно динамичной частью политической культуры. Политическое сознание представляет собой отображение субъектом взаимодействий и общественных отношений, преломляющихся через призму государства и политических институтов, власти и подчинения. Будучи имманентным свойством политического субъекта, политическое сознание выступает в качестве активного начала, регулирующего политическое поведение. Императивность политического сознания проявляется не только в формах и видах политического поведения, приемлемых для поведенческих схем, заложенных в сознании, но и в мотивациях политических акторов, в мотивациях, которые формируются на основе потребностей и интересов человека. В политическом сознании выражаются особенности политического пространства социума, что определяет отличительные черты восприятия и понимания политического мира членами общества и оказывает влияние на формирование политической культуры.

Масштабность, сложность и динамизм политической действительности обуславливают многомерность политического сознания, что позволяет структурировать феномен на основании разных ракурсов при исследовании. Гносеологическая, аксиологическая и функциональная структуры характеризуют элементы политического сознания с позиций объема знаний, которыми обладают политические акторы; соответствия или несоответствия политических явлений и процессов ценностям, которые приемлют политические агенты; роли элементов сознания в реализации разделяемых членами общества ценностей. Степень систематизированности элементов в содержании политического сознания определяет такие уровни созна-

ния, как теоретическое (идеологически однородное сознание, присущее политологам и социологам, создателям политических теорий и руководителям политических партий) и массовое (сознание представителей той или иной социальной группы или в обществе в целом), включающее в синтезе отдельные элементы как теоретического, так и обыденного сознания. Массовое сознание в широком смысле обозначает сознание больших групп, в узком смысле – особую форму обыденного сознания, которая формируется под воздействием пропаганды, рекламы и PR-технологий. Обыденное сознание является продуктом широкого круга членов общества, поэтому оно поверхностно отражает политическую действительность. В обыденном сознании присутствуют инертные (стереотипы) и изменчивые (слухи, мнения, суждения) элементы.

Количественный критерий классифицирует политическое сознание на формы: индивидуальную, групповую и массовую. Мировоззренческая дифференциация политического сознания определяет типы политического сознания: консервативный, либеральный, революционный и другие. В политическом сознании воплощаются категории политического представления, политического настроения, политической установки, политической ориентации и политического убеждения, посредством которых выражается содержание рефлексии политического субъекта относительно мира политического. На наш взгляд, Н.П. Поливаева дала наиболее точное определение понятия «политическое сознание»: «... исторически обусловленное отражение и выражение (в идеологии и психологии различных субъектов) общественных отношений по поводу власти, регулирования этих отношений и процессов, внутренних и внешних факторов функционирования государства и политических институтов»⁷⁷. В тандеме «политическое сознание – политическое поведение» определяющая роль принадлежит политическому поведению, благодаря которому политическое сознание раскрывает собственное содержание и одновременно оказывает обратное воздействие на политическое поведение, приобретая деятельностный характер.

⁷⁷ Поливаева Н.П. Указ. соч. С. 22.

Одни элементы политического сознания являются устойчивыми (установки, стереотипы политического мышления, идеи, теории, убеждения и традиции), другие – неустойчивыми, кратковременными и быстро изменяющимися (эмоции, чувства, мнения и настроения). Грань между ними гибкая и подвижная. Самыми консервативными элементами выступают стереотипы политического сознания, оказывающие влияние на восприятие объекта или знаний, зафиксированных в сознании преимущественно в виде образов. В обыденном сознании стереотипы характеризуются как негативные модели, обозначающие поверхностное восприятие политических явлений, отсутствие самостоятельности мышления и упрощение многогранности и иерархичности политической действительности. Но стереотипы мышления, являющиеся неотъемлемым свойством сознания, приобретают особое значение по мере усложнения исследуемого объекта, ибо позволяют человеку, несмотря на неполное знание или противодействующие друг другу внешние воздействия, ориентироваться в ситуации и принимать необходимые решения. Включая когнитивный и эмоциональный компоненты, стереотип, отличающийся повышенной устойчивостью, с одной стороны, увеличивает возможности субъекта ориентироваться в сложной и противоречивой политической реальности. С другой стороны, устойчивость стереотипов препятствует восприятию инноваций, ибо эмоциональное поле стереотипов подавляет новые элементы вопреки рациональности, что придает политическому поведению иррациональный нюанс. И подобные нюансы способны привести к оценкам и решениям, не соответствующим политической установке человека.

Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин рассматривали политическое сознание по сравнению с политической культурой как более широкое и одновременно как более узкое понятие, опираясь на гипотезу К.Г. Холодковского⁷⁸. К.Г. Холодковский выделял три уровня политического сознания: 1) уровень ожиданий и оценка своих возможностей влиять на политическую систему для их реализации; 2) социально-политические ценности, лежащие в основе идеологического выбора; 3) мнения, т.е.

⁷⁸ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Указ. соч. С. 200-201.

оценка текущего положения, правительства или политического лидера. Знания пронизывают все эти уровни. Из трех уровней наиболее устойчивым выступает уровень политических ценностей⁷⁹. Если разделить граждан на вовлеченных в политику, интересующихся политикой пассивно и незаинтересованных политикой, то разница между ними будет выражаться определенным соотношением названных уровней. Все три уровня будут присутствовать у вовлеченных в политику и будут слабо выражены у незаинтересованных политикой (вплоть до неразвитости политического сознания). Интересующиеся политикой пассивно обладают способностью придавать мнению гипертрофированное значение.

Предложенная К.Г. Холодковским модель, по мнению Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина, позволила выделить различия между политическим сознанием и политической культурой: политическое сознание включено в политическую культуру знаниями и представлениями о различных сторонах политической жизни и характеризуется преобладанием когнитивных элементов, хотя полностью и не сводится к ним. Наличие политического сознания предполагает определенный уровень развития общества и соответственно политической культуры. Политическая культура присутствует в политическом сознании в виде причины деления граждан на указанные группы и в качестве фактора, влияющего на уровень ожиданий и оценку гражданами возможности влиять на политическую систему, на формирование ценностей и мнений. В ином смысле, утверждали Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин, политическая культура шире, чем политическое сознание, потому что даже отсутствие политического сознания может быть рассмотрено как пассивная форма политической культуры. Политическое сознание являет собой только один из типов реализации политической культуры и служит эффективным инструментом определения ее структурного строения и содержательных компонентов. Э.Я. Баталов также отмечал двойственность соответствия между понятиями «политическая культура» и «политическое сознание». Он признавал политическое сознание более широким

⁷⁹ Холодковский К. Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания // Мировая экономика и международные отношения. 1979. № 6. С. 126-129.

понятием, чем политическая культура, ибо оно содержит помимо культурных моментов и иные элементы. Но политическая культура не ограничивается культурой политического сознания, она включает культуру политического поведения, культуру функционирования политической системы в целом и образующих ее институтов⁸⁰.

Первое приближение к вопросу о соотношении понятий «политическая культура» и «политическое сознание» дает представление, во-первых, о противоречивости в соотношении понятий, во-вторых, о том, что политическое сознание, как и политическое поведение, не полностью входит в понятие «политическая культура». Н.П. Поливаева конкретизирует второй тезис, предлагая собственное понимание структуры политического сознания в виде «ядра» и «поля»⁸¹. «Ядро» включает в себя концептуально-этиологические элементы (идеологические воззрения, политические учения, понятия, образы и стереотипы) и аксиологические установки, оказывающие влияние на интерпретацию мнений и суждений. «Ядро» синтезирует различные идеи, представления и мысли, придавая им особый ценностный смысл, что связывает «ядро» и элементы «поля» политического сознания. «Поле» содержит элементы, не имеющие по происхождению и содержанию генетического родства с политической сферой (исторические, правовые, нравственные, культурные), но приобретающие ценностную ориентацию, оставаясь за рамками политического, благодаря «ядру». В «ядре» политическая идеология и политическая теория осуществляют взаимодействие, структурируя философско-политические, политико-правовые, политико-экономические, морально-политические и целый ряд иных идей, которые становятся компонентами системы политического мышления, в рамках которой развивается особый тип понимания и оценки политической действительности. Всё это выражается в придании элементам человеческого сознания и деятельности политического смысла и значения. Границы между «ядром» и «полем» гибкие и подвижные. В итоге Н.П. Поливаева делает вывод, что политическая

⁸⁰ Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 22-23.

⁸¹ Поливаева Н.П. Указ. соч. С. 30-31, 115-117, 357-360.

культура и политическое сознание – «это частично перекрывающиеся друг друга, относительно автономные феномены», соотносящиеся между собой как целое (политическая культура) и часть (политическое сознание) и никогда не сливающиеся до конца⁸². Таким образом, предложив интересное видение структуры политического сознания, Н.П. Поливаева не конкретизирует расположение демаркационной линии между политической культурой, с одной стороны, и частично вовлеченными в ее сферу политическим сознанием и политическим поведением, с другой стороны.

Важно понимать, что общественное сознание вторично, являясь продуктом и функцией общественного бытия, т.е. общественное сознание представляет собой не только отражение материального, но и производство идеального (ценности, идеи, знания), посредством которого оно формирует потребности и интересы, мотивирующие человеческую деятельность, и оказывает обратное воздействие на бытие. Тезис о вторичности общественного сознания имеет два аргумента. Во-первых, общественное бытие является более широкой системой по отношению к человеческому сознанию, выступающему как условие и средство вхождения человека в целостную систему бытия. Многообразие общественного бытия выходит за рамки исходного содержания сознания, расширение горизонта которого осуществляется в деятельности, управляемой сознанием. Сознание обладает общественной природой, ибо оно возникает и развивается в процессе совместной деятельности членов общества. Во-вторых, структура и содержание общественного сознания обусловлены исторически определенным способом общественного бытия, поэтому сознание следует рассматривать как общественно-историческое образование, содержание и форма которого определяются уровнем развития человеческой деятельности. Отсюда атрибутами общественного сознания являются целостность и идеальность (отражение окружающего мира в субъективных образах).

Политическое сознание как один из видов общественного сознания в полной мере обладает родовыми признаками общественного сознания, и линия различия между ними проходит по объекту отражения, способу и особенности отражения и

⁸² Поливаева Н.П. Указ. соч. С. 61, 359.

по выполняемой функции (своеобразие обратного воздействия на социальную действительность). Реальность политического сознания, или бытийный характер сознания, предполагает наличие в политическом сознании двух уровней, а именно: уровня коллективных (общепринятых) представлений, которые обобщены в политическом знании, и уровня индивидуального сознания конкретных членов общества, усвоивших коллективные представления, ставшие их субъективной реальностью по отношению к политическому миру. Первый уровень позволяет политическому сознанию аккумулировать общезначимые смыслы, формировать ценности и выполнять функцию социальной памяти, вырабатывая схемы сохранения и воспроизводства накопленного политического опыта. Второй уровень охватывает всю полноту сущностных сил человека (мышление, память, способности, волю, эмоции), который в процессе интериоризации общепринятых норм политического сознания создает неповторимый образ политического мира как целостного личностного образования, через призму которого он воспринимает и оценивает политические объекты, отношения и взаимодействия политических акторов, взгляды и идеологию. Общепринятые нормы и ценности преломляются через индивидуальный образ политического мира в процессе общественно-преобразовательной деятельности.

Индивидуальный уровень образует структурную первооснову политического сознания как системного, органически целостного и упорядоченного образования, отражающего политическое бытие. Политическая сфера общества является частью политического, так как в политическое пространство могут быть вовлечены через деятельность и общественные институты экономика, социальная сфера и культура. Однако политическая сфера является центральным звеном политического, формируемого в контексте общественно-исторического развития, политического и социально-культурного опыта народа. Согласно концепции Карла Шмитта, политиче-

ское проявляется в дихотомиях: друг – враг, частное – общее, управление – подчинение⁸³. Причины указанных дихотомий автор объясняет, во-первых, природой человека, воспринимающего окружающий мир с позиции эгоцентризма и настороженно относящегося к другим ради безопасного существования; во-вторых, неизбежным столкновением коллективных и частных потребностей и интересов в политическом сообществе; в-третьих, неравенством людей, обладающих разной степенью физической силы и трудолюбия, различным уровнем интеллекта, способностей и материального достатка.

Политическое сознание в своей целостности объединяет многомерность, неоднородность и противоречивость политического, которое оно охватывает тотально. В результате взаимодействия человека с политическим миром возникают идеальные образы, отражающие объективную реальность, что указывает на способность человека быть субъектом политического процесса, инициируя политические действия на основе идеального проекта. Таким образом создается возможность обозначить существование субъективной реальности, присущей упомянутому субъекту, и раскрывающейся в политических действиях. Именно такой идеальной моделью является политическая культура, которая проявляется в типических связях и отношениях членов политики во вне и внутри институциональной политической системы общества. Политическая культура демонстрирует определенную реальность отражения сознанием политической действительности. Эта реальность проявляется в субъектно-объектных политических отношениях, в структуре и функционировании политической системы, во взаимодействии государства и общества, подтверждая обозначенные в идеальной модели свойства и качества политической культуры. Идеальность модели политической культуры выражает отражённость в образе объективной политической действительности, неразрывно взаимосвязанной с особенностями политики и культурного развития социума, и способность политических акторов выстраивать политические отношения в соответ-

⁸³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 37-67.

ствии с данной представленностью в модели как особого способа организации взаимодействия членов общества в политической сфере. Более того, субъективная реальность, представленная в политической культуре, объективируется в институциональном порядке, который утверждается в обществе.

Политическое сознание и политическая культура неразрывно взаимосвязаны между собой. Они являются общественно-историческими образованиями, проявляются на индивидуальном и социетальном уровне, раскрывают содержание в политической деятельности. Оба, тотально объемлющие политическое, не могут быть осмыслены вне сферы друг друга, ибо политическое сознание существует и воспроизводится в сфере политической культуры, одновременно оно является условием, а также средством сохранения и воспроизводства политической культуры. Объем содержания политического сознания и политической культуры различается, но оба представляют собой динамичные феномены, обладающие способностью развиваться, обогащаться (в значении увеличивать ценностное содержание) и изменяться, вовлекая в собственное предметное поле инновационные элементы. Трудно не согласиться с Н.П. Поливаевой, которая утверждает, что политическое сознание, представляя ментальную «часть» политической культуры, обладает способностью через «поле» постоянно приобретать внесистемные качества, но с разной степенью интенсивности вносить в политическую культуру нетипичные содержательные компоненты и импульсы. Однако, учитывая данное высказывание, невозможно принять тезис о разрыве на две части целостного потока политического сознания, проявляющегося на индивидуальном и социетальном уровне и находящегося в динамике в результате взаимодействия «ядра» и «поля», границы между которыми являются гибкими и подвижными.

Обращаясь к вопросу о соотношении понятий «политическая культура», «политическое сознание» и «политическое поведение», мы должны подчеркнуть их системный характер. Они взаимосвязаны между собой и проявляются в статике и динамике. Несмотря на системность, политическое сознание и политическое поведение по отношению к политической культуре выступают в качестве подсистем, и,

следовательно, политическая культура во взаимосвязи с ними является сверхсистемой. Другими словами, если политическая культура рассматривается нами с позиции системы, то политическое сознание и политическое поведение являются подсистемами, или частями, политической культуры. Во взаимосвязи политического поведения и политического сознания определяющая роль принадлежит поведению (деятельности), в процессе которого раскрывается содержание сознания, оказывающего активное обратное воздействие на поведение. Являясь системными явлениями, политическое сознание и политическое поведение в качестве частей политической культуры сохраняют относительную самостоятельность, но *в единстве* они выступают как подсистемы политической культуры, задающей границы системе, которую она образует.

В структуре политической культуры выделяются устойчивые элементы, образующие «ядро», и неустойчивые элементы, составляющие периферию и выражающие качественные характеристики субкультур, которые занимают подчиненное положение по отношению к лидирующей субкультуре, ибо все политические культуры являются смешанными, сочетая доли простых и более сложных образцов политических ориентаций и действий. Инновационные элементы первоначально сосредотачиваются на периферии, испытывая противодействие «ядра» политической культуры. Очевидно, что политическое сознание и политическая культура не тождественны друг другу по объему содержания. Однако различие в объеме содержания не препятствует одному понятию проявляться в другом и через другое, а также полностью распространяться на сферу этого явления. Содержание и сущность политической культуры как системы определяются единством политического поведения (деятельности) и политического сознания, которое *целостным потоком* представлено в политической культуре, приобретая определенность в совокупности форм, видов и типов политического поведения.

Деление на части и нарушение целостности политического сознания как подсистемы политической культуры недопустимо ввиду ряда причин:

1. В отличие от психики политическое сознание проявляется только как целое.

2. Целостный поток политического сознания на пересечении полей политики, политического и культуры синтезирует субъективную реальность «политическая культура» (во всей полноте её многообразия), которая объективируется в политической деятельности и политических институтах, развивается и изменяется под воздействием политического сознания, трансформации которого невозможны при нарушении целостности.

3. Будучи общественно-историческими образованиями, политическая культура и политическое сознание формируются по мере развития общества и государства, образования политической системы, накопления политического опыта, становления и преобразования институционального порядка – целого ряда процессов и явлений, которые в конечном итоге определяют особенности политического развития, традиции и политические нормы и которые в состоянии отразить в динамике только целостный поток политического сознания.

4. Структуры политического сознания и политической культуры одинаково включают устойчивые и неустойчивые элементы, взаимодействие между которыми и процессы изменений в «поле» и «ядре» способен поддерживать только целостный поток политического сознания, структурирующий экономические, культурные, философские, правовые, моральные и другие идеи, которые приобретают политическое значение и становятся компонентами осмысления политической действительности и предпосылками перехода от одной к другой модели политической культуры.

5. Содержание рефлексии политического субъекта относительно политического мира определяется типом политической культуры, приобретенной в процессе политической социализации. Но содержание политического сознания субъекта не является статичным, оно развивается, приобретает новые смыслы и изменяется, несмотря на включенность в определенную систему восприятия и понимания политической реальности, что указывает на сохранение целостного потока политического сознания, которое только при условии целостности в состоянии отражать и выражать политическую действительность в контексте определенного типа политической культуры и одновременно подвергать ревизии политические

установки, убеждения и образцы поведения и, следовательно, находиться в развитии и поддерживать динамичные процессы в политической культуре.

Изложенное понимание соотношения политической культуры, политического сознания и политического поведения вполне соотносится с политическими процессами и изменениями в общественном сознании России в XIX веке. В начале XIX века российская политическая культура может быть определена как подданически-парохиальная, где более интенсивным слоем была представлена подданическая субкультура. Но на протяжении века отдельные элементы участнической субкультуры усилили позиции настолько, что мы должны констатировать *изменение типа* политической культуры, оценив данный тип как подданически-участнический, в котором лидирующие позиции занимала по-прежнему подданическая субкультура. Начало кардинальным переменам в политической жизни страны положили декабристы-дворяне, составившие антиправительственный заговор с целью преобразования России. Что двигало этими людьми? Идея спасения народа и процветания родины ценой собственного благополучия и даже жизни – и эта идея спасительности и жертвенности была характерна для политического сознания российского общества, что подтверждает принадлежность декабристов именно к российской политической культуре.

Продолжателями дела декабристов стали А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, возглавившие демократическое направление в антикрепостнической оппозиции правительству и разработавшие новую идеологию – народничество, основанную на социалистической идее. Другое направление в оппозиции царскому правительству представляли либералы: славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, И.С. и К.С. Аксаковы) и западники (Т.Н. Грановский и С.М. Соловьев). Славянофилы ориентировались на самобытный путь развития России при сохранении самодержавия и восстановления деятельности Земских соборов, но при условии отмены крепостного права. Западники считали, что Россия должна развиваться по пути Западной Европы, так как данный путь представлял общую тенденцию мирового развития; они ратовали за уничтожение крепостного права и установление конституционной монархии. Именно развернувшееся в России освободительное движение

явилось одной из причин проведения реформ Александром II. Половинчатость реформ Александра II активизировало деятельность разночинцев-народников, которые пытались найти наиболее рациональные пути к обновлению страны и не отрицали возможность революции. Отсюда создание общероссийской организации народников «Земля и воля» (создавалась дважды в 1861 г. и 1872 г.) и ультрареволюционной организации «Народная расправа» во главе с Д.Г. Нечаевым, хождение в народ 1874 г. и организация деревенских поселений, террористические акты против царя и правительственных чиновников. Широкой общественной поддержки народники не имели, но репрессии правительства вызывали негативную реакцию общества, симпатизировавшего оппозиционному движению, которое постепенно вовлекло в свои ряды представителей разных сословий России. Расширение социальной базы освободительного движения произошло в течение XIX века, изменив и политическое сознание общества, и политическое поведение. Ранее неизвестные формы, нормы, взгляды и идеологии – и в целом легальная и нелегальная политическая борьба, существовавшая вне российской политической культуры в качестве западного образца, вошла органической частью в политическую жизнь страны, завершившись первой русской революцией (1905-1907).

Сформировавшаяся в России политическая культура являлась достаточно сложной системой, включающей элементы, сложившиеся на различных стадиях социально-исторического развития и обладающие неодинаковым культурным потенциалом. Подобно тому, как со сменой эпох на старый пласт материальной культуры наслаивается новый, так и в политической культуре с течением времени образуются новые пласты, закрывающие собой старые, но напластования происходят неравномерно в пространстве и времени. Некоторые элементы нижних (архаичных) пластов отмирают, другие сохраняют в обществе функциональную значимость и способны продолжать движение по вертикали, входя в новую политическую культуру. Например, монархическая власть после первой русской революции сохраняла в обществе сакральное значение, несмотря на развитие парламентаризма; власть предпринимала шаги по сохранению позиции православной церкви в государстве,

чтобы стабилизировать политические отношения. Наряду с парохияльными и подданныческими элементами, в политической культуре начали обретать культурный статус новые элементы – участнические. Однако при сочетании парохияльной, подданныческой и участнической субкультур лидирующая позиция в политической культуре России принадлежала подданныческой субкультуре. Радикальные общественные перемены в итоге трансформировали подданныческо-парохияльную культуру в подданныческо-участническую, которая отличается стремлением акторов приобрести политическую компетенцию, или возможность оказывать влияние на правительственные структуры, чтобы удовлетворить сформировавшиеся потребности и интересы сословий и классов общества. Именно ментальная часть (политическое сознание) политической культуры, которая обладает способностью отражать и выражать изменения в политической действительности, на протяжении века накапливала и отбирала инновационные элементы, соотносила приобретенное со смыслами и значения элементов «ядра» (характерными чертами политической культуры), инициировала новые формы, типы и виды политического поведения, не свойственные подданныческо-парохияльной политической культуре, но соответствовавшие идее свободы, равенства и справедливости как основополагающего принципа общественного устройства, признаваемого носителями российской политической культуры. Переход от одного к другому типу политической культуры был осуществлен не одномоментно, но в результате постепенного уменьшения количественных долей и пороговых значений парохияльной и подданныческой субкультур и приобретения участнического слоя, чтобы получить результирующее качество в виде подданныческо-участнической политической культуры. Обозначенный переход в состоянии сопровождать только целостный поток сознания.

Таким образом, на наш взгляд, политическая культура не есть нечто рядоположенное или пересекающееся с политическим сознанием и поведением, а есть *единство политического поведения и политического сознания* в системе, образуемой политической культурой. В политической культуре нет ничего, чего бы не было в политическом поведении или политическом сознании. В схеме на Рис. 1

средний сегмент лишен содержания, а, следовательно, и сама схема является неверной, ибо политическая культура существует только *в единстве* политического сознания и политического поведения, которые как подсистемы приобретают качественно иное содержание. Определяющая роль политического поведения взаимосвязана с активным обратным воздействием политического сознания на поведение. Содержание и сущность политической культуры определяет единство политического поведения (деятельности) и политического сознания, единство практического и духовного, что придает целостность политическому процессу и обнаруживает типичные черты политических взаимодействий.

Глава II. Значение политической культуры в политической жизни общества

2.1. Интегративный потенциал политической культуры в системе политических отношений

Политическая жизнь общества формируется по мере возникновения и развития государства как орудия политической власти, благодаря которой поддерживается целостность и единство социума, а также осуществляется управление общественными делами. Политические отношения формируются внутри политической системы общества, институты которой придают устойчивость политическим отношениям. Связи и отношения внутри политической системы имеют два уровня: (1) институциональный, характеризующий функциональные связи между институтами (главы государства, парламентаризма, судопроизводства, исполнительной власти, государственной службы, политических партий), и (2) системно-нормативный, устанавливающий поле ответственности (права и обязанности) институтов. Политические отношения внутри и вовне политической системы, объединяющие всё многообразие политического бытия, представляют политическую жизнь.

Субъектно-объектные отношения в политических процессах отражают существенные характеристики политической культуры, демонстрируя типические черты политического поведения и политических взаимодействий. Как писали Г. Алмонд и С. Верба, политическая система общества разделяется на три класса объектов: (1) конкретные роли и структуры (законодательные, исполнительные и судебные органы власти); (2) исполнители политических ролей (президент, король, судья); (3) конкретные политические действия, решения и реализация решений⁸⁴. Познавательные, эмоционально-чувственные и оценочные ориентации по отношению к названным объектам формируются у вовлеченных в административный процесс

⁸⁴ Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. С. 31.

(«выходной») граждан, создавая образ политической структуры в целом. Интернализация политической системы в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках членов общества и есть политическая культура⁸⁵. Интеракции с разными объектами политической системы по инициативе граждан должны осуществляться через «входной» процесс, который называется политическим, так как предполагает активное соучастие членов общества в политической деятельности. Поэтому чисто психологические ориентации усиливаются поведенческими, которые реализуются посредством инфраструктуры на «входе» политической системы, что является характерным признаком участнической политической культуры.

Политическая культура акцентирует внимание на человеке, являющемся главным действующим лицом политических процессов, ибо она указывает конкретно на политические ориентации индивида по отношению к политической системе в целом, к объектам политической системы и роли собственного «я» в политической структуре. Вовлеченные в политическую сферу граждане способны соотносить политические действия с существующими правилами и нормами, общепринятыми мнениями и стереотипами поведения, воспроизводить объективную политическую реальность и изменять политическую систему в соответствии с идеалами и ценностями, которыми они руководствуются. Важно учитывать влияние индивидуальных особенностей политических акторов (характер и темперамент, образование и жизненный опыт, интересы и желания) на политические отношения, что нередко приводит к несовпадению взглядов и политическому противостоянию, которое может завершиться борьбой, компромиссом или консенсусом. Неудивительно, что политическая культура претендует на роль связывающего звена между микро- и макроуровнем мира политического. Однако концептуализация подобной связи на практике оказывается сложной задачей вне зависимости от индивидуального или социетального уровня исследования.

⁸⁵ Алмонд Г., Верба С. Указ. соч. С. 29.

Печатные издания указывают на концептуальную незавершенность в осмыслении интегративного потенциала политической культуры. Ю.С. Пивоваров представляет политическую культуру как политическую традицию, понимаемую в качестве разных форм и способов организации политической жизни, которые, устойчиво сохраняясь в социальном времени, передаются от поколения к поколению⁸⁶. Накопленный социально-политический опыт формирует испытанные временем образцы политической деятельности, осмысленные и воспринятые в качестве норм политического поведения. Очевидно, что возможности интеграции общества заложены именно в традиционной части политической культуры, которая представляет фундамент, необходимый, чтобы регулировать социальные противоречия и поддерживать стабильное состояние общества. Необходимо заметить, что автор рассматривает содержание политической культуры в усеченном виде, оставляя за рамками понятия, например, символы, язык, идеологии, ценности и инновации: Кремль как архаический символ русской власти, мавзолей В.И. Ленина как символ Советского государства, ценностный раскол «элита – народ» в качестве характерной черты российской политической культуры, торговый флаг Российской империи и символ Временного правительства, возведенный в ранг государственного флага РФ по волевому решению политической элиты⁸⁷. Кроме того, существуют традиции, признать которые нормативными не позволяет здравый смысл: традиция применения насилия (убийство, заключение в тюрьму, ссылка, расстрел депутатов парламента) в политической борьбе за власть; традиция безграничного терпения в ответ на произвол и притеснения со стороны власти.

По сравнению с Ю.С. Пивоваровым К.Ф. Завершинский расширяет содержание концепта, исследуя когнитивные основания политической культуры. Он рассматривает социальную систему как структурированную целостность, существующую в виде реальных отношений социальных агентов, занимающих иерархические

⁸⁶ Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 8-9.

⁸⁷ См. подробнее о флаге и гербе России: Филиппцев К.Н. Государственные символы в истории России / К.Н. Филиппцев // Актуальные проблемы экономических и общественных наук в исследованиях молодых ученых и аспирантов (Выпуск III): сб. ст. / под общ. ред. Р.И. Мельниковой, Д.А. Мещерякова. – Воронеж: МОУ ВПО «ВИЭСУ», 2011. – С. 69-77.

позиции, и институтов (установившихся социальных практик). Социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени, взаимосвязаны с индивидами и общностями объективными и субъективными связями, которые выражаются в идеальной и материальной форме. Культурно-политическое пространство, представленное субъективными (схемы мышления и поведения социальных агентов) и объективными (институты и ресурсы) структурами, формирует представление о культурной и политической реальности в виде символических схем, ибо сознание человека обладает имманентной способностью конструировать объективные смысловые взаимосвязи. Обозначенные схемы переводят символическое содержание требований институтов на язык повседневности и наоборот. Субъективные символические структуры интерпретируют установившиеся социальные практики и одновременно обеспечивают членам социума свободное осуществление действий и выражение мыслей⁸⁸. Поэтому социальные институты не абсолютно детерминируют человека, и при реформировании институционального порядка члены сообщества в состоянии сохранить существующие политические и культурные практики. Отсюда следует особое значение субъективных символических схем в процессе социальной реконструкции и легитимации новой институциональной среды.

Политическая и культурная идентичности тоже проявляются в форме когнитивных знаковых структур, раскрывающих представление о себе членов общества. Понятие культуры, по мнению К.Ф. Завершинского, подразумевает процесс разумно-духовной организации социума, а политическая культура предстает как дискурсивно-символический способ интеграции политической действительности в разумную и духовную целостность⁸⁹. Содержащиеся в символических схемах, коды культурной и политической деятельности способствуют интеграции общества в единое целое. Осмысливая содержание политической культуры как символического способа интеграции политики, К.Ф. Завершинский утверждает, что именно

⁸⁸ Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 21-22.

⁸⁹ Завершинский К.Ф. Концепт легитимности как дискурсивная основа анализа политической культуры // Принципы и практика политических исследований. М.: РОССПЭН, 2002. С. 123.

ядро политической культуры обеспечивает взаимосвязанную целостность символических схем целедостижения власти, институтов и коммуникаций – участников интеракций. Благодаря целостности хабитусных, нормативно-процедурных и ценностных когнитивных схем, которые содержит ядро политической культуры, легитимируется реконструированный институциональный порядок⁹⁰.

К.Ф. Завершинский совершенно справедливо обращает внимание на смысловую насыщенность понятия «habitus», трудно переводимую с иностранного языка и скрытую от русскоязычных читателей. В биологии «habitus» обозначает внешний облик, привычку, обычай, предрасположенность или характер развития; в медицине – конституцию (строение) тела. О. Шпенглер называет неповторимый образ культуры как «habitus cultura», акцентируя внимание, что свойства и качества культуры являются прирождёнными и неотъемлемыми атрибутами общества. П. Бергер и Т. Лукман используют именно термин «хабитуализация», предшествующий институализации социального мира, экстернализованного, объективированного и интернализованного человеком. Хабитуализация предполагает, что социальные практики первоначально становятся устойчивыми, обычными и общепринятыми, и только впоследствии превращаются в социальные институты. Процесс хабитуализации в определённой мере напоминает пересказ научного текста, который или заучивается наизусть, или излагается в результате размышлений на языке собственных мыслей, т.е. текст адаптируется в соответствии с уровнем развития мышления человека. Поэтому субъективный фактор имеет значение при социальном конструировании, недаром нормы и процедуры, объёмы полномочий, состав и практики одинаковых институтов (например, парламентов) различаются в разных странах.

Концепт политической культуры является идеальной моделью, которая отражает объективную реальность и проявляется в типических связях и отношениях членов политического сообщества во вне и внутри политической структуры. Идеальность модели политической культуры выражает отражённость в образе объек-

⁹⁰ Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 29.

тивной политической действительности, которая неразрывно взаимосвязана с особенностями культуры и политики социума, и способность политических акторов выстраивать политические отношения в соответствии с данной представленностью в модели. Политическая культура демонстрирует субъективную реальность отражения сознанием политической действительности. Субъективная реальность, выраженная в политической культуре, объективируется во вне и внутри институциональной среды социума, члены которого не утрачивают способности свободно мыслить и действовать при трансформации институционального порядка, и сохраняется в виде символических схем, обеспечивающих смысловую взаимосвязь между объективной действительностью и сознанием человека. Взаимосвязанная целостность символических схем, которые создают единое поле значений и смыслов, являющихся способом интерпретации политических процессов и ориентирующих членов политики в ситуации, поддерживается целостным потоком сознания, раскрывающего содержание в политической деятельности. Ядро политической культуры не следует рассматривать в виде механистического объединения или иерархического соподчинения хабитусных, нормативно-процедурных и ценностных когнитивных схем, но в качестве *генерализирующего кода политической легитимации* трансформируемого институционального порядка, что дает основание полагать, что политическая культура способствует политической консолидации общества благодаря интегративному механизму ядра.

Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев также считают интегративную функцию политической культуры внутренним механизмом концепта, представленного «совокупностью базисных знаний о социальной жизни, которые разделяются достаточно большой частью общества и предопределяют понимание конкретных политических ситуаций и поведение в них»⁹¹. Структурными элементами политической культуры они называют три группы знаний: социальную онтологию, политические ценности и операциональный опыт, – которые они рассматривают как три уровня интеграции. Социальная онтология задает базисные представления о структуре и

⁹¹ Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы интеграции в современном обществе) // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 61.

свойствах социальной реальности и типологизирует социальные ситуации при помощи онтологических категорий. Нереплексивные когнитивные схемы, являющиеся способом интерпретации социального опыта, представляют собой постоянную и глубокую составляющую политической культуры, обеспечивая устойчивость политического поведения, которое мотивируется базисными знаниями о политическом. Ценности, в большей степени открытые для рефлексии, распределяют ситуации по шкале приемлемости. Операциональный опыт как набор стереотипных сценариев поведения для стандартных ситуаций – наиболее вариативный элемент политической культуры.

В традиционных обществах, по мнению авторов, онтология выступает в качестве интегрирующего фактора, в процессе модернизации функцию интеграции выполняет иерархически выстроенная система ценностей, обусловленная соответствующими онтологическими представлениями⁹². Реализация ценностей немислива при отсутствии организующей деятельности своеобразного ведомства по распределению «благодати». Подобное ведомство, используя монопольное положение единственного законного посредника между миром повседневности и трансцендентным царством реализуемых ценностей, обеспечивает социальное взаимодействие членов общества, объединенных верой в трансцендентные ценности. Неизбежно ведомство принимает форму иерархии с высоким уровнем централизации. Иерархический статус члена ведомства будет определяться степенью близости к трансцендентному источнику «благодати».

Плюрализм ценностей, предполагающий множественность авторитетов, подрывает способность общества консолидироваться на ценностной основе. Конфликт внутри культуры, называемый Н.И. Бирюковым и В.М. Сергеевым расколом, или дуализмом, в результате мировоззренческой переориентации существенной части сообщества, которая, не затрагивая социально-онтологического слоя, разрушает единство ее ценностной структуры, поскольку некоторые основные институты и аспекты общественной жизни стали оцениваться по-разному, приводит к замене

⁹² Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Указ. статья. С. 64.

механизма интеграции с онтологии на ценности⁹³. Очевидно, что общество способно развиваться в состоянии единства, основой которого является ценностный консенсус.

Пока онтологическая идея всеединства признается легитимной, несмотря на наличие ценностного конфликта, организующее ведомство разводит носителей разных ценностей на «ортодоксов» и «диссидентов», утверждая в качестве онтологической аксиомы негативный характер деятельности «диссидентов». И указанная оппозиция приобретает ценностный смысл, задавая единство общества через противостояние. Однако ортодоксы в реальности демонстрируют только символическую идентификацию с онтологической идеей. Оценка ортодоксальных ценностей приобретает иррациональный смысл, так как становится критерием социально-культурной идентичности. Разрешить ценностный конфликт, вызвавший дуалистический сдвиг, возможно двумя способами: восстановить единство в додуалистическом виде или радикально перестроить онтологическое основание политической культуры. В первом случае общество должно найти новый консенсус относительно основных ценностей политической культуры. Во втором случае использовать третий уровень интеграции через процессы иерархизации операционального опыта и достижения консенсуса относительно придания особого статуса отдельным видам политического поведения и определенным политическим процедурам. Как показывают Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев на исторических примерах, наибольшей динамичностью обладают ценности, способные обеспечить эффективную социальную интеграцию.

Рассмотренная модель демонстрирует взаимосвязь, возможности и механизмы интеграции на обозначенных уровнях политической культуры в стабильном и изменяющемся обществе. Вызывает сомнение, что возведение в особый статус некоторых видов политического поведения и отдельных политических процедур по воле политической элиты будет в состоянии преодолеть дуалистический сдвиг

⁹³ Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Указ. статья. С. 66-67.

в обществе. Например, проблематично разрешить кливаж между российской политической элитой, принадлежащей к «нефтегазовой» культуре и удовлетворяющей потребности в соответствии с высокими потребительскими стандартами западной элиты, и большинством российского населения, которое обладает доходами прожиточного минимума и представляет культуру «резервации» (используя терминологию И.И. Глебовой относительно ценностного раскола в российском обществе⁹⁴). Высший слой российского общества игнорирует интересы, ценности и проблемы народа, ибо, располагая недвижимостью, капиталами, властью или возможностью влиять на власть, он во главу угла ставит финансовый доход, карьеру, успех и свободное передвижение по миру. Представляя себя гражданами мира, поднявшимися над остальными по уровню интеллекта, финансов и вседозволенности, 10 % самых обеспеченных представителей элиты владеют 83 % всего личного богатства россиян⁹⁵. Разнонаправленность общества и политической элиты, обусловленная альтернативными системами ценностей, которые формируют кливаж «элита – народ» содержит потенциал общественно-политической конфликтности, способный сдвинуть соотношение политической культуры и структуры в сторону отчуждения.

К.Ф. Завершинский, Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев признают важнейшими факторами социальной интеграции аккумулярованные в «ядре» ценности и субъективные схемы мышления и поведения, которые типологизируют политические ситуации. И Ю.С. Пивоварова понимает традиции как безусловно формирующиеся на основе в том числе и ценностей. Ценности общества как невербализуемые компоненты наиболее глубинного пласта интенциональной структуры личности, которые конституируют внутренний мир человека, и традиции как способы политического бытия и воспроизводства общественно-политического опыта содержат кон-

⁹⁴ См.: Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. 2006. №1. С. 34.

⁹⁵ Global wealth report 2019 / The Credit Suisse Research Institute. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения: 15.02.2021).

солидирующий потенциал, укоренённый в общественном сознании. Иными словами, «ядро» политической культуры включает общепринятые субъективные символические схемы, созданные на основе *ценностно-нормативного компонента*, признаваемого всеми авторами в качестве *обязательного условия* политической интеграции.

А.А. Рухтин выделяет в интегративном потенциале политической культуры три уровня, которые соответствуют трём аспектам феномена: 1) как некоему типу рациональности, то есть ценностно-целевой обусловленности деятельности и способу упорядочения социальной реальности; 2) как совокупному систематизированному социально-политическому опыту; 3) как определённой форме идентичности – тождественности (самоотношения) индивида с какой-либо группой, общностью⁹⁶. Заимствованное у Макса Вебера понятие рациональности содержит, по мнению А.А. Рухтина, все те смыслы, что были вложены авторами описанных выше концепций в когнитивную составляющую политической культуры. Осознание политического порядка возможно и на идеологической рефлексии целей и средств деятельности, и на особой культурно-символической логике.

Социально-политический опыт (стандартизированный набор процедур, поведенческих паттернов и традиций поведения) в зависимости от направленности и организационных форм осуществления политической институционализации в состоянии создать условия для социальных преобразований или препятствовать развитию общества. Политические акторы, согласуя процессы политического конструирования, с одной стороны, и политические традиции, правила, процедуры и стереотипы поведения, с другой стороны, способствуют консолидации членов политики и уменьшению деструктивных явлений. Автор верно полагает, что в данном случае традиционные институты могут быть использованы в качестве основы для формирования ценностного консенсуса как на уровне социально-политических общностей, так и на уровне отдельного индивида.

⁹⁶ Рухтин А.А. Интегративный потенциал политической культуры // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 2 (12). С. 150.

Третий уровень А.А. Рухтин считает наиболее фундаментальным по глубине и прочности, ибо он связан с проявлением политико-культурной идентичности, действием адекватных политическому порядку индивидуальных ролей и статусов. Самоотождествление отдельных граждан с политическими структурами, процедурами, общностями может проявляться как в сознании, так и в автоматизме политического поведения на индивидуальном и социальном уровнях. Все виды политической идентичности А.А. Рухтин считает конфликтогенными, поэтому предлагает найти такую модель идентичности, которая имела бы вид надстройки, основанной на универсальной нормативной системе, выступающей источником толерантности и солидарности между общностями. Указанному требованию, по мысли автора, отвечает гражданская идентичность, которая не подразумевает исторической общности, единой культуры и национальной территории, так как статус гражданина гораздо более процедурен и потому общедоступен⁹⁷.

По нашему мнению, понятие *политико-культурной идентичности*, выдвинутое А.А. Рухтиным в качестве третьего уровня интеграции *в рамках политической культуры*, некорректно, так как *идентичность является категорией другого порядка*. Она применяется для описания индивидов и социальных групп в качестве относительно устойчивых целостностей. Идентичность атрибутируется только человеком, обладающим качеством субъектности. Идентичность социальных групп имеет метафорический смысл, ибо такие образования не представляют собой устойчивых единиц. В структуре идентичности выделяются индивидуальный (внутренний) и социальный (внешний) уровни. П. Бергер и Т. Лукман отмечали, что «идентичность объективно определяется как размещение в определенном мире, и она может быть субъективно усвоена лишь наряду с этим миром»⁹⁸. Во время первичной социализации человек интернализирует объективную реальность и приобретает смысл и непрерывность собственного «Я»; во время вторичной социализации

⁹⁷ Рухтин А.А. Гражданская идентичность и политическая культура: возможности социальной интеграции // Молодой ученый. 2010. Т. I. № 12 (23). С. 132-133.

⁹⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 215.

зации идентификация человека отождествляется с требованиями и нормами общества. Становление личностного «Я» осуществляется на основе достижения баланса между индивидуальной и социальной идентичностями, разделить которые невозможно, так как представления человека о самом себе являются в конечном итоге результатом интериоризации общественных императивов. Идентичность не является свойством, изначально присущим человеку. Она представляет собой *отношение*, которое формируется и переопределяется в процессе социального взаимодействия.

В зависимости от критерия идентификации выделяются различные типы социальной идентичности, а именно: этническая, профессиональная, геополитическая, политическая, региональная, (суб)культурная, цивилизационная. В современном обществе идентичности взаимосвязаны с сознательной ориентацией человека на определённый образ жизни, определённые ценности или тождественность с референтной группой, поэтому социальные агенты исполняют многие роли и имеют несколько идентичностей. В генезисе социальных идентичностей объективные условия, где формируются отношения между индивидами и социальными группами, оказывают влияние на когнитивные процессы и одновременно испытывают воздействие межгрупповых интеракций и когнитивных процессов. Например, представитель протестантской Европы или Северной Америки отличается жизненными установками и политическими предпочтениями от представителя православной или исламской культуры, ибо различные объективные обстоятельства формировали их субъективную сферу. Следовательно, при необходимости они предпочитают разные изменения в социальном порядке.

Гражданская идентичность как один из типов социальной идентичности не может быть представлена в виде надстройки или универсальной нормативной системы, ибо таким образом мы переводим теоретический конструкт с позиции «отношение» на позицию «субстанция» и гипостазируем данное понятие. Гражданская идентичность указывает на тождественность человека со страной, государством и обществом. Она формируется на двух основах: объективной и субъективной. Обь-

ективная основа определяется государством и правовой системой (формальная сторона идентификации), которые являются результатом общественно-исторического развития народа, в том числе особенностей культурной традиции. Субъективная основа относительно произвольно конструируется человеком (неформальная сторона идентификации) и представлена когнитивными знаковыми схемами. В стабильном обществе преобладает объективная основа, обеспечивающая воспроизводство социальных практик в соответствии с общепринятым ценностно-нормативным контекстом. В период социальных изменений субъективная основа приобретает большее значение и предоставляет многообразие возможностей. Однако следует учитывать, что именно культурное поле идентификации задает ценностно-нормативную структуру гражданской идентичности и является конституирующим инструментом по отношению к экономическому и политическому полям идентификации. Конструирование социальной реальности осуществляется в пределах исторически сформированной социокультурной системы, которая доминирует в интерпретации изменившейся социальной реальности.

Какое влияние разрушение институционального порядка оказывает на социальные идентичности? Ответ на поставленный вопрос дают политические процессы 90-х годов XX века в России. Инициированные радикалами либеральные реформы способствовали реставрации капиталистических отношений. Частная собственность была узаконена в процессе приватизации, проведенной противоправными методами, и вызвала политические конфликты и криминальные разборки между участниками раздела общенародной собственности. Большинство населения продемонстрировало неготовность жить в условиях рыночной экономики, потеряв привычный социальный статус, гарантированные социально-экономические права и денежные сбережения на банковских счетах. Критериями социальных различий стали собственность, капитал и власть. Сложившаяся имущественная дифференциация придала социальной структуре вид придавленной к основанию пирамиды, на вершине которой находились 5% самых богатых граждан, ниже 15% составили средний слой населения и остальные 80% по доходам были в состоянии обеспечить только минимальные потребности в продуктах питания и одежде.

Крайне поляризованное общество утратило чувство безопасности и гарантированности физического выживания. Дезориентированные в ценностях, идеалах и культурных образцах, граждане были вынуждены самостоятельно противостоять анархии, наступившей в результате разрушения социалистической системы общества.

Существенные изменения в советском обществе привели к кризису идентичностей и состоянию аномии, выразившейся в разочарованности, апатии, преступности и умножении моделей девиантного поведения, что препятствовало сохранению и воспроизводству общепринятых ценностей и норм, конструктивных социальных связей и отношений, ранее составлявших основу гражданской идентичности. Противоречие между влиянием советской парадигмы гражданской идентичности, основанной на приоритете макроуровня (государства, общества и общественных организаций) над микроуровнем (я, семья, субкультура, малая группа), и либеральной парадигмой гражданской идентичности, переводящей иерархию идентичностей на микроуровень, усиливало дисфункциональность гражданской идентичности. При разрушении позитивных оснований неизбежно возросла негативная окрашенность гражданской идентичности, что выражалось в снижении престижа российского гражданства, в нигилистическом игнорировании социальных ролей избирателя, гражданина и патриота. Чувства гражданского долга и национального достоинства были отодвинуты на задний план, что явно проявлялось не только на микроуровне, но и на макроуровне (присутствие американских советников в Кремле, отказ от военных баз на территории дружественных Советскому Союзу государств, «парад суверенитетов», передача американцам шлейфа с нефтью в Беринговом море, добровольное сокращение военного потенциала страны, что обеспечивало мировое доминирование США).

Следует отметить, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. актуализация национальных идентичностей в Советском Союзе имела в значительной степени искусственное происхождение и являлась формой политической борьбы за власть и собственность на территории союзных и автономных республик. В результате распада СССР $\frac{2}{3}$ руководителей союзных республик, которые стали независимыми госу-

дарствами, и $\frac{4}{5}$ руководителей автономных республик возглавили бывшие секретари ЦК КПСС. 80 % президентов национальных республик и глав автономных округов (26 из 31) управляли подведомственной им территорией при Советской власти и принадлежали к партийно-советской номенклатуре⁹⁹. Кроме того, несмотря на факты бытового национализма и диктат Москвы, крепко державшей республики в орбите собственного влияния, СССР никогда не являлся «тюрьмой народов», которые объединялись вокруг России исторически на протяжении столетий и участвовали в создании *общей социокультурной среды*. Провозглашённый в Советской Конституции 1977 г. тезис об образовании новой советской общности «советский народ» трудно назвать пропагандистским штампом. На территории СССР действовало единое культурное, образовательное и информационное пространство, поощрялась и поддерживалась дружба между народами. На развитие национальных меньшинств в экономической, социальной и культурной сферах Москва выделяла больше средств, чем на развитие русских территорий. Национал-сепаратисты во главе с представителями национальной политической элиты стали движущей силой «цветных революций», совершавшихся по технологиям Джина Шарпа, директора Бостонского института имени Эйнштейна (США), на национальных окраинах Советского Союза.

Принадлежность к разным этническим общностям (к племени, народности, нации) отличает идентичности народов, которые формируются в разной социокультурной среде. Американский политический деятель П. Дж. Бьюкенен считает, что американская нация существует благодаря патриотизму¹⁰⁰. Иначе описывает самоидентификацию современный сомалиец, который на первое место ставит себя, затем семью, клан и на последнюю позицию – Сомали¹⁰¹. Клан выступает инструментом борьбы против остальной части общества, но внутри клана не прекращается противостояние между родами. Поэтому организация политической системы Сомали по североамериканскому образцу утопична, так как сомалийцы отдадут

⁹⁹ Хинштейн А. Конец Атлантиды. Почему Путин никогда не станет Горбачёвым. М.: Абрис, 2018. С. 584-585.

¹⁰⁰ Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. М.: АСТ, 2008. С. 169-170.

¹⁰¹ Коновалов И. П. Распад государства и гражданская война в Сомали. М.: Социально-политическая мысль, 2010. С. 12.

приоритет власти клана. Термин «сомалиец» не употребляется, жители Сомали именуют себя по названиям кланов (дарод, исаак, хавийя). М. Коршунов, оценивая сомалийскую социально-политическую ситуацию, недоумевает, почему полевые командиры и старейшины кланов отказываются считаться с общенациональными интересами, ставя превыше всего собственное процветание и благополучие своих родов¹⁰². История западных стран и колоний, которыми они управляли, подтверждает взаимосвязь общественно-политического опыта, социокультурной среды, которая зависит от уровня развития общества и создает своеобразную социокультурную идентичность, и политической культуры.

В Западной Европе создание государств происходило в результате самостоятельного внутреннего развития общества от феодализма к капитализму, от народности к нации (без внешнего вмешательства). Стержнем культурного развития являлось христианство. Утверждению национального государства как основания цивилизационного развития сопутствовали две противоборствующие тенденции, а именно: стремление папской курии подчинить возникшие государства теократической власти и имперские амбиции королевских династий, сопровождавшиеся крестовыми походами и кровопролитными войнами (Столетняя война, Гуситские войны, движение Реформации, война против испанского гнета в Нидерландах) на протяжении почти всего Средневековья (IX – XVII вв.). В XVIII в. на территории Западной Европы существовали Священная Римская империя и Австро-Венгерская империя; Англия, Испания и Португалия стали колониальными империями. В XIX в. Наполеон Бонапарт, ликвидировав Священную Римскую империю, предпринял неудачную попытку создать французскую европейскую империю. Возрождение, Реформация и Просвещение окончательно утвердили социокультурные основы общества, способствовавшие формированию западной идентичности. Стремление распространить власть на другие народы формируется как отличительный признак социокультурной идентичности западного человека. Эксплуатация колоний была важным источником экономического развития западноевропейских стран, которые

¹⁰² Коршунов М. Страна, где царит закон «Калашникова» // Азия и Африка сегодня. 1993. № 8. С. 17.

вели войны за право обладать колониями и были заинтересованы в поддержании статуса сырьевого придатка подчиненной территории.

Африканский континент не составил исключения, ибо населявшие материк народы были в основном неразвитыми, они жили родоплеменными общинами, занимаясь земледелием или охотой и рыболовством. Бушмены были развиты на уровне каменного века. Существовали и феодальные государственные образования. Колонизаторы вывозили «черных рабов» на другие континенты. В религиозном и языковом отношении африканские народности не были едины. Арабы, населявшие Северную, Северо-Западную и часть Восточной Африки, исповедовали мусульманство; местные верования сочетали элементы тотемизма, анимизма, культа предков и природы. Влияние европейцев способствовало распространению христианства. К началу XX в. 90% территории Африки стали колониями европейских держав (кроме Либерии и Эфиопии). Европейское вмешательство привело к разложению первобытнообщинного строя и формированию феодальных отношений. Предоставляя независимость колониям, колонизаторы не учитывали культурное разнообразие этнических групп, взаимоотношения между ними и значение клана в иерархии родоплеменных отношений – и в целом социокультурную идентичность африканских народностей. Недаром причиной внутренних конфликтов является межплеменная рознь – трайбализм, хотя внешне это может быть оформлено как «политические интересы»¹⁰³. Построение демократии на африканском континенте не дало позитивных результатов (демократические институты или отсутствуют, или находятся в процессе становления), потому что институциональный порядок романо-германской модели противоречит социокультурной идентичности и политической культуре, которыми обладают жители образованных колонизаторами государств. Межплеменная рознь продуцирует непрекращающиеся внутренние конфликты. Победившие на выборах партии отдают государственные посты представителям собственного племени, что ставит государство и армию в зависимость от племенных старейшин. Африканские чиновники, имеющие высокие оклады, видят

¹⁰³ Трошин Ю. А. История стран Азии и Африки в новейшее время (1918-2000). М.: Весь мир, 2004. С. 531-532.

в должности возможность оказать содействие соплеменникам и способ обогащения.

Политический опыт и социокультурная идентичность мусульман имеют отличительные черты. Деколонизация и создание национальных государств в условиях исламского мира, где большинство населения признаёт только конфессиональную идентичность (сунниты, шииты, хариджиты), привело к утверждению светских политических режимов и сопровождалось религиозными погромами и насильственными репатриациями. Реформы Ататюрка (20-е годы XX в.) в Турции аннулировали идею халифата, обозначающую единство светской и религиозной власти. Политическое разделение на «национальные республики» по типу Сирийской арабской республики и Арабской республики Египта не создало сирийскую и египетскую нации, поэтому республиканские правительства напоминали удельную власть средневековых эмиров и князей. Отсутствие единой духовной власти, объединяющей все направления ислама (в лице халифа), поставило проблему легитимации политического режима, существование которого стало возможно только при условии авторитарной власти. Вооружённое вмешательство стран НАТО во внутренние дела ближневосточных государств, преследовавшее цель демократизации политической системы, не только устранило авторитарных лидеров (С. Хуссейна в Ираке, М. Каддафи в Ливии и Х. Мубарака в Египте), но и превратило государства в очаги вооружённых конфликтов и гражданской войны. Ослабление государственной власти способствовало объединению радикальных исламистов, создавших на подконтрольной территории собственный халифат. Российский востоковед А.Д. Воскресенский отмечает взаимосвязь социокультурной идентичности и политической культуры мусульман на Ближнем Востоке. В частности, он констатирует, что в большинстве арабских стран существует неограниченная власть президента, которому подчиняются законодательные органы и правительство, что не противоречит мусульманской политической культуре, обосновывающей необходимость совмещения поста главы государства и правительства в лице харизматического лидера, приобретающего таким образом духовную сакральность. В отличие от западной политической культуры традиционная мусульманская культура расценивает

единство исполнительных и законодательных органов как инструмент повышения эффективности государства, принцип разделения властей в качестве признака слабости власти¹⁰⁴.

Таким образом, категории «гражданская идентичность» и «политическая культура», несмотря на взаимосвязанность, не являются составными частями друг друга. Обе имеют субъективную составляющую, которая относительно произвольно конструируется человеком в виде когнитивных знаковых схем. Обе формируются на основе культуры народа и приобретенного общественно-политического опыта, выход за рамки которого нарушает в индивидуальном и общественном сознании смысловую взаимосвязь между объективными и субъективными структурами социальной реальности, между существующими институтами и реальным политическим поведением членов сообщества, что неминуемо порождает общественные противоречия и кризис идентичностей. Политическая культура, наоборот, благодаря интегративному механизму ядра, аккумулирующему ценности и общепринятые схемы мышления и поведения, которые типологизируют политические ситуации, сохраняет консолидирующий потенциал, создавая возможность преодолеть политический кризис и восстановить утраченные идентичности.

Гражданская идентичность, основанная на общности, характеризующей её как коллективного субъекта, выступает в форме осознания принадлежности к сообществу граждан, которые обладают солидарностью, обусловленной одинаковыми ценностями и общей культурной традицией. Гражданская политическая культура, соединяя участнических и неучастнических (подданнических и парохияльные) политические ориентации является сбалансированной политической культурой, так как традиционные неучастнические ориентации ограничивают приверженность человека политике, уравновешивая политическую активность пассивностью, вовлеченность и рациональность традиционализмом и преданностью архаическим ценностям. Соотношение участнического, подданнического и парохияль-

¹⁰⁴ Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект-Пресс, 2007. С. 49-50.

ного сегментов в гражданской культуре соответствует пропорции 60:30:10. Гражданская культура способствует гармонизации политической системы и политической культуры общества. Г. Алмонд и С. Верба предостерегали, что не следует подменять понятие «гражданская культура» рационально-активистской моделью политической культуры, характеризующейся рекомендуемыми нормами поведения гражданина в условиях демократии¹⁰⁵. Гражданская идентичность не является отличительным признаком гражданской культуры, она формируется в обществах с различными типами политической культуры (например, идентичность советских граждан, которые обладали высокой степенью гражданственности и патриотизма).

Важно подчеркнуть, что при реформировании политической структуры политическая культура сохраняется в неизменном виде, и только с течением длительного времени происходит трансформация в соотношении долей сегментов, составляющих смешанный тип политической культуры. Интерпретация новой институциональной среды в контексте одинаковой политической культуры, носителями которой являются члены политики, содержит потенциал установления баланса между нововведениями и императивами ценностно-нормативного компонента ядра политической культуры как способа стабилизации общества. Парохиальная политическая культура освободившихся от колониального гнета африканских стран и парохиально-подданническая культура государств Ближнего Востока показали несостоятельность в имплементации структурных норм участнической политической культуры, поэтому их политические системы, созданные по западному образцу, отличаются преобладающими парохиальными или подданническими фрагментациями, что указывает на укоренённость политической культуры в общественном сознании и формальный характер созданной демократической инфраструктуры.

Аналогичные процессы происходили при реформировании российского общества в 90-е годы XX века по романо-германской модели. Создание институтов демократии в России образовало формальные структуры для преодоления анархии

¹⁰⁵ Алмонд Г., Веба С. Указ. соч. С. 51.

и перехода к состоянию апатии, которую наряду с анархией В.Г. Федотова справедливо называет порядком низшего уровня¹⁰⁶. Стабильность и безопасность как главные ценности апатичного порядка не преодолевают кризиса идентичностей, ибо они являются в сущности условиями адаптации общества, и не легитимируют политический порядок. Ф. Вендт и Д. Фредхеим определяют социальные институты как относительно стабильную сеть структур идентичностей и интересов, характеризующихся в терминах формальных правил и норм, как фундаментальные коллективные ценности, не существующие вне идеи акторов о том, как мир работает¹⁰⁷. Такая трактовка не рассматривает институт как нечто исключительно субъективное, основанное на мнении или вере и созданное по инициативе группы лиц. Условием создания институтов являются коллективные представления, которые формируются общими потребностями и интересами и которые соответствуют общепринятому пониманию политического мира. Поэтому декларация приоритета прав и свобод граждан, усиление вертикали власти, создание институтов гражданского общества (политических партий, местного самоуправления, общественных и национальных палат, советов и экспертных комиссий, некоммерческих организаций) и возвращение в общественную жизнь православной церкви не консолидировали российское общество на основе либеральных ценностей и не завершились формированием гражданской идентичности.

Демократические институты не являются абсолютной детерминантой по отношению к человеку, сохраняющему способность свободного продуцирования мысли и произвольного действия. Выступая субъектом социального конструирования, человек стремится видеть в политической реальности разумно-духовную целостность, что возможно только при условии непротиворечивости утверждаемого институционального порядка традициям и ценностям, которые наиболее ярко выражают сущность политической культуры. Теории только объясняют и оправды-

¹⁰⁶ Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 258-259.

¹⁰⁷ Wendt F., Friedheim D. Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // International Organization. 1995. Vol. 49. № 4. P. 399.

вают институциональный порядок, т.е. придают когнитивную обоснованность объективированным значениям и вырабатывают нормы и процедуры, соответствующие действующим императивам институтов. Когда теоретический уровень легитимации социальных институтов предшествует дотеоретическому уровню и процессы экстернализации, объективации и интернализации социальных институтов вступают в конфликт с ценностно-нормативным компонентом ядра, то интегративная природа политической культуры содействует объединению членов общества в противодействии легитимации. Именно дотеоретическая часть социального знания программирует каналы, по которым в процессе экстернализации создается объективный мир; она объективирует этот мир при помощи языка и когнитивного аппарата, упорядочивая социальные объекты и придавая завершенность социальной диалектике. Эта часть социального знания передается следующим поколениям в процессе социализации. Поэтому невозможно адекватно понять социальные институты, не осознавая сущность исторического контекста, способствовавшего их образованию¹⁰⁸. Следовательно, реформы должны учитывать особенности политической культуры как важного фактора, формирующего предпосылки или препятствия при становлении нового институционального ряда.

Деструктивные разрушения на экономическом, политическом и культурном поле российской государственности уничтожили великую державу. Парадокс результата выражает известное высказывание А.А. Зиновьева: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Институциональные инновации преследовали цель демократической модернизации политической структуры, которые закрепила Конституция РФ 1993 г. Введенные институты были выражены в категориях западноевропейской демократии: президент, парламент, многопартийность и гражданское общество, которые должны были действовать на принципах народного суверенитета, верховенства закона, разделения верховной власти на три ветви, политического плюрализма, выборности и открытости органов государственной власти, — но на практике утвердили авторитарно-демократическую форму власти. В качестве

¹⁰⁸ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 88-89, 92, 100-103, 111.

примера рассмотрим институт гражданского общества, структура которого должна включать единство общества, личности и культуры. Дж. Л. Коэн и Э. Арато в качестве основы формирования гражданского общества называют культурную традицию и ценности¹⁰⁹. Принадлежность к общей культурной традиции обуславливает взаимопонимание и согласие акторов при интерпретации политической ситуации. Интерсубъективно признанные правила и процедуры, координирующие политические действия, объединяют индивидов на основе солидарности в социальные общности. Формируясь в рамках определенной культурной традиции и принимая участие в жизни социальных групп, индивиды интернализируют ценности, осваивают общепринятые действия и обретают таким образом индивидуальную и социальную идентичности. Структурная дифференциация гражданского общества происходит благодаря появлению институтов, которые специализируются на поддержании традиций, солидарностей и идентичностей (социальные общности и объединения, институты социализации и культуры). Трудно отрицать отсутствие солидарности, пренебрежение традициями и различие в ценностной ориентации граждан в российском обществе. Невозможно заменить гражданское общество выдачей грантов некоммерческим организациям, признанием права активного либерального меньшинства выступать от имени общества на высшем уровне и включением местного самоуправления во властную вертикаль.

Действующая в России демократическая модель содержит ограничения (правовые и административные) по использованию инфраструктуры, созданной на «входе» политической системы, затрудняя реализацию принципа народного суверенитета. Привилегированное положение исполнительной власти во главе с Президентом при отсутствии законодательно утвержденных механизмов, которые должны быть использованы при разрешении политических конфликтов между тремя ветвями власти, нивелируют принцип разделения властей. Высокий государственный статус Президента, сопоставимый со статусом Генерального секретаря

¹⁰⁹ Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. С. 551-552.

ЦК КПСС, определяют неподчиненность и неподотчетность ни одному органу государственной власти, право определять основные направления внутренней и внешней политики, прерогатива главнокомандующего Вооруженными силами страны и обладание законодательными полномочиями. И как следствие, неконституционное возвышение статуса Администрации Президента.

Политические партии, за исключением КПРФ, представляют собой квази-партии, или клиентелы, не имеющие широкой общественной поддержки и объединяющие узкий круг единомышленников ради продвижения групповых интересов и политической карьеры. Программные положения партий не вписываются в рамки определенного вида идеологии. «Единая Россия» является политическим инструментом правящей элиты по поддержанию status quo. Будучи партией неолиберальной ориентации, «Единая Россия», претендуя на представительство интересов народа, не афиширует содержание социально-политической парадигмы в названии и позиционирует партию как консервативную, выступающую за порядок, стабильность и традиционализм. Истину раскрывают высказывания экс-председателя «Единой России» и экс-спикера Государственной думы Бориса Грызлова, уверенного в том, что точка зрения народа формируется во внутрипартийных дискуссиях только «Единой России»; Государственная дума не должна являться площадкой проведения политических баталий¹¹⁰. Имитация многопартийности лишает Государственную думу возможности действительно влиять на исполнительную власть, которая использует закрытые способы формирования государственного аппарата и увеличивает численность бюрократии, чтобы укрепить собственные позиции в политической системе общества. Многократно возросший по сравнению с советским периодом, государственно-бюрократический аппарат современной России унаследовал закрытые способы ротации кадров, протекционизм, клановость и nepотизм советской системы и создал системную коррупцию.

¹¹⁰ Грызлов Б. Парламент не место для дискуссий. Газета «Коммерсантъ», 14.12.2011. Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/1838005> (дата обращения: 08.02.2021).

Не отрицая идею многопартийности, граждане тем не менее трактуют деятельность партий в ключе императивов подданнической субкультуры, а именно: политические партии, представляя интересы социальных групп, обязаны решать проблемы опекаемых слоев населения, так как они являются структурной единицей государственной власти и несут ответственность за положение дел в стране; противостояние политических партий в парламенте принимается в рамках поиска разумных и взвешенных решений, на которые должен ориентироваться президент. Несоответствие российских партий подобному представлению вызывает критическое отношение граждан к деятельности партий. Принадлежность партий к гражданскому обществу остается только в теории и вне политического сознания россиян.

Оппозиция власти допускается в политическом сознании как временное явление, когда власть исчерпывает кредит доверия народа. Исторический опыт развития России показал, что неизбежным следствием деятельности оппозиции являлся общественный раскол, ослаблявший государство и порождавший социальные катаклизмы. В отношении к власти в России присутствует элемент сакральности и сопутствующей ей жертвенности, что в православном сознании императорской России было выражено в лозунге: «За веру, царя и Отечество!». Атеизм и коммунизм не изменили сути взаимоотношений («За Родину, за Сталина – вперед!»), сохранив слитность государства и общества и понимание государства как высшей ценности. Десанкрализация власти в современной России, по нашему мнению, отсутствует, ибо в политическом сознании народа она представлена как моноцентрическая структура, не зависящая от граждан, но несущая полную ответственность за суверенитет государства и благосостояние народа. Российская власть, персонализированная в лице Президента, поддерживает традиционное понимание власти периодическими пресс-конференциями Президента в прямом эфире, в процессе которых он решает злободневные проблемы граждан (исправляет недостатки в деятельности чиновников), поездками по стране и телеобращениями к народу. Пребывание популярного Президента у власти сверх установленных сроков не вызывает оттор-

жения в общественном мнении. Сохраняющееся традиционное политическое сознание россиян препятствует рационализации представлений о власти как структурной организации, имеющей уровни и институты, наделенные определенными полномочиями, и о президенте, который не в состоянии осуществить тотальный контроль над бюрократией.

В итоге, формальный характер демократической инфраструктуры в России свидетельствует, что российская политическая культура не в состоянии имплементировать структурные нормы западной демократии, поэтому в политической системе доминируют парохильно-подданнические сегменты. Строительство демократического государства в России должно учитывать особенности российской политической культуры, тотально охватывающей все стороны политической жизни общества и реинтерпретирующей нормы и процедуры инновационных институтов. Политическая культура формируется, как и социальные идентичности, на основе общественно-исторического опыта народа, что постулирует взаимосвязь между ними. Социальная идентичность соотносит человека с определенным местом и уровнем в социальном пространстве, что субъективно усваивается, становится основанием группового взаимодействия и образования социальных общностей. Определяющиеся в процессе социализации человека идентичности имеют институциональный характер и реализуются через соответствующие институтам стандарты, нормы и стереотипы поведения. Сформированные социальные идентичности способны оказать обратное воздействие на политическую реальность, элементом которой является политическая культура.

Разрушение политической структуры, приводящее к разбалансированности в системе государственного управления, вызывает кризис или утрату идентичностей. Наоборот, политическая культура проявляет устойчивость, объединяя членов общества, ибо преобразование или слом институционального порядка не выступает в качестве абсолютной детерминанты по отношению к человеку, способному свободно мыслить и осуществлять деятельность. Субъективные символические структуры «ядра» политической культуры, как общепринятые схемы мышления и поведения на уровне индивидуального и общественного сознания, создают единое поле

значений и смыслов, которые интерпретируют политические процессы и ориентируют человека в политической ситуации, задавая определенный вектор в политической деятельности. Поэтому именно «ядро» постулирует интегративную природу политической культуры, содержание и сущность которой проявляются в единстве политического поведения и политического сознания на индивидуальном и социальном уровнях. Политическое сознание, обладающее способностью конструировать смысловую взаимосвязь между политической реальностью и символическими структурами «ядра», обнаруживает в процессе политической деятельности интегративную природу политической культуры, которая содействует объединительным процессам на микро-и-макроуровнях общества.

2.2. Политическая культура и социальные изменения

Политическая культура включает относительно устойчивые во времени элементы и динамичные элементы, которые под воздействием политического сознания, приобретающего определенность в политическом поведении, активно реагируют на изменяющиеся условия социальной среды. Используя словосочетание «социальные изменения», мы должны учитывать, что оно употребляется в узком и широком смысле. В узком смысле оно предполагает перемены на мезоуровне, т.е. в собственно социальной сфере, а не в экономической или политической. В широком смысле речь идет о макроизменениях на уровне общества как целого. Мы употребляем это словосочетание именно в широком смысле, что означает указание на перемены во всех измерениях общества. Подобное истолкование подчеркивает взаимосвязь экономики, политики и культуры как различных аспектов эволюции и воспроизводства общества и дает нам основание рассмотреть модель политической культуры при анализе процессов социальных изменений.

Термин «изменение» предполагает различие между состоянием социальной системы в определенный момент времени и состоянием этой же системы в другой момент времени. Раннее и позднее состояние системы отличаются с точки зрения

изменения а) состава социальной системы (создание и рост численности политических партий); б) структуры социальной системы, или видами связей между элементами данной системы (интеракциями, интересами, нормами и идеями); в) функций, которыми обладают элементы общества (расширение функций правительства); г) границ социальной системы (слияние политических партий в блоки и движения) и д) в окружении социальной системы (изменение геополитического статуса государства в результате оккупации). Самыми важными изменениями в состоянии социальной системы являются структурные изменения, в результате которых устанавливаются новые принципы в организации экономической и политической подсистем социума, создавая иные потребности и интересы, образуются новые взаимодействия и отношения, формируются новые социальные общности, осуществляется смена политических элит, принимаются новые нормы и правила функционирования институтов в соответствии с новыми идеями, идеологиями и верованиями, что приводит к изменению формы государства.

Социальная система не отличается статичностью, как и ее подсистемы и элементы, составляющие подсистемы. Динамичность присуща и интерпретации понятия «социальные изменения», т.е. изменяется форма дискурса как объективации сознанием одного того же содержания в зависимости от доминирующего в обществе типа рациональности. В XIX в. в политической философии господствовал дискурс прогресса, согласно которому изменчивость мыслители рассматривали как желаемое состояние, приводящее к постоянному усовершенствованию общества. Первую поправку в это представление внес Карл Маркс, осмысливший общественное движение через стадии кризиса и регресса – через напряжение и противоречия, конфликты и отчуждение, которые и демонстрируют цену прогресса. Вслед за К. Марксом Фердинанд Тённис идеализировал отношения в общине, возникшей на основе естественной воли человека, и противопоставлял общине общество, созданное на основе рациональной воли человека. Общинные отношения он называл органическими, так как члены общины руководствовались в деятельности инстинктами и чувствами, тогда как члены общества следовали за расчетливым разумом и аб-

стракциями, что порождало механические взаимоотношения, лишённые душевности и взаимопонимания. Эмиль Дюркгейм указывал на ценностно-нормативный кризис в обществе (аномию), вызывающий самоубийства. Макс Вебер предостерегал от возможности перерождения рационализированных и инструментализированных организаций общества в «железную» клетку бюрократии.

В XX в. критика отдельных сторон общественной жизни современного общества была продолжена исследованиями Ортеги-и-Гассета («восстание масс»), Дэвида Рисмана («одиночество в толпе»), выявлением негативных последствий развития индустриальных обществ (экологические и сырьевые проблемы, войны и геноцид). Во второй половине XX в. критика переродилась в тотальное неприятие современного общества, и понятие «прогресс» утратило смысл, ибо в понимании мыслителей негативные результаты прогресса были более значительными, чем достижения индустриальной цивилизации. Дискурс прогресса вытесняется дискурсом кризиса, но понятие кризиса приобретает иной смысл, отличающийся от исходного этимологического значения данного слова: кризис мыслители рассматривают как постоянный и непреодолимый. И в итоге появляется идея о социальном изменении как о состоянии своеобразной травмы, которая прерывает эволюционное развитие, тем самым нанося членам общества удар и вызывая стресс. Поэтому социальные изменения были названы травматогенными, так возник третий подход к социальным изменениям – дискурс травмы.

Петр Штомпка указывает признаки травматогенных социальных изменений: 1) внезапность и быстрота изменения; 2) охват нескольких сфер социальной жизни; 3) направленность на изменение ценностей и идеологии; 4) непредвиденные и шокирующие изменения, обычно совершаемые в результате революции или государственного переворота¹¹¹. Социальные изменения травматогенного характера выводят общество из равновесия и продуцируют процессы дезорганизации. Культура, отличающаяся укоренением в исторической памяти, обычаях и традициях и поэтому обладающая инерционными механизмами, становится наиболее уязвимой

¹¹¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 474-475.

сферой при социальной трансформации. Травму перемен, касающуюся сферы культуры, и как следствие этого коллективной и индивидуальной идентичности, П. Штомпка называет культурной травмой. Культурная травма проявляется на уровне социальных групп, на уровне целых сообществ (этнических, национальных, региональных, цивилизационных) и на глобальном уровне – на уровне всего человечества. Она наносит удар господствующей культуре и вызывает аномию целого общества, когда начинается дезорганизация социальных институтов и социально признанные значения рассредоточиваются по различным социальным группам, формируя противостоящие друг другу социальные реальности при отсутствии общих ценностей и норм, и в результате культурной дезориентации привычный порядок вещей разрушается. В обществе наступает дезинтеграция и анархия.

Очевидно, что негативные изменения ассоциируются с травмой, но парадокс заключается в том, что в современном мире иногда позитивные изменения становятся травматическими. Рост благосостояния и потребления в современном мире сопровождался формированием массовой культуры, ориентированной на среднего потребителя, что способствовало снижению и упрощению культурных стандартов и в конечном итоге оказало негативное влияние на культурное развитие населения. Либерализация нравов наряду с расширением пространства свободы привела к половой распущенности и вседозволенности, что поставило под угрозу существование традиционной семьи. Информационная революция, несмотря на положительное влияние, которое она оказала на средства связи, сохранение и распространение информации, привела к возможности установления тотального контроля над обществом.

Неустойчивость современного мира при огромных запасах ядерного оружия, росте страхов и тревоги дала основание П. Штомпке обобщить травматические изменения в тезисе о «травме, вызванной современностью». Травматические изменения имеют разную меру реальности. Одни обусловлены объективными событиями, которые трансформируют общество, изменяют статус социальных групп и инициируют смену политических элит (например, ориентированные на рыночную си-

стему и демократию преобразования в Восточной Европе после падения коммунистических режимов). Другие подвергают ревизии определенные традиции и оценки, изменяя восприятие событий прошлого и настоящего времени (СССР внёс главный вклад в разгром фашистской Германии), и в результате разрушая и создавая мифы (США как идеал демократии), утверждая новые идеи (феминизм, мультикультурализм), подвергая ревизии общепринятые мнения (героизация бандеровцев на Украине), переоценивая прошедшие события (коллаборационисты как борцы за свободу родины), актуализируя религиозные традиции и провоцируя этнические конфликты (распад Югославии на несколько государств). Наконец, имеют место и виртуальные изменения, лишённые какой бы то ни было реальности, основанные на слухах, лжи и мифах, предрассудках и стереотипах (миф о российской угрозе западному миру). Однако и они приводят к травматическим результатам (например, якобы доказанное использование С. Хуссейном химического оружия и в качестве наказания убийство С. Хуссейна и превращение Ирака в арену военного противостояния противоборствующих политических сил, которые используют помощь исламистских радикалов).

Социальные изменения с позиции рационализма предполагают усовершенствование общественного порядка с целью обеспечения благополучия народа. Общественные преобразования должны соответствовать вызовам времени и осуществляться средствами и методами, которыми располагает общество. Теория модернизации, разработанная в 50-е – 60-е гг. XX века, в контексте рассматриваемой нами проблемы социальных изменений стала ответом на потребность освободившихся от колониального ига и развивающихся стран повысить уровень социально-экономического развития и гармонизировать интересы социальных слоев и групп. Она рассматривала развитие народов и стран как осуществляемое в одном направлении и имеющее одинаковые этапы и закономерности. Принцип универсализма придавал особенностям национального развития второстепенное значение. Модернизация предполагала *преобразование традиционного общества в индустриальное, или современное*, отличительные черты которого были взаимосвязаны и кор-

релировали друг друга: рыночная экономика, свободная конкуренция, высокая степень социальной неоднородности, рационализм и плюрализм в общественном сознании, демократия и устойчивость социальной структуры в целом.

На указанном пути развитые государства Западной Европы и США достигли успеха, поэтому теория модернизации предлагала использовать романо-германскую модель в качестве образца в общественных преобразованиях. Карл Поппер рассматривал современные западные демократии как идеальные общества и считал проекты общества иной природы, в которых человек свободен от вещной зависимости и устремлен к вечным ценностям, а не к рыночно-демократическим, утопичными. Концепция «поэтапной социальной инженерии» К. Поппера ориентирована на избегание травматологических социальных изменений и предполагает постепенные социальные преобразования и улучшения, а также недопустимость переустройства общества в целом. К. Поппер понимал прогресс как процесс накопления и приумножения «поправимых зол» (постепенное реформирование отдельных сторон общественной жизни)¹¹². Он был убежден, что в западных либеральных обществах идея действительной свободы реализована наиболее разумно через принцип последовательного развития формальной свободы.

Согласно К. Попперу, между властью и народом в демократическом обществе находится гражданское общество, способное быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому поставить государство под контроль граждан. Гражданское общество является самоорганизованным, структурированным и имеющим механизмы представительства и надзора за властью со стороны негосударственной сферы, включающей политические партии, профсоюзы, общественные движения, правозащитные группы и другие неправительственные объединения. Рыночная экономика и демократия функционируют при цивилизующем влиянии институтов гражданского общества в целях сдерживания произвола власти и рынка, стремящегося к получению максимальной прибыли всеми доступными

¹¹² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 199-201.

средствами. Но как показывают исследования и социальный опыт, в обществах рыночной экономики человек далеко не свободен ни в экономическом, ни в политическом отношении, и западная демократия не является образцом действительно открытого общества и гражданской культуры как консервативного способа преодоления радикальных социальных изменений.

В 70-е гг. XX века стало очевидно, что практическая реализация модернизационных проектов не привела к желаемым результатам. Страны Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, несмотря на успехи отдельных государств в социально-экономическом развитии (за счет сотрудничества и помощи со стороны развитых государств), продемонстрировали сохранение элементов патриархально-традиционного общества (социальные слои, религия, низкий уровень политической дифференциации, слитность общества и государства, отсутствие рационализма, традиционные формы хозяйствования) и разнообразие новых форм экономического развития, взаимосвязанных с культурой и общественно-историческим опытом страны. Эмпирические данные обусловили переориентацию исследователей на сравнительное изучение процессов развития западных и незападных стран, а также на корректирование теории модернизации с позиции культурных и политических факторов, что преуменьшало значение принципа универсализма.

Теория модернизации упрощала картину развития, игнорируя особенности развития незападных стран, сложившиеся традиции и ценности, не объясняла причины неудач проектов преобразования государств по западной модели. Основанная на критике традиционных институтов и ценностей, модернизационная теория обосновывала идею, согласно которой в основе общественного развития лежит прогресс в экономике и технологиях, дающий возможность разрешить социальные противоречия и повысить жизненный уровень населения. Логический вывод, следовавший из данной идеи, заключался в реконструкции общественной жизни страны по западному образцу как предварительному условию начала движения общества к современности. Если рассматривать модернизацию в многомерной цивилизационной перспективе, то утверждение о необходимости повторения остальными странами пути развития Запада вызывает сомнение, ибо модернизационные

процессы и общественно-исторический опыт западноевропейских государств и США являются далеко не однородными и, следовательно, не поддаются универсализации. Понимание модернизации как *вестернизации*, т.е. копирования характерных черт западной модели во всех сферах жизни общества, пренебрегает фактом, что модернизация государств Западной Европы и США также опиралась на собственные традиции и ценности, сохранившие актуальность и в современном обществе, поэтому некорректно противопоставлять друг другу традиционность и современность.

Политическая традиция включает институты, формы сознания и нормы поведения, обладающие ценностным содержанием и закрепляющие устойчивость и преемственность в развитии социума. Разрушение традиций неминуемо ведет к деконструкции условий общественного бытия значительной части населения, кризису идентичностей и социальной напряженности, что чревато бунтами, восстаниями и революциями. Интересны рассуждения относительно традиций Уинстона Черчилля в книге «Британия в Новое время». Вступивший на британский престол шотландский король Яков I Стюарт (1603-1625) после объединения Англии, Шотландии и Ирландии в единое королевство, в беседе с испанским послом выразил недоумение, почему королевская династия столько лет терпела парламент. Действительно, отношения между королем и парламентом накануне Нового времени были напряженными, так как Яков I не имел права без одобрения парламента вводить новые налоги и принимать новые законы – права, приобретенные парламентом в 1265 г. и чтимые в XVII веке. Великий политик с гордостью формулирует традиционный принцип британской политической культуры: «король не может править своим народом в соответствии с какими-либо законами, кроме тех, на которые народ согласен»¹¹³.

Если сравнивать политические традиции Великобритании и Франции, то они имеют общие черты и отличия, несмотря на сходство социокультурной идентичности французов и англичан, принадлежащих к западноевропейской цивилизации,

¹¹³ Черчилль У. С. Британия в Новое время (XVI-XVII вв.). Смоленск: Русич, 2006. С. 144, 146.

что подтверждает оправданность вычленения политической культуры как самостоятельного объекта исследования в рамках политического процесса. Политические культуры обеих стран обладают самобытностью. Английская политическая культура, в которой преобладают когнитивные ориентации над чувственно-эмоциональными, является консервативной; французская политическая культура отличается доминированием эмоционально-оценочных ориентаций и демократичностью. Великобритания и Франция развивались по пути создания централизованного государства, они преодолели политическую раздробленность, созывали сословно-представительные учреждения, которые противостояли королевскому абсолютизму, и приобрели опыт революционной борьбы. В истории Англии были только две революции 1640-1653 гг. и 1688-1689 гг., и обе были взаимосвязаны со стремлением английской короны установить абсолютную власть. Результатом революций стало установление парламентской монархии, существующей в Великобритании и в наши дни.

Францию называют «матерью всех революций» ввиду революционизирующего воздействия французских событий на другие страны Европы. Впервые Генеральные штаты во Франции были созваны в 1302 г. и точно также, как и в Англии, французские короли стремились к самовластью. Но противостояние между роялистами и сторонниками парламента вовлекало в революционную борьбу народные массы, которые проявляли собственную субъектность, что накладывало отпечаток на революционные события. Великая французская буржуазная революция 1789-1794 гг. развивалась по восходящей линии под давлением бедной части населения. Высшим пиком революции считается якобинская диктатура (1793 г.), пытавшаяся защитить интересы низших слоев. Знаменательна первая строка Декларации прав человека и гражданина (1789), принятая в начале революции: «Все люди рождаются свободными и равными в правах». Отрицание сословного неравенства и привилегий было несовместимо с сохранением монархии и аристократии, что французы подтвердили неоднократно, свергая монархию и устанавливая республику¹¹⁴.

¹¹⁴ Первая республика, учрежденная во время революции (1792), просуществовала до 1814 г. Революция 1848 г. вновь свергла монархию и установила республику. Третью республику провозгласила Парижская коммуна (1871) и

Парижская коммуна 1871 г., просуществовавшая 72 дня, показала, что французское правительство обязано считаться с мнением народа, что понимал великий француз Шарль де Голль, получивший 47,5 % голосов на референдуме 1969 г. и ушедший в отставку с поста президента.

Исследование политической культуры в связи с происходящими в обществе интенсивными социальными изменениями ведёт свой отсчёт с 1965 г. – времени опубликования под редакцией Л. Пая и С. Верба работы «Политическая культура и политическое развитие»¹¹⁵. Одной из важнейших концептуальных составляющих данной работы выступает теория модернизации, в рамках которой акцентировалось внимание на политическом развитии и политической культуре. Политическая культура, являясь элементом политической подсистемы социума, испытывает воздействие социальных изменений. Она возникает и развивается одновременно с политической структурой общества, и на каждом этапе общественного развития она стабилизируется в виде частоты когнитивных, эмоциональных и оценочных ориентаций, а также поведенческих актов по отношению к политическому и административному процессам на «входе» и «выходе», к политической системе в целом и к индивиду как политическому актору. Политическая культура в процессе политической модернизации должна изменить соотношение долей как более простых, так и более сложных моделей ориентаций и поведенческих актов, что неизбежно взаимосвязано с пересмотром ценностей и традиций общества. Таким образом, увеличение объема знаний и возможностей человека изменять общественные условия инициируют процесс изменения типа политической культуры, которая превращается в один из аспектов системного изменения общества¹¹⁶.

ликвидировали немецко-фашистские оккупанты. Четвертая республика была установлена во Франции в 1946 г., во время которой во внешней политике проводилась «политика атлантизма», во внутренней – «политика иммобилизма» (неподвижности), что привело страну к состоянию кризиса и общественного раскола. Поводом для изменения государственного устройства Франции послужил мятеж реакционных генералов и правых политиков в Алжире, поставивших цель ликвидировать парламентский строй. Объединенные политические силы подавили мятеж и передали власть генералу Шарлю де Голлю. Голлисты приняли конституцию Пятой республики (1958).

¹¹⁵ Political Culture and Political Development / Pye L. and Verba S. (eds). Princeton : Princeton Legacy Library, 1965. 586 p.

¹¹⁶ Ibid. P. 13.

Осмысление социокультурных и политических факторов модернизации ориентировало исследователей на изучение обществ незападного типа, на анализ разных типов политических культур и ценностных систем, чтобы выявить комбинации ценностей и политических ориентаций, которые влияют на восприятие и направленность модернизационных процессов¹¹⁷. Данное направление в критике теории модернизации соответствовало веберовско-парсоновской традиции анализа социальной действительности¹¹⁸. Толкотт Парсонс акцентировал внимание на нормативных правилах, ценностях и верованиях, единство которых и образует социальную систему, предназначенную для удовлетворения четырех основных потребностей, а именно: достижения целей, интеграции, адаптации, поддержания социальных норм и ценностей. Модернизация по типу вестернизации в корне разрушала подсистемы, способствующие удовлетворению обозначенных потребностей, и недооценивала особенности культуры и общественно-исторического опыта стран. Да, «традиция» и «современность» являются асимметричными понятиями, но мы должны рассматривать современное общество в качестве идеала, достичь которого должно традиционное общество, представляющее собой противоречивую и динамично развивающуюся реальность, органическое развитие которой прерывается в результате насильственных преобразований, продуцирующих архаичные, застойные и деградирующие элементы в обществе.

В научной дискуссии относительно пересмотра содержательных аспектов теории модернизации особое внимание было уделено не только традициям, но и ценностям с позиции отрицательного и положительного влияния на демократические процессы. Ценность как одна из основных универсалий философии означает невербализуемые компоненты наиболее глубинного пласта интенциональной структуры личности в единстве предметов ее стремлений (аспект будущего), особого обладания-переживания (аспект настоящего) и сохранения своего достоинства

¹¹⁷ Williams R. M. Change and Stability in Values and Value Systems // *Stability and Social Change* / Barber B. and Inkeles A (eds). Boston : Little & Brown, 1966 ; Pye L. The Non-Western Political Process // *Politics in Transitional Societies* / Keeschull H. G. (eds). N. Y, 1968.

¹¹⁸ Hikeles A., Smith D.H. *Becoming Modern: Individual Change in six Developing Countries*. Cambridge: Harvard University Press, 1974.

в душе (аспект прошедшего), – которые конституируют ее внутренний мир как уникальное субъективное бытие. Ценности создают мотивации, глубоко укоренившиеся в индивидуальном и общественном сознании и определяющие убеждения, установки нормы и мнения, которые регулируют социальное поведение. Р. Уильямс полагал, что ценности являются консервативным элементом, поэтому процесс укоренения ценностей западного общества в традиционном обществе должен быть рассчитан на длительный период при условии ценностной переориентации политической элиты и создания в развивающихся странах совокупности условий и институтов, обеспечивающих передачу и упрочение ценностей современного общества. Политическая элита, приверженная новым ценностям, должна поощрять их распространение среди населения и применять наказание к тем лицам, которые их дискредитируют¹¹⁹. Д. Каванах разработал теорию периодических эффектов, согласно которой определённые события оказывают первостепенное влияние на политические установки основной массы населения, что в совокупности влияет на ценностные аспекты политической культуры¹²⁰.

Наиболее значительный вклад в разработку проблемы ценностей внес Рональд Инглхарт, который рассматривал модернизацию во взаимосвязи с культурными изменениями и сделал вывод о важнейшей роли ценностной ориентации в становлении демократии, поэтому культура каждого народа является отправной точкой в движении к демократическому обществу через материалистические ценности к ценностям самовыражения, которые обеспечивают свободу личности как основу индивидуального многообразия и независимость человека от государственной власти¹²¹. Р. Инглхарт выразил убежденность, что трансформация институционального ряда по демократической модели и наличие власти у демократической элиты не являются достаточными условиями построения демократического общества. Важно понимать, насколько массовыми являются демократические ценности,

¹¹⁹ Williams R. M. Change and Stability in Values and Value Systems // *Stability and Social Change* / Barber B. and Inkeles A (eds). Boston : Little & Brown, 1966. P. 136.

¹²⁰ Kavanach D. Political Science and Political Behaviour. London: George Allen and Unwin, 1983. P. 19.

¹²¹ Inglehart R. Political Value Orientations // Jennings Al. K. (et al). *Continuities in Political Action: A Longitudinal Study of Political Orientations in Three Western Democracies*. – Berlin ; N. Y., 1989 ; Inglehart R. , Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press, 2005.

что взаимосвязано с культурными основами общества и политической культурой народа. Ценности зависят не только от уровня социально-экономического развития общества, но и от культурного наследия. Социокультурные изменения обладают нелинейным характером. Если индустриализация сопровождается рационализацией, секуляризацией и бюрократизацией, то возникновение информационного общества оборачивается изменениями иного порядка, идущими в другом направлении: приоритетом знания и информации, возможностью формировать общественное мнение и, используя обратную связь, управлять им, повышая роль личной независимости, самовыражения и свободы выбора, что ведет к нарастанию в обществе требований политических и гражданских свобод, а значит политических ориентаций на демократические структуры¹²².

Политическая культура имеет три измерения: во-первых, удовлетворенность жизнью (и отдельными составляющими жизни индивида: жилищными условиями, работой, заработной платой, досугом), во-вторых, доверие (политическое и межличностное), в-третьих, отношение масс к идеям революционного изменения общественного порядка. Применительно к западным обществам Р. Инглхарт отмечает постепенные и почти незаметные изменения указанных показателей, что отражается на трансформации структуры ценностей, что дало основание назвать данные процессы «тихой революцией»¹²³. Теория культурного сдвига основана на двух гипотезах: ценностной значимости недостающего (наибольшая субъективная ценность придается тому, чего относительно недостает) и социализационного лага (наличие временного лага при смене ценностей, ибо базовые ценности индивида в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали совершеннолетию). Во времена войн, экономических бедствий и бедности человек озабочен удовлетворением экзистенциальных потребностей выживания, поэтому господствующими являются материалистические ценности, ставящие во главе угла экономическое процветание страны, безопасность и поддержание материального

¹²² Inglehart R. *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

¹²³ Inglehart R. *The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press, 1977. P. 179-261.

благополучия. В успешные времена уровень жизни, закон и порядок теряют перво-степенное значение, ибо человек начинает размышлять о духовной стороне бытия, и постматериалистические ценности становятся более значимыми (потребность в общении, самоуважение и признание). Ввиду инерционности структуры общественного сознания между социально-экономическими достижениями страны и утверждением постматериалистических ценностей должна произойти смена поколений, чтобы поколение, выросшее в условиях материального благополучия, приобрело политическое влияние в стране.

Израильский исследователь Ш.Н. Эйзенштадт изучал изменения политической культуры в контексте преобразований всего общественного организма и выделил факторы, влияющие на эти изменения. В фундаментальной работе «Революция и преобразование обществ» Ш.Н. Эйзенштадт предлагает несколько терминов, проясняющих смысл его учения: «центр», «периферия», «напряжённость» и «протест». Под «центром» и «периферией» он понимает необязательно географические, но всегда административные явления. «Центр» – это официальное или неофициальное учреждение, принимающее управленческие решения, в то время как «периферия» не обладает подобным правом. Центром может быть, например, правительство, а периферией – провинциальные губернаторы, но в рамках города мэр представляет местный центр, а низшие слои данного города – это периферия. Под социальной «напряженностью» Ш.Н. Эйзенштадт понимает любое несоответствие в обществе. Например, несоответствие ожиданий избирателей реальным политическим шагам депутатов.

За напряженностью всегда следует «протест», понимаемый как гласное или тайное выражение недовольства. «Протест» является неотъемлемым свойством общества, однако он не всегда приводит к изменениям. Так, в 1920-1921 гг. итальянцы проводили забастовки и демонстрации в защиту демократии против фашистских бесчинств, но итальянское правительство убеждало население не начинать гражданской войны и ограничиться мирным «проявлением отвращения» к фашизму. Подобное попустительство позволило фашистам организовать «поход на Рим»,

убрать старое правительство и привести в власти Муссолини. Обладая апофатическим характером, протесты не выступают в качестве источника общественных трансформаций. По мнению Эйзенштадта, необходимым условием социального изменения является возникновение нового «центра», вместо архаического или ликвидированного. Протест содержит только «направленность» против объекта или субъекта и не имеет выработанных рекомендаций по разрешению конфликта. Например, революционные лозунги во время митингов и демонстраций «Долой царя!» и «Вся власть Советам!» – это выражения протеста в обобщенной форме, но взятые в единстве, они предполагают изменение политического строя. Тем не менее, лозунги не дают ответ на вопрос, каким образом будет перестроена социальная жизнь. Каждое общество обладает определённым потенциалом изменений.

Традиционное общество, по мысли исследователя, характеризуется обособленными, совмещающимися и особыми изменениями. Обособленные изменения, когда меняется одна из сфер, а остальные не затронуты, являются атрибутом патриархальных режимов (Древний Египет). Совмещающиеся изменения предполагают одновременное изменение различных общественных сфер. Такие изменения происходят в имперских государствах, где абсолютная власть правительства не позволяет никому действовать обособленно. Особые изменения демонстрирует слияние периферийного протеста и политической борьбы в центре. Примером может служить Рим эпохи братьев Гракхов, когда политические оппоненты в центре использовали в качестве дополнительной силы протестующих периферии (братьев Гракхов поддерживали безземельные крестьяне), и периферийные бунтари видели вождя в политическом деятеле центра.

Революция отличается от изменений своим всеобъемлющим характером. Революционеры необязательно на самом деле меняют все сферы общественной жизни, но они декларируют коренное изменение. Будучи приверженцем концепции К. Ясперса, Ш. Н. Эйзенштадт полагает, что предпосылки для формирования революционного взгляда на мир существовали только в «осевых» цивилизациях, которые открыто проповедовали дуализм трансцендентного и имманентного мировых порядков, то есть допускали возможность полного переустройства реального мира,

если он не соответствует трансцендентным образцам. Подобная попытка была предпринята в Новое время в Западной Европе. Нидерландская, английская, Великая французская буржуазные революции и американская война за независимость, – все они, не похожие друг на друга, провозглашали стремление полностью переустроить мир, не считаясь с авторитетами и традициями. Иными словами, новоевропейская политическая культура допускает всеохватывающие претензии реформаторов, независимо от того, касаются они только политических вопросов или же простираются на другие сферы жизни общества (например, якобинское и марксистское требование государственного вмешательства в экономическую жизнь).

Ш.Н. Эйзенштадт выделяет две важнейшие черты новоевропейского мироощущения, которые отразили революции Нового времени, были восприняты социалистической и либеральной идеологиями и впоследствии в результате европейской культурной экспансии получили распространение в мире: во-первых, постоянное расширение исследования человеческой и природной среды, подвергавшейся управлению и покорению; во-вторых, возможность распоряжаться собственной судьбой¹²⁴. Желание распоряжаться собственной судьбой выражало протест против католической церкви. Европейская всеобъемлющая революция являлась восстанием против власти всемогущего и безжалостного Бога, предписывавшего каждому человеку судьбу, которую он должен покорно и благодарно принимать. Кальвинисты и лютеране не отвергали веры в Бога, но давали возможность каждому человеку изменить судьбу, используя собственные способности и трудолюбие. В результате в обществе постепенно утвердился принцип индивидуализма, сменивший принцип коллективизма. Протестантский принцип «священства всех» породил требование свободного участия граждан в политической деятельности. Именно поэтому западная демократия отстаивает всеобщее избирательное право: каждый имеет право на власть, никакие «особенные люди» не существуют. Эта черта, неприемлемая для традиционного общества, где меняют «злого» царя на

¹²⁴ Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 230.

«доброто», найдёт отражение в европейских конституциях, где единственным источником власти будет признан народ.

Новоевропейская цивилизация сложилась, с точки зрения Эйзенштадта, в силу действия трёх факторов: (1) постоянное переустройство политических центров и границ, что не позволяло ни одной общественной группе оставаться в стороне; (2) утверждение новых международных систем, которые политически и экономически превышали государственные границы, но пока зависели от них (например, Священная Римская империя и Папская область); (3) протестантизм, который из сект превратился в движение, объединяющее всех инакомыслящих. Из названных факторов протестантизм – самый важный, потому что другие два фактора встречались в мировой истории и раньше, но к масштабным изменениям не приводили. Воздействие факторов на общественную жизнь порождало нетрадиционные проблемы, разрешение которых требовали все новые слои населения, увеличивая круг оппозиции. Именно протестантизм объединил все социальные группы, не согласные со старым порядком. Но три указанных фактора существовали и взаимодействовали только в Западной Европе, поэтому формирование новоевропейского общества представляет собой оригинальное, неповторимое историческое явление, которое не поддаётся экспорту. Например, Февральская революция в России и Синьхайская революция в Китае привели к иным последствиям по сравнению с результатами европейских буржуазных революций. Поэтому ожидать, что в странах, не относящихся к новоевропейской культуре, когда-нибудь наступят характерные только для неё изменения, не следует, ибо в обществах иных цивилизаций отсутствуют социально-духовные предпосылки и механизмы динамики по западноевропейскому образцу.

Социальные изменения и модернизация, характерные для какой-либо группы стран, не могут привести к формированию некоей универсальной политической культуры: невозможно претендовать на универсальность в мире, где существует огромное количество государств, несопоставимых по уровню общественного развития. Эти государства подразделяются на западные, евразийские, восточные, латиноамериканские и африканские. Но и внутри каждой группы государств могут

быть дополнительно дифференцированы. Внутри западных стран выделяются Великобритания и США, с одной стороны, и континентально-европейские государства, с другой стороны. Уровень развития последних также неодинаков. Среди континентально-европейских государств лидируют Германия, Франция, Испания, Португалия, Италия и Греция.

Остальные западные государства целесообразно назвать «другой», или «второй» Европой. «Другая» Европа также не едина: к западной идентичности близки Эстония, Словения, Хорватия и Чехия, – остальные государства очень отличаются от Запада, так как трудовые навыки населения данных стран формировались на основе мирской аскезы (на Западе – протестантской этики), ценностные ориентации преобладают над целевыми, поэтому западная рациональность отсутствует; мировоззренческие подходы доминируют над научно-техническими, коллективизм является органической чертой мировосприятия. Географически «другая» Европа включает не только государства Центральной и Восточной Европы, но и бывшие европейские советские республики, входившие в состав СССР; Россию и Турцию (евразийские державы). Чтобы изменить собственную идентичность на западную идентичность, «другой» Европе требуется длительный промежуток исторического времени, за который Запад, в свою очередь, значительно изменится.

Концепт «другой» Европы взаимосвязан с выделением эшелонов капиталистического развития. Первым эшелоном мирового капитализма являлись страны Западной Европы и Северной Америки, совершившие переход от средневековья к Новому времени (современности) под влиянием внутренних органических процессов: зарождения капиталистических отношений, формирования рыночной экономики, Ренессанса, Реформации и Просвещения, колониальных захватов, промышленных и буржуазно-демократических революций. Этот переход от традиционного общества к современному принято называть модернизацией. Однако капиталистическое развитие западноевропейских стран протекало неравномерно и со временем выделило среди них ядро, или лидеров (Великобритания, Франция, США), и периферию.

Западная модернизация в корне трансформирует основные социальные, экономические и политические характеристики общества, переходит от доминирования традиций к господству инноваций (как основы существования капитализма), от естественной эволюции к ускоренно-мобилизационному развитию, от религиозного мировоззрения к науке, от этничности к национальным государствам, от ценностной рациональности к целерациональности, от вещного богатства к капиталу, от ручного труда к машинному, от простого к расширенному воспроизводству, от непроизводительного труда к производительному, от религиозного, мифологического и авторитарного подтверждения законности действий к рациональному объяснению поведения и деятельности, от авторитаризма к демократии, от аморфных социальных образований к четко выраженным институтам отдельных областей общественной жизни, от сельской жизни к урбанизации, индустриализации и мировой торговле, связавшей все континенты. Чтобы осуществить подобную модернизацию, Западу понадобилось пять столетий.

Вторым эшелонем капиталистического развития стала «другая» Европа, которая позже и менее органично вступила на путь модернизации, так и оставшись на периферии развития Запада, поэтому «другую» Европу целесообразно назвать «незападной». Время незападных обществ оставалось традиционным, медленно идущим вперед, циклически повторяющим уже имевшийся социальный опыт. Незападные общества ощущали Новое время только через западное влияние (как «вызовы» А. Тойнби, под которыми он понимал внешние воздействия, способные создать в стране внутренний импульс собственного развития и дать «ответы»). Западные ценности становились всё более притягательными прежде всего для элит незападных стран, которые рассматривали модернизацию как стремление изменить общество в сторону приближения экономики, политики и культуры к западному образцу и пропагандировали эту идею среди населения, инициируя социальные преобразования. Несмотря на внутреннее многообразие незападной Европы, все её государства являются осколками распавшихся в разное время империй (Российской, Османской и Австро-Венгерской), в части из которых и в настоящее время не завершены процессы национального становления. В большинстве незападных

стран религия является источником единства нации. Эти страны обладают наследием авторитарных режимов. Ориентируясь на Запад, они продолжают модернизацию догоняющего типа при помощи мобилизационных средств.

Предпринимая социальные изменения, следует учитывать особенности политической культуры, аккумулирующей содержательные характеристики и отличительные признаки политики, политического и культуры, чтобы прогнозировать реакцию народа на восприятие и оценку предпринятых реформ во избежание конфронтационных тенденций в обществе. Структурообразующим элементом политической культуры являются исторически сложившиеся и генетически закрепленные в менталитете народа социальные ценности, упроченные в социальном опыте посредством психологического восприятия и эмоционального переживания явлений окружающего мира, в том числе в политических традициях. Поэтому невозможно принудительно внедрить чуждые национальной культуре зарубежные модели мышления и поведения, через которые воспринимается и оценивается политическую реальность. В.Г. Федотова, автор книги «Модернизация и культура», совершенно права, утверждая, что социальные сдвиги должны рассматриваться как следствие культурных и цивилизационных обстоятельств, главными в которых являются духовные процессы¹²⁵.

Следовательно, мы вправе рассматривать модернизацию как социокультурный феномен, характеризующийся особым мироощущением и мировоззрением человека, соответствующим мировосприятием и миропониманием, дающим человеку возможность определить собственное место в мире; особой мотивацией и стилем поведения, усвоенной системой ценностей, ориентаций и культурных предпочтений, более совершенными формами общественной жизни, в рамках которых реализуются идеи свободы, равенства, справедливости, безопасности и национального согласия. Переход от традиционного общества к современному начинается с духовных переориентаций членов общества, что делает социум готовым к переменам,

¹²⁵ Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 45.

которые в корне изменяют социально-экономические и политические характеристики государства. Недаром западноевропейские эмигранты, носители идей Ренессанса, Реформации и Просвещения, переселившись в Северную Америку, сумели не только освободить колонии от гнета Великобритании, но и создать на их основе федеративную республику, сплотиться в единую американскую нацию и провести ускоренную модернизацию общества, что позволило США в конце XIX в. превратиться в мощную индустриально-аграрную державу и занять лидирующие позиции в мире.

Напротив, культурные и цивилизационные особенности развития России обусловили иные взаимоотношения между обществом и государством, между народом и властью, которые Ю. С. Пивоваров называет «русской системой», представляющей собой сочетание сверху идущей власти и снизу идущего доверия к власти и подчинение ей, иногда прерываемое бунтом, восстанием или революцией. Политическую культуру России Ю.С. Пивоваров определяет как самодержавную, потому что главной ее характеристикой является властецентричность; власть в России всегда персонифицирована и не вписана в систему разделения властей, ибо она – субстанция и субстанциальна¹²⁶. Действительно, в истории России государственные интересы обладали приоритетом над частными интересами, и народ, демонстрируя бесконечное терпение, способствовал укреплению авторитарной власти, которую считал гарантом целостности и независимости страны, и по призыву власти делил с ней ответственность за принимаемые решения. Государственный деспотизм вызывал в качестве ответной реакции народные бунты и революции, что подтверждает неприятие рабской действительности всеми сословиями и наличие в российской политической культуре идеи свободы, ради утверждения которой народ сверг самодержавие и Временное правительство и начал строительство коммунизма в 1917 г. Однако стоит, по нашему мнению, обратить внимание на другую сторону «русской системы». В кризисные периоды истории, несмотря на отсутствие гражданского общества и иногда вменяемой власти, способной отвечать за

¹²⁶ Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. С. 17, 19.

свои действия или проявляющей бездействие, именно русский народ, самопроизвольно мобилизовав собственные усилия, был способен не только самостоятельно выжить, но и поддержать ослабевшую власть. Отсюда должны следовать не сетования на отсутствие гражданского общества и на несовершенство взаимоотношений власти и народа (это историческая данность России), но признание значения политической культуры при модернизации.

Вестернизация России не учитывает присущие нашему народу ценности, политические ориентации и культурные предпочтения, которые способны духовно консолидировать общество и создать условия для преобразований. Кроме того, испытывая одновременно европейское и азиатское воздействие, Россия нуждается в модернизации, сохраняющей ее собственную сущность, которая не может быть мыслима только как русская, а раскрывается в терминах обширной евразийской территории и населяющих ее этносов, культурные традиции и духовно-нравственные ценности которых органически вплетены в российскую культуру и подвержены взаимному влиянию. Цементирующая и европеизирующая роль русского народа сохраняется и исторически, и в силу большей связи русской культуры с западной культурой через христианство, образование, науку, литературу и искусство. Д. Мережковский писал, что в душе России объединены два начала: азиатское и европейское, поэтому Россия колеблется между Востоком и Западом¹²⁷. Но не стоит предпринимать и истернизацию, каким бы успешным не был опыт Китая, Японии и Индонезии. Модернизационные теории представляют собой абстрактные схемы, которые только в сочетании с особенностями исторического и культурного развития страны в состоянии приобрести реальное содержание, поэтому имеет смысл разработать национально-культурную модель модернизации России. Такая модель не должна отрицать заимствование передового опыта Запада и Востока, но должна быть ориентирована на национальные цели и многообразие путей достижения поставленных целей.

¹²⁷ Мережковский Д.С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 310.

В XXI в. мы наблюдаем изменение направления социального развития в мире, выражающегося в трансформации содержания глобализации, возникшей на рубеже XIX – XX вв. и приведшей к созданию массового производства и массового потребления, массового общества и массовой культуры. В XX в. глобализация выступала как источник единства мира, и это единство складывалось в ходе становления всемирной истории, линейно развивавшейся по пути прогресса. Модернизация в рамках глобализации требовала соответствия общественных преобразований модели развития Запада. Таким образом оформилась концепция господства «золотого миллиарда», основанная на апологии западной цивилизации и её культуры, на доминировании западных государств над остальными странами. В XXI в. прогресс понимается не как общее направление развития стран, а как многообразие путей, по которым идет человечество в целях улучшения условий жизнедеятельности. Страны Юго-Восточной и Южной Азии (Китай, Сингапур, Малайзия, Индонезия) отошли от модели догоняющего развития и пришли к пониманию значимости собственной культуры для дальнейшего успешного развития. Глобализация перевела модернизацию на локальный уровень, лишив ее единого образца. Народы стали ориентироваться на демассовизацию и приоритет человека по отношению к социальным институтам. В глобализации появилась противоположная тенденция – повышение значения традиций и глубинных ценностей, выраженных в религии, языке, искусстве и литературе каждого народа.

Именно на тезисе о культурном плюрализме как устойчивой особенности современного мира основано предсказание С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Процессы глобализации требуют от человеческой рефлексии мыслить в категориях вселенского целого и, следовательно, заменить ценности свободы и автономии индивида, ориентированного на эгоистический интерес, на ценности солидарности и взаимной ответственности. Гегемония Запада удерживает человечество в границах мысли и действия западной культуры, исчерпавшей потенциал лидерства. Неудачи политики мультикультурализма в Западной Европе, глобальные кризисы и непрекращающиеся локальные военные столкновения свидетельствуют о возможности трагического конца человеческой истории. Переселение жителей

стран «третьего мира» в благополучную Европу, чтобы приобрести достойные условия жизни, сопровождается созданием иммигрантских анклавов, которые отстаивают право на культурное самовыражение, что порождает межкультурные конфликты (дело Салмана Рушди в Великобритании и «дело о платках» в школах Франции). Среди европейских народов отсутствует согласие (каталонцы в Испании, афроамериканцы в США, ирландцы и шотландцы в Великобритании, украинцы и русские на Украине). Запад не в состоянии решить вопрос о мирном сосуществовании народов. Конфликты между культурами философ С. Бенхабиб предлагает устранить не отделением групповых идентичностей и признанием за ними определённых прав и привилегий, а путём демократического включения культурных диаспор в публичный диалог на официальном и неофициальном уровнях, чтобы найти взаимоприемлемые решения. С. Бенхабиб не рассматривает культуры как целостности, она видит в культуре сформированный, но оспариваемый смысл, поэтому такие принципы западной демократии, как демократическое участие и равенство, она ставит выше сохранения культурных особенностей¹²⁸. Однако культуролог Р. Шведер не разделяет оптимизма коллеги, замечая, что насильственное принуждение населения развивающихся стран к освоению глубинных пластов романо-германской культуры (индивидуализма, феминизма, эгалитаризма, прав человека) не будет способствовать конвергенции культур, наоборот, обострит чувство культурной идентичности, которое значительно сильнее стремления к материальному благополучию¹²⁹. Ещё в XIX веке русский философ Н. Я. Данилевский писал: «Прогресс ... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился). А в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях»¹³⁰. Он предугадал, что идея прогресса Запада недолговечна и с течением времени она пре-

¹²⁸ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М.: Логос, 2003. С. ЛШ, 6, 72, 73, 86, 124.

¹²⁹ Шведер Р. Моральные карты, уловки «первого мира» и новые евангелисты // Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 203.

¹³⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 109.

вратится в идею прогресса только западной цивилизации. Распространившись, романо-германская идея прогресса утратила линейность форм и породила множество вариантов прогресса в рамках цивилизаций и наций, вырабатывая общие и самобытные черты.

Учитывая изложенное, следует констатировать, что социальная динамика современного мира выявляет взаимосвязь социальных изменений и культуры, так как культура создает условия или препятствия на пути преобразования общества. В научном дискурсе понимание прогресса и модернизации подвергается переосмыслению. Модернизация по типу вестернизации значительно упрощает картину социального конструирования, противопоставляя традиционность и современность, которые не составляют дихотомию и взаимно не исключают друг друга. Современное общество сохраняет традиционные элементы и ценности, подчеркивающие своеобразие цивилизационного развития народа. Социальные изменения не следует рассматривать как линейный процесс, основанный на системе детерминант или на выделении доминирующего фактора, ибо общественная практика демонстрирует нелинейное развитие стран, которые способны достичь разными путями позитивных результатов в социальном конструировании. Именно культура является фактором, который обеспечивает многообразие мира.

Взаимосвязь социальных изменений и культуры актуализирует проблему политической культуры в качестве фактора развития и преобразования социума, потому что политические традиции и ценности как важнейшие элементы политической культуры, с одной стороны, создают условия для эволюционного развития общества, с другой стороны, препятствуют разрушительному воздействию инноваций. Традиции и ценности наиболее ярко выражают интегративную природу политической культуры, которая проявляется на индивидуальном и социетальном уровнях и в процессе социальных изменений отражает взаимовлияние микро-и-макроуровней социума, приобретая статус коррелирующего фактора в межуровневой зависимости. Единство традиций и ценностей в политической культуре представляет инструментальный вектор легитимации институционального порядка и политиче-

ской интеграции, а также глубинный критерий преобразования общества, что разрешает противоречие антитезы «традиция-инновация» возможностью создать социально-политический проект на основе широкого общественного согласия и обеспечить реалистичность и устойчивость целей модернизации.

2.3. Генотип российской политической культуры

Вводя термин «генотип», мы имеем ввиду совокупность существенных качеств и свойств политической культуры, которые сохраняются на протяжении длительного времени. Эти свойства и качества культура приобретала, развиваясь параллельно с процессами образования и формирования политической структуры общества. Они стали достоянием ядра политической культуры, отличительными особенностями, иначе, теми элементами, которые почти не изменяются на протяжении десятков столетий и оказывают воздействие на периферийные элементы, более динамичные и подверженные трансформации в результате инноваций в политической сфере. Поэтому о генотипе политической культуры мыслят как о феномене, исторически присущем данному обществу в силу особенностей цивилизационного развития страны (экономический и политический строй, природные и внешнеполитические факторы, религия) и национального характера народа (ценности и жизненные ориентации, мировосприятие и мировоззрение, нормы морали и поведения, закреплённые в обычаях, традициях и стереотипах сознания). Генотип политической культуры сохраняется в закодированной форме (семиотических образованиях) в исторической памяти народа и оказывает не всегда осознаваемое нами влияние на сознание и поведение человека, социальной группы или нации в целом.

Ценности, обычаи и традиции, сохраняющиеся длительное время и переходящие от поколения к поколению в процессе политической социализации выражают устойчивые элементы ядра политической культуры. Подверженные трансформациям через политическое сознание периферийные элементы политической культуры оказывают обратное влияние на элементы ядра, адаптирующиеся к изме-

ненным условиям или отторгающие инновационное воздействие. Генотип политической культуры показывает устойчивые представления и наиболее типичные формы взаимоотношений власти и общества, власти и человека, государства и общества, политические ценности, общепризнанные нормы и традиции, регулирующие взаимодействие внутри политики; стереотипы политического сознания и поведения, воплощающие эмоциональное-оценочное восприятие системных характеристик политической сферы. Политическая культура, выступающая в единстве политического поведения и политического сознания, выражается в субъективных политических ориентациях и поведенческих актах, полный перечень которых не поддается определению. Основные элементы политической культуры формируются в виде политических ориентаций и образцов политического поведения по отношению к политической структуре общества, а именно: по отношению к органам государственной власти и управления, по отношению к акторам политического процесса (представления о нормах политического взаимодействия, политическая идентичность, политическое доверие) и по отношению к собственной политической деятельности (политические действия, политические ценности и политическая компетентность).

В процессе взаимодействия между политической культурой и политической системой осуществляется агрегирование индивидуальных политических ориентаций и поведенческих актов до общегосударственного уровня. Объективно существующие политические институты абсолютно не детерминируют политическое сознание и поведение человека, который руководствуется субъективными символическими схемами мышления и поведения, приобретенными в процессе политической социализации и составляющими ядро политической культуры. Хабитусные, нормативно-процедурные и ценностные когнитивные схемы оперируют онтологическими категориями, которые типологизируют политические ситуации в индивидуальном сознании и проявляются на социетальном уровне, обеспечивая воспроизводство политической жизни общества на принципе преемственности. Политическая реальность предстает как опредмеченное в результате деятельности челове-

ское сознание. При реформировании институционального порядка типичные субъектно-объектные отношения в политической сфере подвергаются разрушающему воздействию нововведений, что вызывает сопротивление человека, обладающего имманентным свойством свободно мыслить и действовать в ситуации, которая не может быть интерпретирована при помощи нерелексивных когнитивных схем. Легитимность нового институционального порядка определяется соответствием нововведений и генотипа политической культуры, коррелирующего условия восприятия инноваций и направление политических преобразований.

Генотип, носителем которого является ядро политической культуры, представляет собой своеобразную матрицу, по отношению к которой определяется гармонизированность или негармонизированность между политической структурой и политической культурой. Гармонизированность подтверждается, если когнитивная, эмоциональная и оценочная ориентации по отношению к объектам политики приближаются к единице, что подтверждает легитимность институционального порядка. Степень гармонизированности понижается, если позитивные чувства и оценки человека приближаются к нулю, или безразличию. Негармонизированность между политической культурой и политической структурой фиксируется в тот момент, когда частота негативных оценок и эмоций возрастает, минуя точку безразличия. В результате происходит отчуждение политических институтов – процесс, характеризующий взаимоотношения политической культуры и существующего или утверждающегося институционального порядка в политической сфере. На примере России мы рассмотрим, как формировался генотип политической культуры, вырабатывались политические традиции и ценности, обеспечивавшие эволюционное развитие общества, и какова была степень влияния инноваций на традиции в политической культуре.

Мы выделяем три хронологических этапа в процессе формирования генотипа политической культуры: вторая половина IX – середина XVI вв., середина XVI – XVII вв. и XVIII век. Становление и развитие политической культуры в России было взаимосвязано с процессами государственного образования. Русское государство со столицей в Киеве окончательно сформировалось во второй половине IX

века и именовалось «Русь» или «Русская земля». Принятие христианства от Византийской империи (988) утвердило православие в качестве государственной религии, поставило Русь в один ряд с могущественным и культурнейшим государством того времени и обусловило влияние византийского наследия на духовную культуру и политическую жизнь страны. Западноевропейские королевства образовались на основе синтеза варварского и античного социальных укладов, что способствовало форсированному развитию феодализма и утверждению ведущей роли института частной собственности в общественных процессах. Древнерусское государство развивалось на основе разложения родоплеменных отношений, которые постепенно перерастали в феодальные, минуя рабовладение как общественный строй жизни. Огромная территория Руси и неразвитость имущественных отношений выдвинули на передний план в развитии общества политический фактор – институт власти.

В политическом пространстве одновременно сосуществовали две властные традиции, зародившиеся в период родоплеменных отношений: (1) княжеско-дружинная (выборная и позже наследственная власть военных вождей, опиравшихся на дружины воинов) и (2) родоплеменная, представленная старцами градскими, городским ополчением и вечевыми порядками в волостных (старших) городах. Старцами градскими называли выборных командиров военного управления городов и прилегавших к ним пригородов (тысяцкие, сотские, десятские). Городские полки при необходимости принимали участие в военных походах вместе с князьями и дружинами. Старцы градские и торговые люди посадов представляли земскую (местную) аристократию в отличие от военнотрудовой аристократии, включавшей старшую (бояр) и младшую (гридь) дружины князей, а также княжеских посадников (наместников) в городах.

Авторитет родоплеменной традиции власти подтверждает призвание варяга Рюрика на княжение в Новгород старейшинами славянских племен, живших на севере Восточно-Европейской равнины. В противостоянии двух традиций превалировала княжеско-дружинная власть, однако родоплеменная властная традиция не

исчезла с политического поля и оспаривала право на существование в последующие века, что подтверждают исторические факты. Утвердившиеся на русском престоле Рюриковичи передавали власть старшему в роду, но неоднократно веча изменяли этот принцип наследования, насильственно смещая неудобного князя и призывая на престол приемлемую для земли кандидатуру. Во время политической раздробленности веча волостных городов, не посягая на верховные права Рюриковичей, тем не менее, нередко принуждали князей заключать с ними договоры (ряды), где прописывались княжеские обязанности; в Новгороде и Пскове родоплеменная властная традиция утвердилась в форме республик, где князь приглашался вечем на княжение и выполнял преимущественно военные функции. Власть тысяцкого как главы посадского ополчения вызывала опасения у московского князя Дмитрия Ивановича, который после смерти Василия Вельяминова ликвидировал должность. Претендовавший на должность тысяцкого сын умершего Иван поднял бунт против князя, перейдя на сторону тверского князя. По приказу Дмитрия Ивановича Иван Вельяминов был публично казнен (1379). Самостоятельные созовы земскими людьми Первого и Второго ополчений (1611 и 1612) во время Смуты, чтобы изгнать поляков из Москвы, несмотря на присягу бояр польскому королевику Владиславу, являются примером успешного воспроизведения традиции сбора городского ополчения, выступавшего совместно с князем и дружиной на защиту родной земли.

В отличие от Западной Европы на Руси формируются собственный механизм властвования, своеобразный статус князя и особые отношения между властью и православной церковью, которые отличаются от западноевропейской политической традиции. Рюриковичи владели Русской землей сообща, не разделяясь, а чередуясь по старшинству в роду. Они не делили территорию государства на постоянные доли и не передавали доставшиеся каждому доли сыновьям по завещанию. Они были подвижными владельцами, передвигавшимися из волости в волость по очереди. Князья-Рюриковичи составляли одну генеалогическую лестницу по степени старшинства и получали во владения волости, которые представляли другую лестницу по степени их доходности и значения. Порядок княжения был основан на

соответствии ступеней обеих лестниц (лиц и волостей). Великий Киевский как старший среди равных распределял владения между младшими родственниками, разбираал споры и осуществлял суд, заботился о князьях-изгоях (оставшихся сиротами), созывал советы князей и был высшим попечителем Русской земли. Каждый младший сородич имел право сопротивляться действиям киевского князя, если оценивал их как несправедливые. Очередной принцип наследования поддерживался и восстанавливался при каждой перемене в составе князей, производя постоянное передвижение владельцев из одной земли в другую. Верховная власть принадлежала роду, но не лицам. Порядок лиц в очереди владения был основан на том, что сыновья должны были подниматься по родовой лестнице и чередоваться во владении волостями в том же порядке, в каком шли друг за другом их отцы и деды¹³¹.

Статус князя в государстве определялся двумя основаниями очередного порядка наследования: во-первых, верховная власть, принадлежавшая всему княжескому роду, была собирательная и не являлась единоличной; во-вторых, отдельные князья временно владели теми или иными волостями; и главная задача, стоявшая перед ними, заключалась во внешней обороне земли. Учреждение местного порядка осуществлялось волостями самостоятельно. По мере разрастания княжеского рода и появления сложностей при определении генеалогического старшинства веча волостных городов становились активными участниками политических споров князей. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Поучении Владимира Мономаха» созданы образы идеального Великого Киевского князя, каким он представлялся в общественном сознании. Князь, поставлявшийся Богом, должен быть защитником Руси, исповедовать православие и способствовать распространению православной веры, поддерживать порядок и отправлять правосудие, прекращая княжеские распри. Авторы делали акцент не на священности сана, а на обязанности князя служить Русской земле во имя правды, справедливости и добра.

¹³¹ Ключевский В.О. Русская история. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. С. 75-78.

Взаимоотношения княжеской власти и православной церкви не соответствовали ни византийскому принципу диархии, ни теократической идее римско-католической церкви, потому что социально-политическая реальность Русского государства требовала иного подхода. Христианство было принято (988) и распространялось на Руси по инициативе Великого Киевского князя Владимира I (980-1015). Князья и священники совместно создавали первые христианские общины и церковные структуры, строили храмы, преодолевая явное или негласное сопротивление языческой традиции. Укоренение православия в русских землях находилось в прямой зависимости от великокняжеской власти, поэтому церковь была заинтересована в укреплении власти и государства. Союз с церковью был необходим и Великому Киевскому князю ввиду обширности территории государства, население которого было полиэтническим по составу (восточные славяне, балтские и финно-угорские племена). Идея божественного происхождения верховной власти подтверждала наследственные права Рюриковичей на Русскую землю и удерживало население в покорности. Разделяя обязанности великокняжеской власти и церкви на светские и духовные, обе принимали обязательство сотрудничать и поддерживать друг друга, сохраняя неразрывное единство, что усиливало одновременно и институт власти, и институт церкви. Недаром князья, будучи светскими лицами, причислялись к лику святых (Владимир I, Александр Невский, владимирский князь Юрий Всеволодович, черниговский князь Михаил Всеволодович).

В то время православие как форма массового сознания являлось единственным способом систематизации и оформления политического сознания. В границах и терминах православия политические взгляды приобретали завершённую мировоззренческую форму. Важно учитывать, что православная и католическая церкви придерживались догматов и обрядов, которые во многом не совпадали и формировали разные категории мироощущения и миропонимания у паствы. Церковные нормы западной христианской церкви охватывали все стороны жизни человека и даже после смерти во время пребывания в чистилище родственники совместно с церковью должны были помогать умершему добрыми делами очиститься в огне,

чтобы попасть в рай. Католическая церковь выступала инструментом снятия с верующего ответственности за содеянное при жизни. Подобная регламентация вырабатывала внутреннюю и внешнюю дисциплину у верующего, развивала ответственность за поступки и мысли и в итоге преувеличивала значение общего, авторитета и власти церкви. Учение Иисуса Христа, основанное на пассивно-духовном состоянии и мистическом мироощущении, познание которого даруется как особая милость, было интерпретировано католической церковью как повелевающее, приказывающее и требующее повиновения учение во имя изменения, образования и упорядочения. Православное монашество приняло формы отшельнического аскетизма и отрешения от мирской жизни, в то время как западное монашество (например, францисканцы и доминиканцы) возникает в форме орденового движения, которое принимало активное участие в решении общественных проблем. И как следствие притязание Римского папы на светскую власть и утверждение в Западной Европе этики действия, что отмечено в гётевском «Фаусте» фразой: «В начале было Дело!» – явно перетолковывающей догму Евангелия от Иоанна («В начале было Слово»).

Восточная христианская церковь признавала свободное духовное единение верующих в церковной и мирской жизни, ориентировала на общение в братстве и любви, что позднее найдет выражение в понятии «соборность», многосторонне развитом в русской философии. Слово «соборность» Кирилл и Мефодий использовали при изложении девятого члена Символа веры, переведя термин «кафолическая» как «соборная» Церковь¹³², что обозначало добровольное объединение (собор) верующих на основе любви к Богу и друг к другу. Соборность противопоставляется католической авторитарности и протестантскому индивидуализму, так как она обозначает общинность (коммунитарность), не признающую внешний авторитет и не знающую индивидуалистической замкнутости. Благодаря идее соборности тема гре-

¹³² Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Том третий. Н – С. С. 580.

ховности, покаяния и сострадания к несовершенному человеку в русской религиозной философии будет нацелена на богопознание и спасение человеческой души¹³³.

Православие допускало индивидуальный путь к Богу и спасению души – без посредничества церкви при помощи особого типа молитвы, приводившего к мистическому слиянию с Богом. Православные верующие осознавали, что получение Божественной благодати зависело лично от верующего, от его способности преодолеть низменные страсти и нравственно очиститься. Мистическое слияние с Богом предполагало отрешение от окружающей действительности и внутреннее самосовершенствование. Идея духовного подвига найдет отражение в противостоянии иосифлян и нестяжателей (конец XV – начало XVI вв.), защищавших реальное благочестие и невмешательство церкви в мирские дела. Но интересы воссоздания русской государственности обеспечат торжество иосифлян над нестяжателями, что будет чревато церковным расколом в XVII веке, породившим старообрядчество. Таким образом в России формировался идеал человека, не похожий на западноевропейский идеал, который определял смысл жизни в действии, стремился примирить веру и разум, включить человека в систему строго иерархичной и авторитарной церковной организации. Различия в вероисповедании привели к восприятию Западной Европы в русском общественном сознании как центра «латинства», считавшегося почти ересью.

Представляя непрочное политическое образование, древнерусское государство во второй трети XII века разделяется на удельные княжения. Но в общественном сознании Русь продолжала существовать как общее отечество древнерусской народности и обитель православной веры. Политическая раздробленность воспринималась современниками как распад княжеского рода на враждебные друг другу

¹³³ Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. Минск: Харвест, 1999 ; Трубецкой С.Н. Сочинения. Минск: Мысль, 1994 ; Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992 ; Ильин И.А. Собрание сочинений. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии: 1906-1954. М.: Русская книга, 2001 ; Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008 ; Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011.

союзы, поэтому произведения древнерусской литературы (Лаврентьевская летопись XI в., «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели земли Русской») содержат эмоциональные призывы к князьям прекратить междоусобную борьбу, чтобы не отдавать Русь на поругание врагу. Воспользовавшись слабостью Русской земли, немцы и шведы предпринимали попытки отодвинуть границы русских земель от Балтийского моря; Литва, Польша и Венгрия захватили западные и южные русские территории, монголо-татары установили иго (1237-1480). Встал вопрос о существовании Руси как государства.

Идея о необходимости объединить русские земли рефреном звучит на страницах древних летописных сводов. Собираение земель началось на северо-востоке, куда переместился центр русской государственности после завоевания Киевского княжества литовским князем Ольгердом. Главным городом Руси стал Владимир, затем Москва, когда титул Великого Владимирского князя закрепился за московским княжеским домом. Образовавшаяся в удельный период великорусская народность обрела государственное единство в Московском царстве. Великие Московские князья Иван III (1462-1505) и Василий III (1505-1533) при поддержке местных сообществ завершили соби́рание земель и освободили страну от татарского ига (1480). Они неоднократно заявляли, что не только Великороссия, но и вся Русь должна находиться под властью Москвы. Историческая преемственность между Киевской и Московской Русью выражалась в идее происхождения московских князей от киевских. В данном контексте наиболее значимой фигурой являлся Великий Киевский князь Владимир Мономах (1113-1125), потомки которого получили земли в управление на северо-востоке Древней Руси. Владимир Мономах был сыном дочери византийского императора Константина Мономаха, который передал внуку царские дары: животворящий крест, венец, золотую цепь и бармы – все эти предметы будут включены в чин венчания великих князей и царей Руси.

Общегосударственное значение Московского княжества создавалось тремя взаимосвязанными общественными процессами. Первый заключался в *расширении территории и внешнего влияния* Московского княжества через службы удельных князей по договору, через приобретение или насильственное изъятие земель у

удельных князей, через принуждение поменять вотчины на пожалование земли, чтобы перейти на службу к московскому князю. Второй формировал институт *единоличной верховной власти* через московский обычай завещать старшему наследнику 'большую часть наследства и передавать ему право на московский престол после смерти. Постепенно в руках старшего наследника московского княжеского дома сосредоточилось такое количество материальных средств, что, даже не имея политических прав по отношению к младшим сородичам, он приобрёл возможность держать их в подчинении. Имущественное преобладание без политических преимуществ превратило Великого Московского князя в *государя всея Руси*. Третий закрепил прецеденты передачи престола *от отца к старшему сыну*, происходившие случайно, в результате стечения ряда обстоятельств, *в обычай*, способствовавший выходу из неурядиц удельного периода и установлению государственного порядка.

Новое понимание верховной власти включало вотчинное право московского государя на Русскую землю, наследование по завещанию в прямой нисходящей линии и неделимость царства как власти и территории при сохранении подчиненного государю удельного владения. Поэтому отношения внутри господствующего социального слоя не были сеньориально-вассальными по западноевропейскому образцу: князья, бояре и дворяне являлись вассалами одного сеньора – государя всея Руси. Вассально-сеньориальные отношения, основанные на формуле «вассал моего вассала не мой вассал», не являлись актуальными для российской политической действительности того времени, которая требовала отношений подданства, в противном случае политическая раздробленность не была бы преодолена и монголо-татарское иго не было бы свергнуто.

Созданный образ власти требовал внешнего оформления и политического осознания. Внешнее оформление было связано с женой Ивана III – Софьей Палеолог, византийской принцессой, которая инициирует перестройку кремлевских палат и дворцов, устанавливает строгий, сложный и торжественный церемониал великокняжеских выходов, приемов и трапез, что противоречило принятой простоте кремлевской обстановки и бесцеремонности отношений при дворе. Иван III стал

трепетно относиться к собственному титулу, заменяя прежний на государя и царя, тем самым подчеркивая единоличность и независимость власти от внешнего влияния. Он установил обряд целования государевой руки в знак особой милости. При титуловании в официальных бумагах имя государя пишется в церковно-книжной форме «Иоанн» и к имени приписывается целый ряд географических названий, обозначавших новые пределы Московского государства. В правительственных бумагах использовалась витиеватая терминология и торжественный стиль изложения, подлинность документов заверяла государственная печать с двуглавым орлом¹³⁴. Ввиду гибели Византии брак московского государя и византийской принцессы был осмыслен как передача державных прав византийского царственного дома в Москву, новый центр вселенского православия. Идея державности впервые была озвучена в концепции монаха Филофея «Москва – Третий Рим». Религиозная мессианская идея Филофея, закрепившись в массовом сознании, парадоксальным образом была перенесена в социальную плоскость, обозначив веру в силу и величие Русского государства и в исключительное значение русских царей в мире.

Политическое осознание нового образа московской власти требовало не только символов политического мышления (дворцов, палат, церквей, титулов, царских венцов, церемоний, ритуалов и гербов), но понимания происхождения, оснований и назначения верховной власти. Сущность верховной власти в начале XVI века рассматривалась во взаимосвязи настоящего, прошлого и надежд будущего, поэтому она осознавалась в границах идей божественного происхождения власти, вселенского центра православия на основе церковно-исторической связи с Византией и всероссийского значения Московии ввиду прямого преемства от Киевской Руси. Дополнительно к легенде о царских дарах Владимиру Мономаху была разработана легенда о происхождении Рюрика от римского императора Октавиана Августа. Якобы Рюрик являлся сороковым коленом в потомстве Пруса, брата римского императора (Воскресенская летопись начала XVI в.).

¹³⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского: от VI века - до начала XVI века. М.: АСТ, 2008. С. 824-828.

Во второй половине IX – середине XVI вв. православие, являвшееся господствующей формой массового сознания на Руси, конституировало единое смысловое пространство, созданное в мире политического на основе общественно-исторического опыта. Христианские термины способствовали формулированию политических категорий, христианские ценности являлись руководством в политическом поведении. Политическая культура как единство политического сознания и политического поведения, сочетавшая фрагменты парохильности и подданничества, представляла собой *смешанный тип парохильно-подданнической культуры*. Движение от Древней Руси к Московии знаменовало перерастание парохильной культуры в подданническую, но не завершило смены культур, закрепив смешанный тип, в котором преобладала парохильная часть. Дворцово-вотчинная система управления государством заменяла политическую систему. Московским государством управляли должностные лица, представлявшие верховную власть. Наместники в уездах и волостели в волостях, не состоявшие в иерархическом соподчинении, были единственными представителями власти на огромной подведомственной им территории. Государственные учреждения отсутствовали. Наряду с центральной властью существовали удельные княжения, где князья были полностью самостоятельными. Политические статусы и роли были взаимосвязаны с экономическими, военными и религиозными ориентациями. Государь всея Руси участвовал в назначении митрополита православной церкви, приобретшей автокефалию (1448), и председательствовал на церковных соборах. Церковные иерархи выполняли политические поручения и совместно с боярами были советниками государя. Военнослужилое сословие версталось поместьями и вотчинами в зависимости от знатности рода и служебных заслуг. Бояре, окольные и думные дворяне осуществляли не только законосовещательную деятельность, но и выполняли административные поручения государя и командовали полками в военных походах. Политические практики не приобрели устойчивости, вводившиеся политические правила не стали нормами или законами, чтобы быть интериоризированными членами общества, поэтому парохильность имела эмоционально-нормативный, но не когнитивный характер.

Подданническая субкультура находилась на стадии становления и занимала подчиненное положение в смешанном типе политической культуры. Подданническая часть напрямую была взаимосвязана с развитием института верховной власти, что давало возможность укрепить экономические, социальные, культурные и религиозные связи, соединявшие Русь в единое целое, политическими отношениями, облеченными в учреждения и законы. Иван III и Василий III частично решили данную проблему. В Боярской думе были установлены чины. Казна (финансовое ведомство и одновременно канцелярия государя), Дворец (управление великокняжескими землями и селами) и Разряд (снаряжение общерусского войска) выполняли функции государственных учреждений. Судебник 1497 г., хотя и имел общегосударственное значение, но содержал статьи, касавшиеся узкой сферы государственного управления – судопроизводства по уголовным преступлениям и частично гражданским тяжбам. Иван III и Василий III, отстаивая принцип подданства, заставили благоговеть перед собой знать и народ, которые стали величать государей ключниками и постельничими божьими. Возвеличивание верховного правителя как наместника Бога на земле придавало сакральность сану государя и выражало понимание истории, согласно которому земная жизнь являлась подготовительным этапом к Божьему царству (христианские идеи «начала» и «конца», применимые к человеку и к истории в целом). Осознание сущности верховной власти как *единоличной и имевшей преемственность от Киевской Руси* они выразили в политических символах, которые подчеркивали достоинство Московского царства во внешних сношениях с иноземными государствами (Польшей, Литвой, Швецией, Тевтонским и Ливонским орденами, Германией) и включили Русь в круг европейской политической деятельности. Притязание на наследство прав императорского византийского дома означало позиционирование Московии в качестве мировой державы.

Подданническая политическая субкультура отражала недифференцированность политической системы, представленной государем, Боярской думой, наместниками и волостелями в административно-территориальных единицах. Поэтому

политическая система отождествлялась с институтом власти, опиравшейся на верхний политический слой (князей, бояр и дворян). Взаимоотношения народа и института власти были односторонними, сверху вниз. Народ оценивал правительственную власть с точки зрения ее легитимности или нелегитимности (призвание киевским вечем вне очереди на престол Владимира Мономаха), положительно или отрицательно (деятельность Александра Невского оценивалась двояко: защита русской земли положительно, покорность Орде отрицательно). В противостоянии князей и бояр по отношению к верховной власти симпатии населения были на стороне государя (осуждение политики Марфы Борецкой, стремившейся к союзу Новгорода с Литвой и Польшей). Народ проявляли активность только при запросе власти оказать поддержку.

Особое восприятие и понимание политического мира, нашедшее отражение в генотипе русской политической культуры, было обусловлено двумя факторами: (1) ведущей ролью в политической жизни религиозно-нравственных ценностей, с позиции которых члены общества оценивали политические действия и нормы поведения; (2) общественно-политическим опытом, приобретённым в течение первого этапа (борьба за целостность и независимость Руси). Православная соборность (как свободное духовное единение верующих, основанное на братстве и любви) утвердила в социальной плоскости коммунитарность как принцип общественной жизни. Социальный опыт и идея соборности способствовали укоренению в русском политическом сознании в качестве высших ценностей идей свободы, равенства и справедливости. Общественное сознание мыслило общество и государство в неразрывном единстве. Трудности в государственном строительстве абсолютизировали значение государства. Вера в божественное происхождение верховной власти наделило институт главы государства сакральностью. Несмотря на сакральность должности верховного правителя, взаимоотношения между народом и главой государства строились на основе солидарности и доверия, что обнаруживало противоречивость в политическом сознании великороссов: с одной стороны, терпимость и покорность власти, политическая инертность и признание легитимности

единовластия, с другой стороны, приверженность к свободе (вольности), политическая активность и стремление к диалогу с верховной властью в кризисные периоды. Критерием перехода от одной точки к другой являлась справедливость, стоящая, по мнению народа, выше закона. Восприятие Руси как наследницы Римской и Византийской империй укореняло идею державности в генотипе политической культуры.

На втором этапе (середина XVI – XVII вв.) огромное влияние на формирование генотипа имели создание централизованного государства, установление сословно-представительной монархии, учреждение патриаршества русской православной церкви (1589), события Смуты и царствование первых царей из династии Романовых. В результате подданническо-парохиальная политическая культура укрепила свои позиции, но подданническая субкультура стала более интенсивным слоем. Возросла степень дифференцированности политической системы, но по-прежнему политико-экономико-религиозные должности и роли в основном обладали диффузностью, и отношение населения к данным ролям не было отделено от социальных и религиозных ориентаций. Православные священники выступали как политические акторы, поддерживая ту или иную сторону в политических процессах. Однако был сделан значительный шаг в политической специализации, так как, во-первых, в аппарате государственного управления появились высшие (царь, Боярская дума, Земские соборы), центральные (приказы) и местные учреждения (губные и земские избы), функции которых были определены в общем виде и не всегда оформлены юридически; во-вторых, было положено начало обособлению законодательной ветви власти от административной власти (члены Боярской думы и Земского собора не только принимали постановления, но и несли ответственность за их реализацию); в-третьих, окончательно выделился ряд специализированных политических должностей и ролей (царь, чины Боярской думы, дьяки и подьячие приказов – чиновники государственного аппарата, не платившие подати в государственную казну), но должностные обязанности не были регламентированы, они имели форму общего направления деятельности.

Приглашение представителей местных сообществ для участия в Земских соборах, передача административно-судебных и финансовых функций в уездах и волостях выборным лицам посадских и крестьянских общин свидетельствовали о выработке норм, которые регулировали взаимоотношения центральной власти с населением административно-территориальных единиц, поэтому Земские соборы, губные и земские избы предстают в качестве диффузных структур на «входе», посредством которых верховная власть имела возможность оценить государственное состояние. Ограничение верховной власти общество не рассматривало как приобретенное право, но как государственную обязанность содействовать правительству в деле государственного строительства. Боярская дума и Земские соборы не стали ареной политической борьбы. Случавшиеся разногласия между царем и думскими советниками, между депутатами Земских соборов касались не вопроса власти, а только обсуждавшегося дела, т.е. сталкивались деловые мнения, а не политические притязания, отодвигавшиеся на задний план под давлением государственного блага или политического обычая (лояльность бояр по отношению к царю, отношения солидарности и доверия между царем и подданными)¹³⁵. В то же время зависимость высшего сословия (служилые люди «по отечеству») от царя значительно возросла. Это выражалось, например, в убеждении Ивана Грозного, что его неотъемлемым правом является жаловать и казнить своих подданных без отчета¹³⁶. В то же время ориентация на общинные структуры показывает сохранение парохияльных элементов, адаптированных по отношению к утвердившейся политической системе. Должностные лица губных и земских изб, члены Земских соборов не получали жалования из казны, но подчинялись власти и закону, представляя собой своеобразный мостик от властных институтов к местным сообществам, и, следовательно, атрибут гражданской активности.

¹³⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 384.

¹³⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского от начала XVI века до 1612 года. М.: АСТ ; Хранитель, 2007. С. 248.

Важно отметить, что накопленный общественно-политический опыт был использован подданными во время Смуты при сборе двух земских ополчений и созыве Земского собора 1613 г., чтобы восстановить прежнюю форму правления – сословно-представительную монархию, во главе которой при активной поддержке казаков и черных людей стал избранный Михаил Романов. Восстановленная государственная власть могла устоять только благодаря содействию объединенных земских сил в лице Земских соборов. Земский собор 1613 г. оставался при царе в течение двух лет, последующие соборы созывались в течение первого десятилетия царствования в краткие промежутки времени и на длительные сроки. Они решали вопросы окончательного замирения страны, посылали военные силы против оккупировавших Новгород шведов и занявших Смоленск и Северщину поляков, вводили новые налоги и объявляли сборы даточных людей в целях усиления московского войска. Возвращение митрополита Филарета, отца царя, из польского плена и поставление Филарета в патриархи обеспечило единство светской и духовной власти в деле государственного строительства, ибо царь и патриарх стали совместно управлять государством, и последний показал себя властным и искусным администратором. Очевидно, что присущие православному сознанию спасительность и жертвенность, стали образцами политического поведения во время Смуты.

На втором этапе генотип политической культуры приобретает такую черту, как этатизм, одновременно с которым подданные проявляют запрос на патерналистское направление в деятельности государства, интересы которого они отстаивали во время Смуты. Они вполне обоснованно выражали надежду, что верховная власть, следуя принципу социальной справедливости, поддержит низшие слои общества и обеспечит им достойные условия жизни. Но верховная власть, приняв поддержку народа как должное, предприняла действия в противоположном направлении. Она считала своей социальной опорой военно-служилое население (служилые люди «по отечеству» и «по прибору»), которое в честь победы она наделила по традиции поместьями и вотчинами за счет казенных и дворцовых земель, продала часть поместий в вотчины, пополнив государственную казну. Чтобы восстановить

вотчинные и поместные хозяйства, требовались крестьянские руки. Поэтому постепенно власть увеличивала сроки сыска беглых крестьян и холопов, и Соборное уложение 1649 г. ввело бессрочный сыск, утвердив окончательно крепостное право в России. Бегство крестьян от господ показывало правовой нигилизм народа, считавшего несправедливым прикрепление к земле, отнимавшее свободу как одну из ценностей общества. Западноевропейскому обычаю «городской воздух делает человека свободным» соответствовало русское правило «с Дону выдачи нет», признаваемое властью. Ответом на ограничение свободы и злоупотребления власти стала череда народных восстаний при царе Алексее Михайловиче (1645-1676): Соляной бунт 1648 г., Хлебные бунты 1650 г., Медный бунт 1662 г. и крестьянско-казацкая война под предводительством Степана Разина 1670-1671 гг., которые указывали на социальное неблагополучие низших сословий общества.

Во второй половине XVI – XVII вв. территория России расширяется за счет возвращения части западных земель (Левобережная Украина, Киев и Смоленск) и присоединения новых земель на юге-востоке и востоке (Поволжье, Урал и Сибирь). Это закрепило полиэтничный состав русского государства и положение страны как евразийской державы. Прав Н.А. Бердяев, утверждая, что противоречивость и сложность русской души были обусловлены взаимодействием в России двух потоков мировой истории – восточного и западного, а устремленность в бесконечность в русской душе соответствовала бескрайним просторам нашей земли, поэтому русский народ обладал огромной силой стихии и сравнительной слабостью формы. Если у народов Западной Европы социальная жизнь была строго детерминирована и оформлена, то русский народ, как народ откровений и вдохновений, не знал меры и легко впадал в крайности¹³⁷. Названные качества русского народа и необходимость освоения огромного географического пространства усиливали авторитарные черты власти. При Алексее Михайловиче явно проявляется тенденция эволюции сословно-представительной монархии в абсолютную монархию: прекращение со-

¹³⁷ Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 6.

зывать Земских соборов, замена Боярской думы Ближней думой (кругом доверенных лиц царя), введение в систему местного управления должности воеводы (назначаемого царем), который подчинил себе выборные губные и земские избы. Попытка патриарха Никона во время церковного раскола поставить священство выше царства закончилась заключением Никона в монастырскую тюрьму и избранием нового патриарха.

На третьем этапе (XVIII век) заложенные в генотипе свойства и качества политической культуры, отмеченные нами выше, испытали мощное воздействие инноваций по западноевропейскому образцу во время царствования Петра I (1682-1725) и Екатерины II (1762-1796). Позитивная сторона реформ заключалась в увеличении территории страны за счет Крыма, Новороссии и Польши, в превращении России в великую державу, обладавшую сильной регулярной армией и военно-морским флотом и получившую выходы в Черное и Балтийское моря, что заставило иностранные государства учитывать русские интересы. Система категорий, выработанная в политической реальности, содержала понятия: высшие, центральные и местные государственные учреждения, законодательная, судебная и административная власть, прокуратура и полиция, регулярная армия, военная, гражданская и придворная служба, иерархический принцип государственного устройства, чиновничье-бюрократический аппарат, благо народа – что свидетельствовало о дифференцированности политической системы и выделении политических должностей и ролей. Абсолютная монархия закрепляла принципы подданства и авторитарности власти, которой была подчинена даже православная церковь, ставшая частью государственного аппарата. Подданные были ориентированы на взаимоотношения с политической структурой в целом и с административной стороной (на «выходе»). Принцип сословного представительства дворян, горожан и государственных крестьян использовался в местном управлении как дополнительный элемент в системе административного управления, не требующий жалования из казны. При этом реальной властью в управлении государством обладали только дворяне, занимавшие привилегированное положение в обществе, в статусе чиновников или выборных

лиц дворянского самоуправления, что устанавливало раскол между дворянами и низшими слоями общества¹³⁸.

Преобразованная в духе идей Просвещения политическая система значительно изменила субъектно-объектные политические отношения. Однако Петр I и Екатерина II оставили неизблемыми самодержавную власть, сословное деление общества, личную и поземельную зависимость крестьян, дворянское землевладение – основу, на которой формировался генотип политической культуры. По-прежнему общество и государство в политическом сознании народа были неразделенными, иначе, государство мыслилось как единое социально-политическое целое. Несмотря на подчинение церкви государству, политическое пространство было пронизано нравственно-религиозными ценностями, которые формировали нормы, образцы и стереотипы политического поведения; политические идеалы, обеспечивавшие единство и взаимодействие политических институтов; политические установки, способствовавшие практической реализации представлений и ценностей. Религиозное мироощущение как господствующая форма массового сознания являлось конституирующим центром политической культуры, использовавшей категории православия для осмысления политического мира. Идеи соборности, божественного происхождения власти и Божьей правды, перенесенные в социальную плоскость, сохранили выражение в идеях свободы, равенства и справедливости, в коллективистских формах общественной жизни и монархической власти, олицетворением которой являлся царь (император). Священность монархического сана, поколебленная во времена Смуты и дворцовых переворотов, обусловила персонализированное восприятие власти в лице императора, деятельность которого народ оценивал по религиозно-нравственным критериям, а значит доверие и солидарность между монархом и подданными продолжали оставаться главными принципами взаимоотношений. В политическом сознании преобладали этатистско-патерналистские императивы.

¹³⁸ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2009. С. 635-765.

Итак, взаимосвязь политической культуры и политической структуры общества проявляется на уровне политической системы в целом, процессов на «выходе» и «входе», на индивидуальном уровне, где актор соотносится с элементами политической структуры различного уровня. Характер взаимосвязи политической системы и политической культуры не обладает детерминированностью, но степень корреляции между ними определяется как очень высокая. Субъектно-объектные отношения, которые развиваются или отсутствуют на каждом из указанных уровней, формируют типы политической культуры, служащие инструментом описания политического состояния общества в единстве аксиологического, символического и рационально-идеологического аспектов. Выявление внутренней структуры политической культуры как системы способов организации политической деятельности дает возможность выявить особенности политической жизни, охарактеризовать рациональные и иррациональные стороны политической действительности и установить характер взаимодействия между политической культурой и политической структурой (лояльность, безразличие или отчуждение) в периоды формирования, развития и модернизации политической сферы общества.

Генотип политической культуры представляет собой своеобразную матрицу, по отношению к которой определяется гармонизированность или негармонизированность между политической структурой и политической культурой. Ценности и традиции, выступающие в единстве, сохраняющиеся длительное время и переходящие от поколения к поколению в процессе политической социализации, формируют солидарные тенденции в обществе и наиболее ярко выражают сущность генотипа. Выполняя устроительную функцию политического мира, политическая культура через традиции и ценности формирует лояльные ориентации членов общества к политическим объектам, легитимируя действующий институциональный ряд, что способствует установлению баланса между политической системой и политической культурой. Пренебрежение традициями и ценностями продуцирует социальную нестабильность. Неразрывно взаимосвязанные с ценностями политические традиции, основанные на общественно-историческом опыте, дают возмож-

ность в период общественных изменений одновременно овладеть активистской ролью на «входе» и выполнять диффузную роль подданного на «выходе», несмотря на диссонирующий характер названных политических ролей. Генотип политической культуры, сущность которого раскрывают политические традиции и ценности, приобретает статус фактора влияния при социальной трансформации. Предпринятые в России попытки модернизации, осуществлявшиеся «сверху» мобилизационными методами, так и остались незавершенными, сохраняя в неизменности генотип и подданническо-парохиальную политическую культуру, что свидетельствовало об устойчивости традиций и ценностей российского общества, которые нивелировали инновации.

Традиция является конституирующим началом социальной идентичности, поэтому иногда она приобретает черты и статус идентичности. Обе содержат одинаковый ценностно-нормативный компонент, что нередко приводит к подмене понятий. Но разрушение традиционных основ общества, продуцирующее дезорганизационные процессы и создающее препятствия на пути целенаправленной и сознательной деятельности, вызывает кризис идентичностей и противодействие нововведениям. Традиция обладает двойственной природой. С одной стороны, она творчески переосмысливает общепризнанные стереотипы, формы и модели, проявляя способность к адаптации при сохранении преемственности, с другой стороны, традиция является воплощением неизменности в качестве способа бытия и воспроизводства элементов социокультурного наследия. Политические традиции, по аналогии с традициями в целом, критически воспроизводят традиционные нормы, так как они содержат наряду с интегрирующим потенциалом, выражающимся в неизменности и преемственности, и инновационный потенциал, который проявляется в способности традиций к развитию. В антитезе «традиция-инновация» не следует исходить из принципа исключения (или – или), соединяя традицию с косностью и отсталостью, а инновации с улучшениями и прогрессом. Очевидно, что политические традиции отличаются консервативностью, но именно благодаря консервативности поддерживается общественная стабильность. Признавая равноправное положение понятий в антитезе, мы должны преодолеть эпистемологию типа «или –

или» и произвести осмысление традиций не только с позиции отставания и апологии привычных социальных форм и практик, но и с позиции развития, ориентирующего традицию на обновление. Позиция развития включает политические традиции в конструктивное взаимодействие с инновациями. Отвечая на вызовы времени, традиции ориентируются на изменение, и нововведения утверждаются в виде органической части, которая не противоречит генотипу, присущему политической культуре общества.

В XIX веке генотип политической культуры был подвергнут очередному инновационному воздействию «сверху». Российская политическая культура обогатилась элементами участнической субкультуры, которые являлись периферийными элементами по отношению к генотипу. Такими инновационными элементами стали участие подданных в освободительном движении, направленном против крепостного права и самодержавной формы правления; формирование особой русской страты – интеллигенции; выделение в общественном движении консервативного, либерального и демократического направлений; использование легальных и нелегальных методов борьбы; создание тайных организаций и партий; издание за рубежом газет и журналов, не подвергавшихся правительственной цензуре; террористические акты против царей и чиновников; формирование идеологии народничества, отражавшей условия российской действительности; присоединение рабочего класса к политическому движению. Большинство участников общественного движения принадлежало к интеллигенции, которая теоретически осмысливала политические вопросы и выступала в качестве организатора политического противостояния.

Реализация инноваций в политической сфере происходила на основе традиционных ценностей (свобода, равенство, братство), во имя утверждения которых политически активные члены общества встали в оппозицию к верховной власти, нарушившей завет Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Божья правда, характерная для православного сознания, в разрезе общественных отношений означала справедливость, восстановить которую было возможно, согласно обществен-

ному мнению, только при условии отмены крепостного права и ограничения самодержавной власти. Поэтому политическая русская мысль пробудилась на историко-софических вопросах: Что есть Россия? Какова судьба России?¹³⁹ Дискуссии интеллигенции о настоящем и будущем России содержали проблему теодицеи (существования зла на земле) и эсхатологическую идею царства Божьего, что подчеркивало взаимосвязь православия и волновавших русское общество вопросов. Либералы и демократы были охвачены подлинно мессианской идеей общественных преобразований, что было созвучно мессианской идее учреждения царства Божьего на земле. Революционеры восприняли монашеско-аскетический дух православия, сознательно изолируя себя от мира и подчиняя жизнь задачам революционной борьбы (образ Рахметова в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и Д.Г. Нечаев как лидер «Народной расправы»). Они показывали примеры жертвенности во имя блага народа в политическом поведении (покушения народников на жизнь царей и чиновников). Славянофилы и народники, принадлежавшие к противоборствовавшим направлениям общественного движения, понимали, что духовные основы русского мира противоположны капиталистическому миру, поэтому славянофилы предлагали сохранение монархии и возвращение в политическую жизнь Земских соборов в статусе законосовещательных органов власти, народники, наоборот, призывали к построению социалистического общества на основе крестьянской общины.

Противоположность духовных основ романо-германского и русского мира демонстрирует представление о человеке, которое характерно для православного самосознания. Идея всеединства предполагает осмысление человека как соборной личности, объемлющей в себе множество человеческих связей (одного с другим и каждого со всеми) и взаимосвязь с миром в целом, а также осознающей ответственность за всех и каждого в мире. Отсюда и естественная включенность человека в различные солидарные общности (патриархальную семью, церковные приходы,

¹³⁹ Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Ин-т русской цивилизации, 2007 ; Анненков П.В. Критические очерки. СПб.: Изд-во Русского Христиан. Гуманитарного ин-та, 2000 ; Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996 ; Хомяков А.С. Избранные сочинения. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955 ; Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. – М.: Наука, 1986 ; Кавелин К.Д. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.

крестьянскую и посадскую общины, купеческие гильдии и ремесленные цехи), спасительность и жертвенность во имя правды или справедливости (Смута и церковный раскол), защита государственных интересов. Возрождение, Реформация и Просвещение способствовали формированию иной антропологической модели в Западной Европе, где человек рассматривался как свободный индивид. Греческое слово «атом» переводится на латинский язык как «индивид», т.е. неделимый, освобожденный от солидарных и общинных связей. Именно индивид был необходим капиталистическому обществу: свободно передвигавшийся и вступающий в отношения купли и продажи на рынке рабочей силы. Неудивительно, что Т. Гоббс природным свойством человека назвал подавление и эксплуатацию другого человека, естественным состоянием человека – войну всех против всех. Война ведется на основе конкуренции, ограниченной только правом, вне моральных норм, ради защиты частной собственности, священной и неприкосновенной. В православном сознании отношение к собственности определяется отношением к человеку, который ценится выше частной собственности, поэтому западноевропейский гуманизм отличается от православной человечности, проявляющей сострадательность к униженным и оскорбленным, что нашло отражение в великой русской литературе XIX века.

Индивиды соединяются в народ посредством гражданского общества, существующим наряду с государством и имеющим собственные законы, которые защищают его от произвола государства, поэтому индивид апеллирует к закону как к высшей инстанции. В России народ понимался как надличностная общность, обладавшая коллективным сознанием и исторической памятью, каждое поколение которой было взаимосвязано с предками и потомками отношениями ответственности прежде всего за судьбу государства, не отделявшегося от общества. Взаимоотношения в российском государстве были выстроены по иерархическому принципу, но по образцу отношений в патриархальной семье, поэтому легитимность такого государства была сосредоточена на авторитете императора (отца), главной задачей которого являлось обеспечение единства и процветания государства (целостности

семьи и блага ее членов). Критерием легитимности был идеал справедливости (Божья правда), нарушение которого вызывало народные движения. В массовом сознании император стал символом державы и выразителем интересов подданных, что нашло отражение в идеологии политического режима – «теории официальной народности» (министр просвещения С.С. Уваров). *Православие* как русский тип веры неразрывно связан с историей русского государства и народа, *самодержавие* есть необходимое условие существования Российской империи. *Народность* означает приверженность народа русским формам религии и властвования. В триаде религиозный и политический принципы подчинены национальному принципу – народности (в реальности церковь и народ были подчинены самодержавию). «Теория официальной народности» и русская антропологическая модель понимания человека соответствовали этатизму и патернализму, присущими российской политической культуре, конституирующим центром которой являлось православие.

На рубеже XIX – XX вв. политическая культура, сложившаяся в России в результате воздействия инноваций, должна быть определена как *подданническо-участническая*, где подданническая субкультура являлась более интенсивным слоем, покоившимся на традиционно-архаических основах общества. Новые субъектно-объектные политические отношения, которые не противоречили генотипу политической культуры и оформили участнические структуры на «входе» политической системы (после установления конституционной монархии при Николае II), изменили только *тип* политической культуры общества. Инновационные процессы при согласованности с генотипом способствовали обновлению или изменению части политических традиций, которые выступили в качестве равноправного участника общественных преобразований. Однако *смешанный* тип политической культуры свидетельствовал о напряженности в политической системе, обуславливая нестабильность в обществе и возможность революции.

Революция предполагает коренное переустройство общества, актуализируя проблему антитезы «традиция-инновация». Готовность общественного сознания на нововведения, на рациональное переустройство общества не исключает, во-первых, необходимости поддержания общественной гармонии и стабильности, ибо

главной ценностью является человек, и условия его существования должны способствовать всестороннему развитию личности. Следовательно, рациональная организация по субъектно-объектному принципу должна корректироваться принципом самоорганизации как источника инициативы и творческой деятельности. Во-вторых, инновации должны учитывать амбивалентность человеческой природы, понимая, что, с одной стороны, инновации стимулируют человеческую активность и повышают уровень самооценки человека, с другой стороны, преобразованные общественные условия требуют от человека адаптации и пересмотра взглядов на привычный образ жизни, ибо изменяются социальные статусы и роли, утрачиваются прежние жизненные ориентиры, что порождает дискомфортные условия существования. Таким образом, абстрагируясь от политического противостояния консервативных и прогрессивных сил (неизбежного при утверждении нового политического порядка), мы отмечаем трудности и препятствия, которые создают собственно инновации, порождая противоречия среди сторонников революционного преобразования общества и повышая степень конфликтности.

В 1917 г. большевики предприняли коренное переустройство российского общества. Возникают закономерные вопросы: во-первых, почему кардинальные изменения в общественном укладе не вступили в противоречие с традициями и ценностями политической культуры; и, во-вторых, какие изменения произошли в российской политической культуре после создания Советского государства? Надо признать, что большевики *неосознанно* приняли во внимание *фактор политической культуры* при строительстве нового общества. Политическая культура, артикулируемая через знаково-символические системы (имеющие вербальные и невербальные формы), выполняет идентифицирующую и интегративную функции, способствуя укреплению чувства принадлежности человека к определенной социальной группе или нации в целом и объединяя микро-и-макроуровни общества. Традиционно-архаичное сознание народных масс было способно оперировать знаками и символами, но не положениями научных доктрин. Поэтому символы приобрели в Стране Советов особое значение, не всегда наполненное реальным содержанием. Идеи о руководящей роли пролетариата в революции и о диктатуре пролетариата

не следовало понимать буквально. Это были условные символы, обозначавшие стремление РСДРП (б) сделать интересы рабочего класса приоритетными в период общественных преобразований и подчинить данным интересам интересы остальной части общества. Осознавая численный перевес крестьянства, большевики вынуждены были добавлять к диктатуре пролетариата выражение: «и беднейшего крестьянства». Термин «большевики» приобрел иное, чем имел в действительности, значение в массовом сознании, а именно: революционеры, отстаивавшие интересы народа в полном объеме по сравнению с меньшевиками. Герб Советского государства содержал на красном щите перекрещенные серп и молот, символизовавшие союз рабочих и крестьян; лучи восходящего солнца – наступление новой эры. Эмблему обрамляли снопы колосьев, соединенных внизу надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», что символизировало веру в солидарность трудящихся всех стран и мировую революцию. Новое обращение друг к другу – «товарищ» – стало символом братства трудящихся. В качестве гимна был избран международный революционный гимн пролетариата «Интернационал», содержащий призыв к объединению трудящихся ради разрушения мира насилия и построения нового справедливого мира.

Христианские категории отсутствовали в политической структуре и советских символах, но православные ценности незримо присутствовали в массовом общественном сознании как кантовские ноумены в феноменах¹⁴⁰. Знаки и символы российской политической культуры как носители экзистенциального смысла никуда не исчезают и наполняются иным содержанием в соответствии с императивами новой исторической эпохи. Смысловое пространство в мире политического было подчинено идее строительства коммунизма, который должен был обеспечить свободу, равенство и справедливость – ценности, имевшие религиозные корни и производные от идей соборности и всеединства. Коммунистическая идея ассоциировалась с мессианской идеей установления царства Божьего на земле. Поэтому

¹⁴⁰ Кант И. Указ. соч. С. 244-248.

монашеско-аскетический дух православия нашел отражение в образе жизни коммунистов, которые пренебрегали бытовыми удобствами и личной жизнью во имя построения коммунизма и проявляли в политическом поведении жертвенность во имя блага народа. И русский атеизм возник из невозможности принять зло мира, и творец мира отрицался во имя утверждения Божьей правды (справедливости) и братской любви. Советское государство, будучи идеократическим, восстановило *сакральность* власти, принявшую форму культа личности генерального секретаря ВКП (б).

Н.А. Бердяев справедливо утверждал, что большевистские идеи оказались наиболее верными некоторым нашим исконным традициям и исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования¹⁴¹. Действительно, сравнивая политическую культуру императорской России и советскую политическую культуру, следует отметить *преемственность* между ними, что возможно только при сохранении генотипа. Формирование обеих политических культур происходило на основе административно-командных методов управления и авторитарной формы власти. Обе содержали представление о человеке, которое было характерно для православного самосознания. Понимая человека как соборную личность, они утверждали коммунитарность в общественной жизни и соотносили иерархический принцип с моделью взаимоотношений в патриархальной семье. Они не разделяли понятия «государство» и «общество». Обе ставили во главу угла идеи свободы, равенства и справедливости. Во имя блага народа они приветствовали жертвенность в политическом поведении. Понятие «истина» они ассоциировали со справедливостью, которую считали критерием оценки политического поведения и легитимности политической власти. Обе обладали такими характерными чертами, как этатизм, патернализм и персонализм власти. Каждой политической культуре была присуща мессианская идея (центр мирового православия и построение светлого будущего). По мере развития

¹⁴¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма: репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990. С. 93.

Советского государства в обществе произошел раскол между высшим слоем (номенклатурой) и остальной частью населения (до революции – раскол между дворянами и низшими слоями). Поэтому советскую политическую культуру мы определяем как *подданническо-участническую* и полагаем, что именно элементы участнической субкультуры (различия в политической структуре), занимавшей подчиненное положение в данном сочетании, отличали советскую политическую культуру от дореволюционной политической культуры.

Участническая субкультура формировалась на основе советской политической системы, которая сочетала авторитарные и демократические черты, ибо благодаря индустриализации, коллективизации, культурной революции и преобразованиям в политической структуре общества огромное количество населения было вовлечено в публичную сферу общественной жизни. В результате невиданной в истории вертикальной и горизонтальной мобильности населения была создана новая социальная организация народных масс, на что обоснованно указывают А.А. Зиновьев и Сергей Кара-Мурза¹⁴². Основу социальной организации составила национализированная и обобществленная собственность, которая была передана в безвозмездное пользование рабочим и крестьянам, объединенным в трудовые коллективы (колхозы, совхозы и промышленные предприятия), отличавшиеся отношениями взаимопомощи и братской солидарности. Жители сельской местности получили возможность приобрести новые специальности (механики, учетчики, бригадиры, доярки, зоотехники и агрономы). Открытие на территории коллективных хозяйств медицинских пунктов, школ, детских садов, клубов, библиотек, машинотракторных станций (МТС), выборы в сельские Советы ввели в коллективы профессии учителей, врачей, воспитателей, организаторов культурно-массовой работы, трактористов, шофёров, бухгалтеров, служащих. Предприятия содержали социальные службы, которые обеспечивали потребности рабочих (жилые дома, поликлиники, клубы, стадионы, детские сады и школы). Коллективная деятельность и общение в

¹⁴² Зиновьев А.А. Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм / А.А. Зиновьев. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/171> (дата обращения: 08.01.2021) ; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016. С. 651-671.

процессе деятельности сплачивали граждан и приносили развлечение самим фактом совместности, тем более она соответствовала общинному мышлению народа. Солидарные трудовые коллективы превратились в центры жизнеустройства работников, так как экономическая система страны была социально ориентированной, ибо она служила инструментом реализации главных ценностей общества – равенства граждан и справедливости. Праздники, собрания, совещания, выборы и чествования передовиков производства, благоустройство территории, электрификация давали ощущение взаимосвязи с другими трудовыми коллективами и со страной в целом. Образ жизни крестьян и рабочих стал более значимым и интересным и демонстрировался через кинематограф.

Осуществление идеи коммунитарности в социальных отношениях было выполнимо только при условии преобладания общинного мышления в массовом общественном сознании. Неразделенность государства и общества, этатизм, социальная защищенность (патернализм) и идея коммунитарности соответствовали качествам и свойствам подданнической политической субкультуры, императивами которой мыслили и действовали советские граждане, ибо данная политическая субкультура являлась более интенсивным слоем в смешанной политической культуре. Более того, названные особенности подданнической политической субкультуры формировали одновременно доверие к выборным институтам политической системы (вертикальное доверие) и расширяли социальный радиус горизонтального доверия благодаря развитию солидарных трудовых коллективов как центров жизнеустройства и взаимодействия советских граждан, которые делегировали представителей в органы государственной власти и общественные организации. Поэтому народные массы воспринимали проводимые правительством преобразования мобилизационного типа как должное и необходимое, и иностранные писатели, посетившие нашу страну в это время, отмечали жизнерадостное мироощущение подавляющей части советских граждан¹⁴³.

¹⁴³ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Издатель И. Захаров, 2001. С. 11, 18, 22.

Сочетание авторитарной формы власти и демократических институтов в Советской России не противоречило смешанному типу политической культуры и на определенном отрезке времени поддерживало политическую стабильность в обществе. Образ Советской власти, основанный на сакральности, доверии и солидарности, являлся источником легитимности власти. Советские граждане воспринимали явления коллективизма как показатели народовластия. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в Советы, наказы избирателей депутатам, членство в общественных организациях, возможность приобрести высокое общественное положение и признание в результате вертикальной динамики и трудовых успехов – всё это являлось инновациями в политической культуре общества, инновациями, которые способствовали развитию элементов участнической субкультуры и, следовательно, инфраструктуры на «входе» политической системы общества.

Партия, комсомольская организация, отраслевые профсоюзы, творческие и научные союзы представляли собой общественные организации, ориентирующие членов на активную жизненную позицию, что позволяло использовать эти союзы и членство в партии как источники открытого способа рекрутирования во властные структуры наиболее образованных и обладающих организаторскими способностями членов. На примере деятельности сельских, районных и городских Советов, сыгравших огромную роль в социально-экономическом и культурном развитии территорий, которые они представляли, советские граждане ощутили себя впервые акторами социальной жизни и почувствовали заботу о себе коллектива и власти. Инновации в советской политической культуре, составлявшие контраст с социально-политическим положением низших слоев населения в дореволюционной России, камуфлировали авторитарную форму власти и создавали иллюзию народовластия как основу конформизма – некритического принятия господствовавших в обществе взглядов, стандартов и авторитетов, соответствовавших марксистско-ленинской идеологии. Конформизм и непримиримость в политическом противостоянии, неспособность найти консенсус и использование насилия в борьбе с оппозицией стали также характерными чертами советской политической культуры.

Кроме того, в современной России не изменился тип политической культуры. Она является *подданническо-участнической*, но по сравнению с советской политической культурой изменению были подвергнуты элементы участнической субкультуры. Перестроив политическую структуру по западному образцу, российские граждане не почувствовали себя более свободными, чем в Советском Союзе. Наоборот, в политическом сознании россиян идея западной демократии потеряла привлекательность, и в последние годы усиливаются ностальгические настроения по отношению к советскому прошлому, и отрицательные черты советской политической системы отодвигаются на задний план. В обществе существует запрос на социально-ориентированное государство. Поддерживая предоставление политических и гражданских прав, россияне отдают приоритет социально-экономическим правам (обеспеченности работой, жильем, бесплатному образованию и бесплатной медицине), определяя их как естественные права человека, которые государство обязано гарантировать при капитализме. Иррациональность подобной позиции (желание жить при социализме, упразднив социализм) очевидна для теоретиков, но тем не менее указанное убеждение является устойчивым императивом в общественном сознании. Значит, осмысление свободы различается в зависимости от доминантов политической культуры, носителями которой являются граждане страны. Данное обстоятельство свидетельствует о сохранении генотипа политической культуры как феномена политического бытия, являющегося константой, которая не изменяется на протяжении длительного времени существования нации.

По нашему мнению, не следует рассматривать свободу в качестве *отличительного* признака либеральной демократии, ибо свобода является трансцендентальной идеей, указывающей на то, что она не содержит в себе ничего заимствованного из опыта и её предмет не может быть дан определённым в каком-нибудь опыте¹⁴⁴. Западная демократия и советская демократия являлись образцами социального конструирования, основанного на идее свободы. Обе демократии обладают

¹⁴⁴ Кант И. Указ. соч. С. 297.

позитивными и негативными чертами. Идеал свободного государства ещё в большей степени, чем идея свободы, далёк от объективной реальности, ибо он прообраз, руководствуясь которым возможно постепенно приближать общественное устройство к совершенству. Кроме того, носителем свободы, как духовного начала, является только человек. Ноуменальность свободы выражает сугубо человеческое измерение бытия. Как носитель свободы человек разомкнут в трансцендентное, что позволяет разуму осмысливать реальное бытие, выходя за его пределы. В процессе социализации человек усваивает социально-культурные коды, формируется как личность и одновременно приобретает свободу. Границы свободы и ответственности совпадают как две стороны одного листа бумаги. Именно ответственность выступает как самоограничение человеческого своеволия. Поэтому социальное пространство, характеризующееся свободой, структурируется свободно ответственными отношениями членов общества. Мыслители выделяют два типа свободы: суверенный и институциональный. Суверенная свобода является метафизической характеристикой человеческого существования, выражая потенциал разновекторных желаний человека в определении содержания собственной жизни и ответственности за осуществленный выбор. Инструментом реализации суверенной свободы выступает институциональная свобода, которая ограничена действительными условиями и возможностями определенной исторической эпохи, а также социальными институтами, отвечающими за распределение и перераспределение свободы, чтобы осуществить социальную справедливость.

Следовательно, и антропологическая модель человека, принятая в обществе, и культурно-исторические условия существования социума оказывают значительное влияние на осмысление свободы. Например, институциональная свобода на Западе выражена в идеях верховенства закона, священности и неприкосновенности частной собственности и конкуренции как способе существования индивида в обществе, что знаменует утверждение таких ценностей, как прагматизм, успех и гедонизм. В российской политической культуре понятие справедливости всегда ставилось выше закона, человек признавался высшей ценностью по сравнению с собственностью, солидарные отношения доминировали над конкуренцией и действия

политической элиты оценивались с нравственно-религиозных позиций. Поэтому различия в политических структурах, ориентированных на распределение и перераспределение свободы, не являются показателем отсутствия или наличия свободы в обществе.

Подводя итоги, следует отметить, что выявленные нами свойства и качества дореволюционной и советской политических культур подтверждают наличие преемственности между ними и доказывают значение политико-культурной матрицы, которая в состоянии способствовать или препятствовать политическим преобразованиям. Изменяясь во времени и пространстве, политическая культура сохраняет преемственность. Основу взаимодействия изменяющихся политических субкультур составляет генотип, который формируется на протяжении длительного исторического времени. Генотип, определяющий направление политических преобразований и условия восприятия инноваций, превращается в константу политической культуры, которая коррелирует нововведения, препятствуя или содействуя изменениям. Ведущая роль в генотипе принадлежит традициям и ценностям, которые представляют инструментальный вектор политической интеграции, легитимации институционального порядка и глубинный критерий преобразования общества, разрешающий противоречие антитезы «традиция-инновация». Единство традиций и инноваций приобретает диалектический характер, превращая традицию в равноправного участника социального конструирования и способствуя обновлению или изменению традиции. При изменении типа политической культуры в результате социальных преобразований сохраняется преемственность, что доказывает определение генотипа как феномена долговременного существования, задающего предел инновациям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественно-историческая практика первых десятилетий XXI века изменила представление о глобализации и прогрессе. Несмотря на рост экономических, политических, культурных, транспортных и информационных связей между странами, обмен технологиями, взаимопроникновение культурного и политического опыта, всеобщая универсализация не состоялась. Наоборот, наметилась устойчивая тенденция к культурному обособлению и ограждению от стремления романо-германской цивилизации утвердить собственную культуру в качестве эталона, на который должны ориентироваться другие народы. Негативные последствия модернизации развивающихся стран по западной модели являются результатом игнорирования различий между западными и незападными государствами в сфере культуры, политики, религии и этнического самосознания. Культура представляет собой источник многообразия в общественном развитии, придавая историческому процессу неповторимость и многокрасочность.

Признание значимости культуры в развитии социума свидетельствует о возрастании роли субъективного фактора в современном мире и, следовательно, о повышении значимости человека и недопустимости превращения политических, экономических и культурных инноваций в самодовлеющие факторы, подчиняющие человеческий разум, интеллект и волю. Ведущей тенденцией общественного сознания является высокая оценка и самооценка «Я», что превращает ценности самовыражения человека в движущую силу социальных преобразований, преобразует модернизацию в процесс человеческого развития и в конечном итоге ориентирует на утверждение гуманистического общества нового типа, центральной фигурой которого должен стать человек как высшая ценность общественного бытия.

Учитывая значение субъективного фактора в информационном обществе, мы использовали понятие «политическая культура», анализируя политическую сферу общества. Политическая культура соотносится с культурой как вид с родом, поэтому она подчиняется общим закономерностям культурного развития. Несмотря на взаимосвязь духовной и политической культуры, некорректно игнорировать своеобразие и определенность политической культуры, которую следует рассматривать в качестве системного явления, т.е. как целое, состоящее из взаимосвязанной, взаимозависимой, многоуровневой и динамичной совокупности элементов.

Взятые в системе элементы политической культуры обнаруживают не только взаимосвязь, но и новое содержание, акцентирующее внимание на человеке, когнитивные, эмоциональные и оценочные ориентации которого, реализуемые в процессе политической деятельности, оказывают влияние на стабильность и направленность развития политической структуры. Системный характер данного феномена открывает возможность исследовать с позиции политической культуры политическое состояние общества во взаимосвязи образующих его элементов.

Анализ российских политических отношений показал возникновение и этапы развития политической сферы, взаимосвязь политической дифференциации и инноваций в процессе социальных изменений, предпринятых политической элитой в Российском государстве, формирование ценностей, политических традиций, стереотипов политического сознания и поведения; выявил влияние православия на социокультурную основу общества. Развитие политической культуры от парохально-подданнической к подданническо-участнической свидетельствует, во-первых, о сохранении, несмотря на неоднократные усилия осуществить модернизацию по западной модели, генотипа политической культуры и традиционного общества, характеризующегося слитностью общества и государства, отношения между которыми могут быть определены как этатистско-патерналистские; во-вторых, о латентно существующей тенденции политической неустойчивости ввиду стабилизации общества в ситуации субкультурной фрагментации, что неизбежно проявляется при обострении общественных противоречий и чревато политическими конфликтами; в-третьих, об устойчивости генотипа российской политической культуры, оказывающего сопротивление инновациям западноевропейского образца, ибо российская социокультурная идентичность не позволяет отнести Россию ни к одной из европейских культурных семей.

Неолиберальная модернизация России в 1990-е годы завершилась разрушением российской государственности и ценностным расколом между политической элитой и народом. Преодоление кливажа находится в плоскости признания необходимости преобразований, чтобы быть великой державой, и осознания, что модернизация страны не может быть осуществлена при игнорировании социокультурной идентичности, особенностей политической культуры и национальных интересов. Очевидно, что следует прекратить разрушать в России ранее созданное,

замыкая круг циклических преобразований, и начать движение по спирали исторического развития, разумно сочетая традиции и инновации в политической культуре при реформировании общественного устройства.

В результате проведенного анализа автор пришёл к следующим основным выводам:

1. Содержание и сущность политической культуры состоят в единстве политической деятельности (поведения) и политического сознания. Политическая культура не есть нечто рядоположенное или пересекающееся с политическим поведением и политическим сознанием, а есть единство политического поведения (деятельности) и сознания, единство практического и духовного. Политическое поведение и политическое сознание являются системными явлениями, обладающими относительной самостоятельностью. Взятые в единстве, они выступают в качестве подсистем политической культуры, задающей границы новой системе, которую она образует. Политическая культура как системное понятие, или целое, представляет собой взаимозависимую, многоуровневую и динамичную совокупность элементов, которые отражают субъектно-объектные политические отношения, присущие социуму.
2. Взаимосвязь политической культуры и политической структуры проявляется на уровне политической системы в целом, процессов на «входе» и «выходе», на индивидуальном уровне, где актер соотносится с элементами политической структуры различного уровня. Субъектно-объектные отношения, которые развиваются или отсутствуют на каждом из указанных уровней, формируют типы политической культуры, служащие инструментом описания политического состояния общества в единстве аксиологического, символического и рационально-идеологического аспектов.
3. Характер взаимосвязи политической культуры и политической системы общества не обладает детерминированностью, но степень корреляции между ними определяется как очень высокая. Выявление внутренней

структуры политической культуры как системы способов организации политической деятельности дает возможность раскрыть особенности политической жизни, охарактеризовать рациональные и иррациональные стороны политической действительности, установить характер взаимодействия политической культуры и политической структуры в периоды формирования, развития и модернизации политической сферы общества.

4. «Ядро» политической культуры содержит субъективные символические структуры как общепринятые схемы мышления и поведения, которые создают единое поле смыслов и значений, интерпретирующих политические процессы на уровне индивидуального и общественного сознания. Хабитусные, нормативно-процедурные и ценностные когнитивные схемы оперируют онтологическими категориями, которые типологизируют политические ситуации в индивидуальном сознании и проявляются на социетальном уровне, обеспечивая воспроизводство политической жизни на принципе преемственности. Политическое сознание, обладающее способностью конструировать смысловую взаимосвязь между политической реальностью и общепринятыми символическими структурами, обнаруживает интегративную природу политической культуры, которая содействует объединительным процессам на микро-и-макроуровнях общества.
5. Генотип, носителем которого является «ядро» политической культуры, сохраняет в исторической памяти народа устойчивые представления, стереотипы поведения и наиболее типичные формы политических отношений, ориентирующие человека на поведение в соответствии с общепринятыми когнитивными схемами. При реформировании институционального порядка возникают ситуации, которые не могут быть интерпретированы при помощи нерелексивных когнитивных схем, что дает возможность человеку свободно мыслить и противодействовать реконструкции. Генотип как феномен политического бытия определяет направление политических преобразований и условия восприятия инноваций, является константой, которая не изменяется на протяжении длительного времени существования нации.

6. Ведущая роль в политической культуре принадлежит традициям и ценностям, которые в единстве представляют инструментальный вектор легитимации институционального порядка и политической интеграции, а также глубинный критерий преобразования общества, что разрешает противоречие антитезы «традиция-инновация» возможностью создать социально-политический проект на основе широкого общественного согласия и обеспечить реалистичность и устойчивость целей модернизации.
7. Политическая культура в контексте диалектического взаимодействия традиций и инноваций является важным фактором развития социума. Ценностно-нормативный фундамент, сохраняющийся в семиотических образованиях генотипа политической культуры и ориентированный на стабильность политического сообщества, коррелирует инновационные процессы (препятствуя или содействуя изменению) и осуществляет легитимацию нового институционального порядка при условии согласованности между генотипом и нововведениями. Согласованность превращает традицию в равноправного участника общественных преобразований и способствует обновлению или изменению традиций.
8. Выявленные свойства и качества дореволюционной и советской политических культур подтверждают наличие преемственности в развитии российской политической культуры в результате неоднократных социальных преобразований и доказывают определение генотипа политической культуры как феномена долговременного существования, задающего предел инновациям.

Диалектическая взаимосвязанность объективного и субъективного в развитии общества даёт возможность человечеству в процессе политической деятельности, учитывая приобретённый общественно-исторический опыт, двигаться от одного качественного состояния общества к другому. Фактор политической культуры имеет значение в имманентной логике социального развития, поэтому он требует

дальнейшего изучения по направлениям: структура и закономерности формирования генотипа политической культуры; механизм изменения типа политической культуры; взаимосвязь политической культуры и государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с.
2. Алмонд, Г. Гражданская культура : политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба; [пер. с англ. Е. Генделя]. – М. : Мысль, 2014. – 500 с.
3. Арато, Э. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Л. Коэн, Э. Арато. – М. : Весь мир, 2003. – 783 с.
4. Арутюнян, Л.Н. Политическая культура: процессы формирования и изменения (о некоторых гипотетических основаниях одной теоретической модели) / Л.Н. Арутюнян // Образы власти в политической культуре России. – М.: МОНФ, 2000. – С. 17-27.
5. Ахиезер, А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) / А. С. Ахиезер // Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 51-76.
6. Ачария, Б. Особенности воздействия политической культуры на политическую систему общества / Б. Ачария, С.М. Чаморро. – М.: Наука, 1998. – 455 с.
7. Ачкасов, В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России / В.А. Ачкасов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 63-67.
8. Баталов, Э. Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture / Э. Я. Баталов. – Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 7-22.
9. Баталов, Э. Я. Политическая культура современного американского общества / Э. Я. Баталов ; отв. ред. д. филос. наук Ю. А. Замошкин. – М. : Наука, 1990. – 256 с.
10. Баталов, Э.Я. Советская политическая культура / Э.Я. Баталов // Общественные науки и современность. – 1994. - № 6. – С. 32-41.
11. Баталов, Э.Я. Советская политическая культура / Э.Я. Баталов // Общественные науки и современность. – 1995. - № 4. – С. 60-70.

12. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху / С. Бенхабиб ; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
13. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; Московский философский фонд ; [пер. Е. Руткевич]. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 335 с.
14. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма: репринтное воспроизведение / Н.А. Бердяев ; редкол.: Э.Ф. Володин [и др.] ; послесл. А.Л. Андреева ; примеч. В.Н. Чекалова ; Акад. Наук СССР ; Науч. совет по проблемам рус. культуры. – М.: Наука, 1990. – 220 с.
15. Бердяев, Н.А. Самопознание. Русская идея / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 604 с.
16. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 668 с.
17. Бирюков, Н.И. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы интеграции в современном обществе) / Н.И. Бирюков, В.М. Сергеев // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 4. – С. 61-74.
18. Бирюков, Н.И. Парламентская деятельность и политическая культура / Н.И. Бирюков, В.М. Сергеев // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 1. – С. 66-75.
19. Борисенков, А. А. Политическая жизнь: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия» / Борисенков Александр Александрович. – М., 2005. – 313 с.
20. Бочаров, В.В. Власть. Традиции. Управление: попытка этноисторического анализа политических культур государств Тропической Африки / В.В. Бочаров. – М.: Наука, 1992. – 296 с.
21. Бурлацкий, Ф. М. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма / Ф. М. Бурлацкий, А.А. Галкин. – М. : Мысль, 1985. – 384 с.
22. Бьюкенен, П. Дж. На краю гибели / П. Дж. Бьюкенен. – М. : АСТ, 2008. – 349 с.

23. Варакин, С. В. Политическая культура как фактор социальной стабилизации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия» / Варакин Сергей Володарьевич. – Волгоград, 1994. – 131 с.
24. Василенко, И. А. О возможностях политической герменевтики / И.А. Василенко // Вопросы философии. – 1999. – № 6. – С. 3-13.
25. Василенко, И. А. Политическая философия: учеб. пособие / И. А. Василенко. – 2-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 320 с.
26. Верченев, Л. Н. Политическая культура: российские пути и перепутья / Л. Н. Верченев // Политическая наука современной России: тенденции развития. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 5-32.
27. Винокуров, Е. Ю. Политическая философия Иммануила Канта в современных философских дискуссиях о мировом политическом устройстве / Е. Ю. Винокуров. – Калининград : Изд-во Калинингр. ун-та, 2002. – 219 с.
28. Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн ; пер. с англ., нем. В. Руднева. – М.: Территория будущего, 2005. – 436 с.
29. Воскресенский, А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке / А. Д. Воскресенский. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 190 с.
30. Вощанов, П.И. Ельцин как наваждение. Записки политического проходимца / П.И. Вощанов. – М.: Алгоритм, 2017. – 416 с.
31. Вятр, Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. – М. : Прогресс, 1979. – 228 с.
32. Гаджиев, К. С. Политическая культура: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев. // Полис. – 1991. – № 6. – С. 69-83.
33. Гаджиев, К.С. Политическая социология / К.С. Гаджиев. – М.: Юрайт, 2017. – 207 с.
34. Галкин, А. А. Власть, общество и политический процесс: российская модель / А. А. Галкин. // Полития. – 2009. – № 1(52). – С. 5-22.
35. Гаман-Голутвина, О.В. Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли / О.В. Гаман-Голутвина // ПОЛИТЕКС =

- POLITECH : Политическая экспертиза: альм. – Вып. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 30-52.
36. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Г. Шпета; [комментарий Ю. Р. Селиванова]. – М.: Академический проект, 2008. – 767 с.
37. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.
38. Глебова, И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы / И.И. Глебова // Полис. – 2006. – №1. – С. 33-43.
39. Глобализация и Россия: проблемы демократического развития / под ред. Н.В. Загладина, К.Г. Холодковского. – М.: Русское слово, 2005. – 495 с.
40. Глухова, А. В. Политические конфликты: Основания. Типология. Динамика / А.В. Глухова; Рос. Акад. наук, Центр конфликтологии, Ин-т социологии. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 278 с.
41. Гобозов, И.А. Философско-историческое осмысление реформ Петра I и их последствий / И. А. Гобозов // Философия и общество. – 2019. - №2. – С. 40-61.
42. Гобозов, И.А. Избранное: Философия истории. Социальная философия. Марксистская философия. Философские проблемы политики / И.А. Гобозов. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 528 с.
43. Горький, М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре / М. Горький. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 224 с.
44. Градинар, И. Политическая культура: мировоззренческое измерение : в 2 ч. / И. Градинар. – СПб. : Наука, 1996. – Ч. 1. – 225 с.; Ч. 2. – 181 с.
45. Грамши, А. Избранные произведения / А. Грамши ; пер. с итал. – М.: Политиздат, 1980. – 422 с.
46. Гуторов, В.А. Политика: наука, философия, образование / В.А. Гуторов. – СПб.: СПбГУ, Факультет Политологии, 2011. – 516 с.
47. Давыдов, А.П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России: подведение итогов первого заседания «круглого стола» Ахиезеровских чтений // Философские науки. – 2010. – № 2. – С. 68-79.

48. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 576 с.
49. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз ; [пер. с фр. М. Фуко]. – М.: Раритет, 1998. – 480 с.
50. Делёз, Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; [пер. с фр.]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 670 с.
51. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; [пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина ; науч. ред. В.Ю. Кузнецов]. – М.: Академический Проект, 2000. – 491 с.
52. Демидов, А. И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики / А. И. Демидов // Полис. – 2007. – № 3. – С. 156-162.
53. Денисов, В.В. Политическая культура. Теория и практика / В.В. Денисов // Философия и общество. – 2006. - № 1. – С. 19-30.
54. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Институт философии РАН ; [отв. ред. В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов]. – М.: Наука, 2005. – 428 с.
55. Дробижева, Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания / Л. М. Дробижева // Полис. – 2018. – № 5. – С. 100-115.
56. Егоров, С.А. Политическая система, политическое развитие, право: критика немарксистских политических концепций / С.А. Егоров. – М.: Юридический мир, 1983. – 223 с.
57. Жане, П. Мораль и политика на Древнем Востоке : Брахманизм, буддизма, зороастризм, конфуцианство / П. Жане. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 106 с.
58. Завершинский, К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии / К.Ф. Завершинский // Полис. – 2002. – № 3. – С. 19-30.
59. Завершинский, К.Ф. Концепт легитимности как дискурсивная основа анализа политической культуры / К. Ф. Завершинский // Принципы и практика политических исследований. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 119-125.

60. Зевина, О.Г. Об особенностях политической культуры современной России / О.Г. Зевина, Б.И. Макаренко // Полис. – 2010. – № 3. – С. 114-131.
61. Зимин, В. А. Основные пути формирования политической культуры / В. А. Зимин // Актуальные проблемы современной науки. – 2004. – № 4. – С. 129-135.
62. Зиновьев, А.А. Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм / А.А. Зиновьев. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/171> (дата обращения: 08.01.2021).
63. Идеи и ценности в политике / Российская ассоциация политической науки ; [редколл.: А.И. Соловьев (гл. ред.) [и др.]]. М.: РОССПЭН, 2015. – 365 с.
64. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии: 1906-1954 / И.А. Ильин ; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2001. – 558 с.
65. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
66. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – №4. – С. 6-32.
67. Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко ; ИМЭ МО РАН. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – 992 с.
68. Каневский, П.С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов / П.С. Каневский. – М.: Академический проект, 2014. – 151 с.
69. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; [пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным; при. Ц. Арзаканяна]. – М.: Эксмо, 2013. – 736 с.
70. Карамзин, Н.М. История государства Российского: от VI века - до начала XVI века / Н.М. Карамзин. – М.: Изд-во «АСТ», 2008. – 832 с.
71. Карамзин, Н.М. История государства Российского от начала XVI века до 1612 года / Н.М. Карамзин. – М.: АСТ ; Хранитель, 2007. – 800 с.

72. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2016. – 1280 с.
73. Карташев, А.В. История Русской Церкви / А.В. Карташев. - М.: Изд-во «Эксмо», 2005. – 912 с.
74. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер ; сост. С.Я. Левит, Л.В. Скворцов ; отв. ред. Л.Т. Мильская ; пер. Б. Вимер и др. – М.: Гардарики, 1998. – 779 с.
75. Кейзеров, Н. М. Политическая и правовая культура: Методологические проблемы / Н. М. Кейзеров. – М.: Юридическая литература, 1983. – 232 с.
76. Кертман, Г.Л. Катастрофизм в контексте российской политической культуры / Г.Л. Кертман // Полис. – 2000. - № 4. – С. 6-18.
77. Кертман, Г.Л. Статус партии в российской политической культуре / Г.Л. Кертман // Полис. – 2007. - № 1. – С. 120-131.
78. Кива, А.В. Многоликость российской модернизации / А.В. Кива \ Общественные науки и современность. – 2011. - № 1. – С. 42-51.
79. Кизеветтер, А.А. Местное самоуправление в России, IX-XIX ст.: ист. очерк. – М.: Тип. Московского императорского ун-та, 1910. – 155 с.
80. Кирдина, С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы / С.Г. Кирдина // Социс. – 2012. – № 2. – С. 63-73.
81. Киреевский, И.В. Духовные основы русской жизни / Иван Киреевский. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2007. – 445 с.
82. Кавелин, К.Д. Избранное / К.Д. Кавелин ; Ин-т обществ. мысли ; сост., автор вступ. ст. и коммент. Р.А. Арсланов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 606 с.
83. Ключевский, В.О. Русская история / В.О. Ключевский. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009. – 989 с.
84. Колесников, В. Н. Функциональная ценность парламентской культуры / В. Н. Колесников // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – 2010. – Вып.2. – С. 33-40.
85. Коновалов, И. П. Распад государства и гражданская война в Сомали / И. П. Коновалов. – М.: Социально-политическая мысль, 2010. – 176 с.

86. Конфликты и диалог политических культур в современной России / под ред. А.В. Глуховой. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 216 с.
87. Корниенко, Т. А. Модернизационные вызовы и трансформация политической культуры: к вопросу о социально-культурных факторах модернизации / Т. А. Корниенко // Человек, сообщество, управление. – 2012. – № 3. – С. 31-41.
88. Коршунов, М. Страна, где царит закон «Калашникова» / М. Коршунов // Азия и Африка сегодня. – 1993. – № 8. – С. 13-17.
89. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. – М.: Эксмо, 2009. – 1024 с.
90. Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж.Л. Коэн, Э. Арато ; пер. с англ. ; общ. ред. И. И. Мюрберг. – М. : Весь Мир, 2003. – 784 с.
91. Кравец, А.С. Понимание смысла социальной деятельности / А.С. Кравец. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 302 с.
92. Красненко, О. А. Концепция власти М. Вебера в исследовании политической культуры Великобритании и России / О. А. Красненко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. 12. – № 3. – С. 180-189.
93. Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.
94. Лакан, Ж. Семинары / Ж. Лакан. – М.: Гнозис : Логос, 1998. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / в ред. Ж.-А. Миллера ; [пер. с фр. М. Титовой ; ред. пер. А. Черноглазова]. – 1998. – 425 с.
95. Лукин, А.В. Умом Россию понимать: постсоветская политическая культура и отечественная история / А.В. Лукин, П.В. Лукин. – М.: Весь мир, 2015. – 383 с.
96. Малахов, В.С. Неудобства с идентичностью / В.С. Малахов // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43-53.
97. Малинова, О. Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе / О. Ю. Малинова // Полис. – 2006. – № 5. – С. 106-128.

98. Малинова, О. Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу тенденций в англоязычной политической философии // Полис. – 2004. – № 5. – С. 7-18.
99. Манько, А.В. Блустители верховной власти: институт губернаторства в России: Исторический очерк / А.В. Манько. – М.: Аграф, 2004. – 240 с.
100. Медведев, Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи / Р. Медведев. – М.: АСТ : Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 637 с.
101. Межуев, В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования / В. М. Межуев. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 440 с.
102. Межуев, В. М. Философия как специфический вид знания о культуре / Межуев В. М. // Философские науки. – 2000. – № 3. – С. 34-39.
103. Мережковский, Д.С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи / Д. Мережковский ; сост., посл. и коммент. С.Н. Поварцова. – М.: Книжная палата, 1991. – 351с.
104. Механизмы власти: трансформация политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв.: материалы международной конференции, Москва, 15-18 мая 2007 г. / [под общ. ред. Е.И. Пивовара]. – М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2009. – 421 с.
105. Милюкова, О. Политическая идентификация в условиях социальной трансформации / О. Милюкова // Власть. – 2011. - № 4. – С. 50-54.
106. Мирошниченко, И.В. Формирование политической субкультуры: социальные механизмы и уровни субъектности социально-профессиональных групп в политике / И.В. Мирошниченко // Человек, сообщество, управление. – 2006. – № 4. – С. 148-161.
107. Модернизация и политика: традиции и перспективы России / Российская ассоциация пол. науки ; [редколл.: А.И. Соловьев (гл. ред.) [и др.]. – М.: РОС-СПЭН, 2011. – 431 с.
108. Морозова, Е.В. Современная политическая культура Юга России / Е.В. Морозова // Полис. – 1998. – № 6. – С. 113-131.

109. Мчедлова, М.М. Новые грани идентичности современной России / Мчедлова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2007. – № 3. – С. 72-81.
110. Николаева, А.А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности / А.А. Николаева // Вестник практической психологии. – 2011 (Октябрь–декабрь). – № 4 (29). – С. 68-70.
111. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / [Научно-ред. совет: пред. В.С. Степин, зам. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов]. – М.: Мысль, 2010.
112. Орлов, И.Б. Политическая культура России XX века / И.Б. Орлов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 222 с.
113. Пальцев, А.И. Системообразующие ценности евразийской (российской) цивилизации / А.И. Пальцев // Власть. – 2011. – № 4. – С. 42-46.
114. Пантин, В.И. Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы, тенденции, перспективы / В.И. Пантин // Полис. – 2007. – № 5 – С. 105-107.
115. Патрушев, С.В. Российская политическая культура как система диспозиционных ориентаций: что нового / С.В. Патрушев // Политическая наука: Исследования политической культуры: Современное состояние. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 75-94.
116. Перегудов, С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства / С.П. Перегудов // Полис. – 2011. - № 3. – С. 141-163.
117. Пивоваров, Ю. С. Концепция политической культуры в современной науке / Ю. С. Пивоваров // Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – С. 6-46.
118. Пивоваров, Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении / Ю. С. Пивоваров. – М.: РОССПЭН, 2006. – 168 с.
119. Пивоваров, Ю. С. Русская политическая культура и political culture / Ю. С. Пивоваров // Pro et contra. – 2002. –Т. 7. – № 3. – С. 23-50.

120. Пивоваров, Ю. С. Русская политическая традиция и современность / Ю. С. Пивоваров. – М. : ИНИОН РАН, 2006. – 256 с.
121. Пивоваров, Ю. С. Русское настоящее и советское прошлое / Ю. С. Пивоваров. – М.: СПб.: Центр гуманитарных ин-тов. Универсальная книга, 2014. – 332 с.
122. Поливаева, Н.П. Политическое сознание россиян на рубеже XX – XXI вв.: политологический анализ: монография / Н.П. Поливаева. – Воронеж: Научная книга, 2015. – 435 с.
123. Политическая культура: теория и национальные модели / К.С. Гаджиев (ред.). – М.: Интерпракс, 1994. – 351 с.
124. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007) / редколл.: О.Ю. Малинова (отв. ред.), С.В. Патрушев, Я.А. Пляйс. В.В. Смирнов. – М.: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
125. Политическая философия / под общ. ред Г.Л. Тульчинского. – М.: Юрайт, 2014. – 324 с.
126. Политические системы и политические культуры Востока / Моск. гос. ин-т международных отношений (ун-т) МИД РФ ; под ред. А.Д. Воскресенского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ, 2007. – 829 с.
127. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер. – М. : Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992.
128. Пушкарёва, И.М. Была ли альтернатива у «Кровавого воскресенья»? / И.М. Пушкарёва // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 17-25.
129. Розов, Н. С. Императив изменения национального менталитета / Н. С. Розов // Полис. – 2010. – № 4. – С. 7-22.
130. Романович, Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе: монография / Н.А. Романович. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. – 400 с.
131. Российские самодержцы (1801-1917): монография / Отв. ред. А.П. Корелин ; А.Н. Боханов [и др.]. – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1994. – 400 с.

132. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь Мир, 2015. – 432 с.
133. Рукавишников, В. О. Политическая культура постсоветской России / В.О. Рукавишников // Социально-политический журнал. – 1998. – № 1. – С. 43-54.
134. Рукавишников, В.О. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения / В.О. Рукавишников, Лук Халман, Питер Эстер ; пер. с англ., доп. и перераб., ред. и предисл. В.О. Рукавишникова. – М.: Совпадение, 1998. – 368 с.
135. Рухтин, А. А. Политическая культура как интегративная характеристика политической жизни общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия» / Рухтин Александр Анатольевич. – Волгоград, 2011. – 29 с.
136. Рухтин, А.А. Гражданская идентичность и политическая культура: возможности социальной интеграции / А.А. Рухтин // Молодой ученый. – 2010. – Т. I. – № 12 (23). – С. 131-138.
137. Рухтин, А.А. Интегративный потенциал политической культуры / А.А. Рухтин // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2010. – № 2 (12). – С. 147-151.
138. Саква, Р. Политическая культура: возможности и сложности в применении понятия для анализа процессов ускоренных преобразований / Р. Саква // Политика. – 2004. – № 4. – С. 41-68.
139. Самарин, Ю.Ф. Избранные произведения / Ю.Ф. Самарин ; сост., вступ. ст. Н.И. Цимбаева ; примеч. Н.И. Цимбаева, Н.А. Смирновой ; ред. Н.А. Чистякова. – М.: РОССПЭН, 1996. – 605 с.
140. Седов, Л. А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении / Л. А. Седов // Общественные науки и современность. – 2006. – № 3. – С. 67-74.
141. Селезнева, А.В. Политические представления и ценности россиян / А.В. Селезнева ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Факультет Политологии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2012. – 223 с.

142. Сиденко, О.А. Российская модернизация: тайна за семью печатями / О.А. Сиденко // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2010. – № 1. – С. 93-98.
143. Соловей, И. В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта / И. В. Соловей // Философские науки. – 2005. – № 11. – 34 - 46.
144. Соловей, И. В. Философские смыслы поля политики / И. В. Соловей. – Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – 248 с.
145. Соловьёв, А.И. Политология: политическая теория, политические технологии / А.И. Соловьёв. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект-Пресс, 2012. – 575 с.
146. Соловьёв, А.И. Цивилизационное пространство государственности (Противоречия западной и отечественной моделей) / А. И. Соловьёв // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 96-110.
147. Соловьёв, А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита / А.И. Соловьёв // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 313-337.
148. Соловьёв, В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра / В.С. Соловьёв. – Минск: Харвест, 1999. – 910 с.
149. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; [пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича ; вступ. ст. А.А. Холодовича]. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
150. Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. д.ф.н. В. Г. Федотова ; Ин-т философии РАН. – М. : ИФ РАН, 2001. – 284 с.
151. Социологическая энциклопедия : в 2-х т. / рук. науч. проекта доктор полит. наук Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2003.
152. Стризов, А. Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А. Л. Стризов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 340 с.
153. Сулимов, С. И. Учение об общественных изменениях Ш. Н. Эйзенштадта / С. И. Сулимов // Научно-практические исследования в сфере общественных

- наук: сб. науч. трудов / под ред. Л. Ф. Костриченко. – Вып. 2 – Воронеж : ЦНТИ, 2016. – С. 26-31.
154. Тишков, В.А. Российский народ и национальная идентичность / В.А. Тишков // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – № 4. – С. 135-142.
155. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / А. Дж. Тойнби. – М.: АСТ, 2011. – 318 с.
156. Трансформация политической культуры: состояние и перспективы: сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции по теме «Перспективы трансформации политического сознания и политической культуры в условиях глобализирующегося мира» / под общ. ред. О.С. Городниной. – Орёл: ООО Полиграфическая фирма «Картуш» ; Изд-во ОГУ, 2010. – 300 с.
157. Трубецкой, Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н.С. Трубецкой. – М.: Алгоритм : Эксмо, 2012. – 336 с.
158. Трубецкой, С.Н. Сочинения / С.Н. Трубецкой ; [сост., ред. и вступ. статья П.П. Гайденко ; примеч. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова]. – Минск: Мысль, 1994. – 816 с.
159. Фадеева, Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии / Л.А. Фадеева // Полис. – 2011. - № 1. – С. 134-139.
160. Фан, И.Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход / И.Б. Фан // Полис. – 2010. - № 6. – С. 149-161.
161. Фёдоров, Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Фёдоров. – М.: Эксмо, 2008. – 752 с.
162. Федотов, Г.П. Трагедия интеллигенции / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья: сборник / сост. М.А. Маслин, вступит. ст. М.А. Маслина, А.Л. Андреева. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
163. Федотова, В.Г. Модернизация и культура / В. Г. Федотова ; Ин-т философии РАН. – М. : Прогресс-Традиция, 2016. – 334 с.
164. Федотова, В.Г. Различия политических культур и международные конфликты / В.Г. Федотова // Полис. – 2015. - № 1. – С. 44-54.

165. Фейхтвангер, Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей / Л. Фейхтвангер. М.: Издатель И. Захаров, 2001. – 160 с.
166. Фихте, И. Г. Сочинения. Работы 1792-1801 гг. / И. Г. Фихте; издание подготовлено П. П. Гайдено. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. – 656 с.
167. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк ; сост. и автор вступ. статьи П.В. Алексееви. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
168. Фукуяма, Ф. Доверие : Социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ : Ермак, 2004. – 733 с.
169. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас ; Сост. А. В. Денежкина ; пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2005. – 368 с.
170. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В.В. Бибихина. – 5-е изд. – М.: Академический Проект, 2015. – 460 с.
171. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: АСТ : Транзиткнига, 2004. – 635 с.
172. Хантингтон, С.Ф. Политический порядок в меняющихся обществах / С.Ф. Хантингтон ; пер. с англ. В.Р. Рокитянского. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 480 с.
173. Хантингтон, С.Ф. Столкновение цивилизаций: [пер. с англ.] / С.Ф. Хантингтон. – М.: АСТ ; СПб.: Terra fantastica, 2003. – 603 с.
174. Хантингтон, С.Ф. Третья волна: Демократизация в конце XX века / С.Ф. Хантингтон ; [пер. с англ. Л.Ю. Паншиной]. М.: РОССПЭН, 2003. – 367 с.
175. Хинштейн, А. Конец Атлантиды. Почему Путин никогда не станет Горбачёвым / А. Хинштейн. – М.: Абрис, 2018. – 624 с.
176. Холодковский, К.Г. К вопросу о политической системе современной России / К.Г. Холодковский // Полис. – 2009. – № 2. – С. 7-23.
177. Холодковский, К.Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания / К.Г. Холодковский // Мировая экономика и международные отношения. – 1979. – № 6. – С. 126-129.

178. Хомяков, А.С. Избранные сочинения / Алексей Хомяков ; под ред. Н.С. Арсеньева. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. – 413 с.
179. Хомяков, М.Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства / М. Б. Хомяков // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М. : Ин-т социологии РАН, 2006. – С. 30-56.
180. Цыганков, П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика / П.А. Цыганков ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Факультет Политологии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2014. – 571 с.
181. Чернов, В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905-1920 / В.М. Чернов. – М.: Центрполиграф, 2007. – 430 с.
182. Черчилль, У. С. Британия в Новое время (XVI-XVII вв.) / У. С. Черчилль. – Смоленск : Русич, 2006. – 416 с.
183. Шатилов, А. Постсоветские подходы к изучению политической культуры / А. Шатилов // Pro et contra. – 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 183-194.
184. Шевчук, И. И. Философско-исторические корни российской модернизации / И. И. Шевчук // Философия и общество. – 2019. - №2. – С. 79-95.
185. Шестопал, Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны / Е.Б. Шестопал // Полис. – 2014. - № 2. – С. 61-74.
186. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 37-67.
187. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер. – Минск: Поппури, 2009.
188. Штомка, П. Социология. Анализ современного общества: монография / П. Штомка; пер. с польск. С.М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
189. Щербинина, Н.Г. Архаика в российской политической культуре / Н.Г. Щербинина // Полис. – 1997. – № 5. – С. 127-139.
190. Эйзенштадт, Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш.Н. Эйзенштадт. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

191. Элиты в современных политических процессах (опыт сравнительного исследования) / ГОУ ВПО «ВГУ» ; А.В. Глухова [и др.]. – Воронеж: Научная книга, 2009. – 177 с.
192. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с.
193. Almond, G. A. Comparative political system // Political behavior: A reader in Theory research. – Clencoe, III, 1956. – 150 p.
194. Almond, G. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations / Almond G., S. Verba. – Princeton : Princeton University Press, 1989. – 562 p.
195. Coleman, J. S. Nigeria. Background to Nationalism. – Los-Angeles : Berkeley, 1958. – 510 p.
196. Diamond, L. Introduction: Political Culture and Democracy // Diamond L. (ed.) // Political Culture and Democracy in Developing Countries. – Boulder, 1994. – PP. 1-33.
197. Dittmer, L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis / L. Dittmer // World Politics. – 1977. – Vol. 29. – № 4. – PP. 552-582.
198. Geertz, C. The Interpretations of Cultures / C. Geertz. – N.Y. : Basic Books, 1973. – 448 p.
199. Giddings, F. H. The Theory of Socialization : A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes (1897) / F. H. Giddings. – N. Y. ; L. : MacMillan & Co., 2011. – 47 p.
200. Hikeles, A. Becoming Modern: Individual Change in six Developing Countries / A. Hikeles, D. H. Smith. – Cambridge : Harvard University Press, 1974. – 436 p.
201. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / R. Inglehart. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 453 p.
202. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and Democracy : The Human Development Sequence / R. Inglehart, C. Welzel. – New York : Cambridge University Press, 2005. – 333 p.

203. Inglehart, R. Political Value Orientations // Jennings Al. K. (et al). Continuities in Political Action : A Longitudinal Study of Political Orientations in Three Western Democracies. – Berlin ; N. Y., 1989.
204. Inglehart, R. The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles among Western Publics / R. Inglehart. – Princeton : Princeton University Press, 1977. – 482 p.
205. Joseph, J. Language and Identity: National, Ethnic, Religious / J. Joseph. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. – 268 p.
206. Jowitt, K. An Organizational Approach to the Study of Political Culture in Marxist-Leninist Systems / K. Jowitt // American Political Science Review. – 1974. –Vol. 68. – № 3. – PP. 1171-1191.
207. Kavanagh, D. Political Science and Political Behaviour / D. Kavanagh. – London : George Allen & Unwin, 1983. – PP. 25-40.
208. Kymlicka, W. Contemporary Political Philosophy / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 321 p.
209. Lye, L. Political Culture // International Encyclopedia of the Social Sciences. – N. Y., 1961. – № 4. – Vol. 12.
210. MacAuley, M. Bringing Culture into Political Analysis: The Reform of the Russian Judiciary // Whitefield S. (ed.) Political Culture and Post- Communism. – Oxford : Palgrave Macmillan / St Antony's College, 2005. – PP. 81-104.
211. New World Encyclopedia (Editor in Chief : Frank Kaufmann). – N.Y. : Pace University, 2005. URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Info:Main_Page (дата обращения: 15.01.2021).
212. Political Culture and Political Development / Pye L. and Verba S. (eds). – Princeton : Princeton Legacy Library, 1965. – 586 p.
213. Putnam, R. Making Democracy Work : Civic Traditions in Modern Italy / R. Putnam. – Princeton, 1993. – 288 p.
214. Pye, L. Introduction : Political Culture and Political Development / L. Pye, S. Verba. – Princeton : Princeton University Press, 1965. – PP. 1-17.

215. Pye, L. *The Non-Western Political Process // Politics in Transitional Societies* / Kebschull H. G. (eds). – N. Y, 1968.
216. Rosenbaum, W. *Political Culture* / W. Rosenbaum. – N.Y. : Praeger, 1975. –181 p.
217. Strauss, L. *History of Political Philosophy* / L. Strauss (Editor), J. Cropsey. – Chicago : Chicago University Press, 1987. – 980 p.
218. Tucker, R.C. *Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev* / R.C. Tucker. – New York : Norton, 1987. – 214 p.
219. Wendt, F., Friedheim, D. *Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // International Organization*. – 1995. – Vol. 49. – № 4.
220. Williams, R. M. *Change and Stability in Values and Value Systems // Stability and Social Change* / Barber B. and Inkeles A. (eds). – Boston : Little & Brown, 1966.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Таблица 1 «Вопросы академического дискурса»46
2. Таблица 2 «Типы политической культуры»..... 50
3. Рисунок 1 «Предполагаемое соотношение политической культуры, политического поведения и политического сознания»64